

*Павшим и выжившим
морякам и пехотинцам
92-й отдельной морской бригады
посвящается*

**92-я МОРСКАЯ
БРИГАДА
В СТАЛИНГРАДЕ**

**Москва
Алгоритм
2017**

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-рус)6-4
Ш 18

Ш 18 92-я морская бригада в Сталинграде/В.В. Шалагинов.-
М.: Алгоритм, 2017 464 с.: илл.
ISBN 978-5-906995-85-8

В предлагаемом повествовании рассказано о 92-й отдельной стрелковой бригаде (ОСБр), сформированной в подмосковном Ступино в августе 1942 г. из моряков Северного и Балтийского флотов, которая с сентября 1942 г. по февраль 1943 г. приняла самое активное участие в боях по защите Сталинграда. К сожалению, в воспоминаниях командиров высокого ранга из 62-й армии имя бригады незаслуженно осталось в тени.

За первые 9 дней боев с 18 по 26 сентября 1942 г. первое формирование бригады было, по сути, уничтожено. Как память об этих героических днях сегодня на Рабоче-Крестьянской улице у здания бывшего Сталинградского элеватора возвышается монументальная скульптура моряка-североморца.

Героизм моряков и пехотинцев бригады при защите бетонного зернохранилища получил высокую оценку у немецкого командования. Неслучайно в конце осени сорок второго здание элеватора было выбрано Паулюсом в качестве эмблемы Сталинграда, которая красовалась на нарукавных нашивках солдат и офицеров 6-й немецкой армии.

Сбор уникального материала для книги стал возможен благодаря помощи ЦАМО РФ и его начальника И.А. Пермякова, Волгоградского музея-панорамы «Сталинградская битва», музея 92-й морской бригады Волгоградской гимназии № 4, Виталия Александровича Скороходова - внука замкомандира 4-го отдельного стрелкового батальона 92-й ОСБр Скороходова Александра Борисовича, Леонида Андреевича Хозяинова - сына героя защиты элеватора Андрея Осиповича Хозяинова, Ольги Владимировны Сеним - племянницы А.О. Хозяинова и знатока истории бригады Александра Давыдова. В книге сохранена орфография авторов цитируемых документов.

© Шалагинов В.В., 2017
ISBN 978-5-906995-85-8 © ООО «ТД Алгоритм», 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

ОДИН ИЗ ОФИЦЕРОВ 92 МОРСКОЙ БРИГАДЫ.....	7
ЛЕТО 1942 ГОДА ПОД СТАЛИНГРАДОМ.....	19
В междуречье Дона и Волги.....	20
«Ни шагу назад!».....	22
В прифронтовой полосе.....	26
Жаркий август 1942 года.....	38
12 сентября 1942 года.....	42
92-я МОРСКАЯ БРИГАДА ПЕРВОГО ФОРМИРОВАНИЯ	47
О морских бригадах в Сталинграде.....	48
Создание 92-й отдельной стрелковой бригады.....	49
Начало боев.....	55
Боевые документы 92-й ОСБр за первые дни боев.....	58
О первых шагах 92-й ОСБр глазами очевидцев.....	62
Боевое крещение.....	67
О первых героях 92-й морской бригады.....	72
Об итогах первых дней боев.....	75
ИСТОРИЯ ЗАЩИТЫ И ЗАЩИТНИКОВ ЭЛЕВАТОРА.....	83
О записях в «Историческом формуляре 92 ОСБр».....	84
Письмо Чуйкову Василию Ивановичу от Хозяинова Андрея Осиповича.....	85
Письма Степанова Бориса Аркадьевича - командира роты 11-го сп 10-й ОСБр.....	95
Письмо Смирнова Василия Васильевича.....	105
О военфельдшере 101-го гв. сп 35-й гв. сд Хмельниц- кой (Проворовой) Любви Петровне.....	106
Рассказ племянницы Хозяинова Андрея Осиповича Се- ним Ольги Владимировны.....	109
О ДРУГИХ ЗАЩИТНИКАХ СТАЛИНГРАДСКОГО ЭЛЕВАТОРА.....	113
35-я гвардейская стрелковая дивизия в сентябре 1942 года.....	114
Стенограмма беседы академика И.И. Минца с подполковником Герасимовым Александром	

Акимовичем, командиром 101-го гвардейского полка 35-й гв.СД.17.XII.1942 г.....	129
Письмо Андрею Осиповичу Хозяинову от Павленко Александра Андреевича.....	142
Выдержки из письма Н.Ф. Емельяненко А.О. Хозяинову от 5 августа 1975 г.	144
Рассказ танкиста	160
О 131-й стрелковой дивизии.....	174
Бои 131-й СД на южной окраине Сталинграда.....	175
Из воспоминаний Русинова Леонида Константиновича.....	177
Кто из офицеров 10-й ОСБр стоял во главе отряда, защищающего элеватор с 17 по 22 сентября 1942 года.....	200
О расположении 390-го сп 10-й СБр 15 сентября.....	205
Краткое описание б/д 160 (10) ОСБр за период с 24.8 по 20.9.42 г. по защите Сталинграда.....	206
Бои 10-й ОСБр в районе элеватора.....	210
Бои 10-й ОСБр 20 сентября 1942 г.....	211
Отчет М.П. Полякова «Из опыта боев за элеватор в г. Сталинграде 17-22 сентября 1942 года».....	214
Отчет майора Непокрытых «Борьба с автоматчиками противника 18-19 сентября 1942 года».....	217
Отчет лейтенанта Проходова «Оборона консервного завода 13.9.42 г.».....	221
Краткие выводы.....	222
Ко всему прочему.....	227
Возражения Николаю Федоровичу Емельяненко.....	230
Некоторые подробности о трех наградных листах.....	233
О схемах из отчета майора Непокрытых.....	238
О САМЫХ ТРУДНЫХ ДНЯХ 62-й АРМИИ.....	239
О боях 92 морской бригады 20 сентября 1942 года.....	240
Подвиг взвода ПТР 4-го батальона под командованием младшего лейтенанта Волкова.....	250
Наступление противника 21 сентября 1942 года	253
Некоторые документы из тех далеких дней.....	254
Бои на Мамаевом кургане в сентябре 1942 года.....	258

Подробности о боях 92-й морской бригады 21 и 22 сентября 1942 года.....	260
Н.Ф. Емельяненко о пленении немецкого офицера....	263
О чрезвычайном происшествии.....	268
Донесение старшего лейтенанта И.Е. Яковлева в штаб 62 армии.....	271
Из воспоминаний В.И. Чуйкова.....	274
Последние дни сентября 1942 года. Реакция штаба 62-й армии на происходящие события.....	275
Кому нужна ложь политрука Власова?.....	280
Итоги боев на реке Царице.....	281
Н.Ф. Емельяненко о героях сентябрьских боев.....	284
ПОЧЕМУ МОРЯКИ И ПЕХОТИНЦЫ 92-й БРИГАДЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ БЫЛИ ВЫБРАНЫ В КАЧЕСТВЕ «МАЛЬЧИКОВ ДЛЯ БИТЬЯ»?	389
Куда пропал взятый 92-й морской бригадой 18 сентября 1942 года пленный?.....	290
Еще один «охотничий» рассказ А.И. Родимцева, вложенный им в уста сержанта Ермолаева.....	291
О книге Н.И. Крылова «Сталинградский рубеж».....	295
«Охотничий рассказ» А.И. Родимцева в обработке академика А.М. Самсонова.....	299
О книге Н.И. Афанасьева «От Волги до Шпрее».....	307
Люди с левого берега.....	314
Люди с правого берега о вышедшей в 1976 году книге А.С. Чуянова «На стремнине века».....	326
УДАР ПРОТИВНИКА ПО ЗАВОДСКИМ РАЙОНАМ ГОРОДА.....	327
Бои 92-й морской бригады в заводских районах города.....	328
Катастрофа 2 октября 1942 года.....	335
На защите завода Баррикады.....	336
Очередное взятие языка.....	338
Еще одно наступление противника.....	340
Подвиг старшего лейтенанта Иосифа Емельяновича Яковлева.....	341

Воспоминание защитника завода «Баррикады» Карева Владимира Петровича.....	359
О 92-й МОРСКОЙ БРИГАДЕ ВТОРОГО ФОРМИРОВАНИЯ.....	349
Прибытие пополнения с Тихого океана.....	350
У юго-восточных скатов Мамаева кургана.....	350
Защита Мамаева кургана	352
О командире 92-й морской бригады Штриголе Викторе Михайловиче.....	356
Бои за овраг Долгий.....	359
Гибель третьего батальона.....	363
Последнее наступление Паулюса.....	366
Динамическое равновесие.....	368
ОПЕРАЦИЯ «УРАН».....	370
Начало наступления.....	372
Бои 92-й бригады близ Мамаева кургана после 20-го ноября.....	376
По обе стороны оврага Банный.....	382
Рассказ разведчика Константина Шарыпова.....	384
Подробности боев 92-й ОСБр в декабре 1942 года.....	388
Новый 1943-й год. Сталинградская елка.....	398
О состоянии дел в 62-й армии в декабре 1942 г.....	412
Бои на территории завода «Баррикады»	416
Выдержки из воспоминаний начальника разведки 92-й морской бригады капитана АА. Рукавцова.....	418
Из воспоминаний замначальника разведки 92-й морской бригады старшего лейтенанта АС. Лукаша.....	422
Строчки из журнала боевых действий 92-й морской бригады, отредактированные комбригом Елиным и заполитом Гуревичем.....	427
Последние бои.....	428

ОДИН ИЗ ОФИЦЕРОВ

92-й МОРСКОЙ БРИГАДЫ

В один из пасмурных дней октября 1995-го года я познакомился с Виталием Александровичем Скороходовым, который поведал мне занимательную историю из жизни своего дедушки Александра Борисовича. Эту историю в детстве маленький Виталик не раз слышал от своей бабушки Полины Ивановны. Конечно, рассказ бабушки за самоваром предназначался сидящим за круглым столом взрослым дядям и тетям, которые не могли и подумать, что отправленный спать в соседнюю комнату малыш, затаив дыхание, слушает мерную речь бывшей жены гвардии майора Скороходова о разбившем ее сердце непутевом муже Сашке.

Рассказ Полины Ивановны Скороходовой

Через год после нашего знакомства Александр Борисович начал пропадать по ночам. Под утро возвращался с пачками, якобы выигранных в карты, денег, которые я, не зная, что с ними делать, складывала в матрац.

И однажды по простоте душевной пожаловалась соседке: «Сашка каждую ночь куда-то уходит, а по утрам приносит пачки денег, которых набралось уже больше полматраца».

В тот же день нагрянули с обыском. Содержимое матраца конфисковали, а удачного картежника — в тюрьму.

На допросах товарищей не выдал, сказав, что играл с барыгами с базара. В итоге на очередном свидании помнящие добро друзья передали напильник в каравае хлеба и деньги...

Ночью перепилил решетку, перелез через тюремную ограду под носом у спящего часового, но в конце задел за колючую проволоку. Сработала сигнализация — завывла сирена. Посланная погоня стала настигать беглеца, но на его счастье он успел добежать до реки Клязьмы, на которой был ледоход, и броситься в ледяную воду. Преследователи не захотели рисковать здоровьем ради поимки сбежавшего, чья голова мелькала среди плывущих льдин. Лишь постреляли вдогонку для очистки совести. В итоге беглец скрылся, переехал в другой город...

Через полгода к нам в домик пришел неизвестный и, ни слова не говоря, оставил на столе записку и ключ, где рукой моего мужа был написан адрес в маленьком городишке в Башкирии. Распродав имущество, я с уже родившимся Сашей поехала из Ногинска по указанному адресу. Нашли дом, открыли дверь, а ночью пожаловал глава семейства — он жил под другой фамилией и именем. При разговоре, однако, я часто забывалась и называла его Сашей. Хорошо, что соседи не понимали обмана, так как в комнате всегда присутствовал другой Саша, наш с ним сын.

Однако Александр Борисович вскоре понял, что не сможет адаптироваться к своему новому образу и явился к властям с повинной. И в итоге дали маленький срок и простили. А время пребывания в заключении даже включили в трудовой стаж...

Он был хороший экономист, отличный организатор, а такие люди были нужны в полуграмотной стране. В конце концов был принят на хорошую работу и прописан в Москве...

Однако после возвращения с фронта Александр

Борисович не вернулся в семью — ушел жить к другой женщине. А я, не дождавшись мужа с войны, по совету соседней в 1945 году переехала с сыном Сашей из Башкирии в Алдан, где вышла замуж за школьного учителя Акимова. В то послевоенное время в европейской части СССР фактически не выплачивали зарплату...

А в преддверии 70-летия Великой Победы в интернете появился сайт «Подвиг народа», из которого внук Виталий узнал детали военной биографии своего дедушки:

Скороходов Александр Борисович 1902 года рождения, уроженец города Льгова Курской губернии в сентябре 1941 года получил звание старшего лейтенанта, 23 октября 1943 г. — капитана (приказ ГУК НКО № 199), 30 сентября 1944 года — майора приказом № 0539 2-го Украинского фронта. 23 декабря 1945 года приказом № 1243 уволен в запас по возрасту (ст. 43).

Так началось знакомство в ЦАМО РФ с личным делом № 0436386 **гвардии майора Скорохода Александра Борисовича.**

Согласно послужного списка, составленного 5 октября 1954 года Кунцевским горвоенкоматом г. Кунцево Московской области с более раннего послужного списка, Скороходов Александр Борисович родился 22 ноября 1902 года в городе Льгове Курской губернии; по национальности русский, родным языком считает русский, другими языками не владеет; социальное положение до поступления на военную службу — рабочий; основная гражданская специальность — плановик-экономист; общее образование — в 1924

*Гвардии майор Скороходов Александр Борисович.
Фото из личного дела № 0436386 ЦАМО РФ*

году окончил школу 2-й ступени в г. Курске; военное образование — в 1924 году в г. Курске окончил военную школу нормального типа; с 1921 по 1928 гг. состоял в ВЛКСМ, откуда выбыл как переросток; с июня 1944 по март 1953 гг. состоял в КПСС, откуда выбывал на время судимости и впоследствии был восстановлен; отец до 1917 года работал столяром в г. Льгове, мать была домохозяйкой; в 1919 г. родители: отец Скороходов Борис Кузьмич и мать Скороходова Елизавета Митрофановна умерли от тифа; в графе семейное положение указано, что несколько раз был женат, имеет трех сыновей: Геннадия 1928 г.р., Александра 1933 г.р. и Владимира — 1935 г.р. и проживает отдельно от всех своих жен и детей.

В графе «правительственные и другие награды» указано: 1) орден Красной Звезды № 99562, выданный приказом 62-й армии, 2) два ордена Отечественной войны, выданные приказами по 27-й армии, 3) медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Праги» и «За победу над Германией».

В графе «участие на фронтах гражданской войны» указано: *«Южный фронт в составе 54 стр. полка 18 стр. дивизии с августа 1920 по июль 1921 г.»*

Поскольку согласно энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., «Советская энциклопедия», 1983) в августе-сентябре 1920 года 18-я стр. дивизия участвовала в неудачном походе на Варшаву в составе Западного фронта под командованием Михаила Тухачевского и вынуждена была при наступлении поляков отойти в Восточную Пруссию, то словосочетание *Южный фронт*, написанное работниками военкомата под диктовку самого Александра Борисовича, видимо, следует понимать, как *южный фланг Западного фронта*. Свидетели воспоминаний самого Скороходова А.Б. утверждают, что отступал он из Польши вместе с частями 1-й конной армии Буденного, которая согласно историческим данным пришла на помощь Тухачевскому с опозданием — только 20 августа 1920 года.

В графе «Отечественная война» указано:

Западный фронт между Гжатском и Мот. в составе маршевого батальона № 1372 127-го запасного стрелкового полка 33-й отдельной бригады зам. комбата с 9.1941 по 11.1941 гг.

Сталинградский фронт 92 морская бригада 62 армия.

Степной фронт 281 гв. полк 93 гв. дивизия.

2-й Украинский фронт 281 гв. полк 93 гв. дивизия в должности командира батальона и пом. командира полка.

В 19-й графе «Самостоятельная трудовая деятельность» написано:

1915 — 1917 гг. магазин купца Локтионова гор. Львов ученик;

*10.1918 — 3.1920 маслобойный 3-д г. Львов, ве-
совщик, пресовщик;*

03.20 г. — 01.28 служба в РККА;

01.28-09.30 находился на излечении гор. Львов

09.30 — 04.32 Леспромхоз г. Львов лесотехник

*04.32 — 11.34 Фабрика № 30 от Стромособ.
начальник подсобного предприятия;*

*11.34 — 11.37 Стр-во № 7578 1 гр. Росстрой-
треста, начальник транспорта;*

*11.37-07.39 3-д Красный металлист гор. Моск-
ва. Начальник отдела сбыта;*

*07.39 — 08.41 Контора металлоконструкций 1-й
Госстройтрест Н.К.В.О. Плановик-диспетчер.*

09.41-12.45 Служба в Советской Армии...

В графе 22 (когда и где вступал на военную службу) записано: *«Март 1920 г. — Львовский РВК по профсоюзной мобилизации.*

*Август 1941 г. — по мобилизации Октябрьско-
го РВК гор. Москвы».*

В графе 23 прохождение военной службы в Вооруженных Силах Союза ССР записано:

*03.20 — 08.20 Красноармеец, 206 отдельный ка-
раульный батальон;*

08.20 — 07.21 Ком. отделения, 54 стр. полк, 18-й стр. дивизии;
07.21 — 09.24 Курсант, 4-я Пехотная школа красных командиров г. Курск;
09.24 — 09.25 Командир стр. взвода, 40-й образцовый полк 14-й Московской дивизии;
09.25 — 11.26 Пом. ком-ра стр. роты, 40-й образцовый полк 14-й Московской дивизии;
11.26 — 02.28 Врид ком-ра стр. роты, 40-й образцовый полк 14-й Московской дивизии;
02.28 Уволен в запас Р.К.К.А.
09.41-09.42 — Зам. ком-ра батальона, 127 зап. стр. полк, 33-й стр. бригады;
09.42 — 12.44 Командир стр. батальона, 4-й стр. батальон, 92 стр. бригада;
01.45 — 11.45 Пом. ком-ра полка по стр. части, 281 стр. полк, 93 гв. Харьковской стр. дивизии;
11.45 Уволен из кадров Советской Армии в запас по ст. 43 (по возрасту) Пр. Гл. Ком. ИГВ № 01243 от 23.11.45 г.

В графе 24 б «Дополнительные сведения по прохождению службы» записано:

В составе советских войск находился на территории Румынии с 4.44 по 10.44 г., Венгрии с 10.44 по 03.45 гг., Австрии с 04.45 по 04.45 г. и с 10.45 по 12.45 гг., Чехословакии с 04.45 по 10.45 г.

В графе 24 в «Дополнительные сведения о родителях и близких родственниках» сказано:

Сестра Кузнецова Надежда Борисовна находилась на территории, оккупированной немцами в с. Плотова Конюшевского района Курской области с 1941 по 1943 гг.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Скороходов Александр Борисович родился в ноябре 1902 года в семье рабочего г. Льгова Курской области. Отец Скороходов Борис Кузьмич был столяр, мать Скороходова Елизавета Митрофановна.

Родные умерли в 1919 году от тифа. Имущество имели 1/2 часть одноэтажного дома.

В 1915 году окончил четырехгодичное приходское училище. 1916-1918 гг. работал мальчиком магазина у купца Локтионова. 1919 г. работал весовщиком и пресовщиком на маслобойном заводе. В марте м-це 1919 г. был мобилизован в кр. армию и был зачислен для прохождения службы в 206 о.к.б.

Батальон летом 1919 г. вошел в 54 стр. полк 18 стр. дивизии, которая участвовала в боях на Южном фронте.

В августе м-це 1921 года был зачислен курсантом в 4-ю военную пехотную школу в г. Курске, которую окончил в сентябре м-це 1924 г. и назначен для прохождения службы в 40-й стрелковый полк 14-й образцовой московской дивизии, где и служил до января 1928 г.: командиром взвода, помкомроты и врид комроты. Демобилизован по состоянию здоровья.

1929-1930 гг. учился в лесотехникуме, 1931-1932 служил там же лесотехником при Регицких урочищах.

1933-1934 гг. начальником подсобных предприятий в 6-й конторе Бобрикстрой.

1934-1937 гг. начальником транспорта строительства №№ 75 и 78 Госстройтрестов Н.К.В.Д.

1938-1939 гг. работал начальником отдела сбыта завода «Красный металлист» легкого машиностроения.

1940-1941 гг. работал плановиком и диспетчером производства конторы металлоконструкций 1-го госстройтреста Н.К.В.Д. в Москве и городе Перове.

10/VIII 1941 г. был призван в Советскую армию Октябрьским райвоенкоматом г. Москвы и направлен в 127 стрелковый полк 33 бригады. Участвовал в боях на подступах к Москве, с боями вышел из окружения и был направлен в запасной полк 33 бригады. С осени 1942 года до окончательного разгрома участвовал в боях в Сталинграде в качестве командира батальона 92 бригады 62 армии. На базе офицерского костяка 92 бригады была сформирована 93 гвардейская дивизия, в составе которой я участвовал в боях в качестве командира батальона 281-го Мишкольцкого полка: Орловско-Курская дуга, на Украине, в Бессарабии, Румынии, Трансильвании, Венгрии, Австрии и Чехословакии.

В мае месяце 1945 г. был тяжело ранен и находился на излечении в Праге и Братиславе до октября 1945 г. С госпиталя был направлен в центральную группу войск в Австрию (Баден), откуда и был демобилизован в запас в декабре м-це 1945 г.

В плену и окуружении не был.

Имею награды:

- 1) орден Красной звезды и медаль «За оборону Сталинграда»,*
- 2) два ордена Отечественной войны,*
- 3) медали за «Освобождение Будапешта» и др.*

В штрафной части не был, за границей родственников не имею кроме сына Скороходова Геннадия — офицера Советской Армии.

Женат, но с семьей фактически не живу. Имею сыновей: Геннадия 1929 г.р., который служит в Советской Армии, Александра 1933 г.р. и Владимира 1937 года, который работает токарем на оборонном заводе.

1946-47 гг. я работал директором профтехшколы № 5 М.М.П.

1948-49 годы работал завстоловой от Кунецовского торгового дома.

1949-52 гг. работал диспетчером при совхозе «Пятилетка».

В 1952 г. судим по 74 ч.1 Ук и отбыл 1 год л/с. С 10/XII 53 работаю Г.П.К. пожарником. 2/XI — 1954 г. /подпись/ Скороходов.

**Некоторые документы об участнике боев за
Сталинград в составе 92-й отдельной морской
бригады старшем лейтенанте
Скороходове Александре Борисовиче**

1. В «Книге памяти» музея 92-й отдельной стрелковой бригады Волгоградской гимназии № 4 под номером 353 записано: «Скороходов Александр Борисович, зам. ком. батальона 4-го ОСБ, г. Москва, ул. Ярцевская, д. 25, кв. 88».

2. Есть упоминание о Скороходове А.Б. и в книге Н.Ф. Емельяненко и А.А. Рукавцова «Моряки верны традиции» (Волгоград, 1979): «Илларион Петрович Аверичев, Павел Иванович Дробышев, Венедикт Петрович Покровский, Александр Борисович Скороходов, Расул Раджабович Гаджиев, Михаил Федорович Палагушкин, как и многие другие наши ветераны,— пенсионеры. Они продол-

жают трудиться на общественных началах, ведут большую военно-патриотическую работу. Не стареют душой ветераны!»

3. Выдержка из приказа 92-й ОСБр О НАГРАЖДЕНИИ ЗА СТАЛИНГРАД на старшего лейтенанта А.Б. Скороходова (ф. 1904, оп.2, д.14, л. 9 об.) гласит:

Командуя батальоном во время боев за пос. Рабочий со 2 по 20 января 1943 г., тов. Скороходов захватил 20 блиндажей противника, уничтожил до трех рот немецких солдат и офицеров.

Сам лично в этом бою уничтожил 13 фрицев. Смелый и решительный командир.

Достоин награждения орденом «Красная Звезда».

Прежде чем попасть под Сталинград, старший лейтенант Скороходов участвовал в битве за Москву в 33-м запасном стрелковом полку 27-й запасной стрелковой бригады в качестве командира стрелковой роты, замкомандира батальона. В октябре 1941-го вместе с полком вышел из окружения под Гжатском...

ЛЕТО 1942 ГОДА

ПОД СТАЛИНГРАДОМ

5 апреля 1942 г. фюрер подписал директиву № 41, которая ставила задачу «на севере взять Ленинград, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ». Захват нефтеносных районов на юге объявлялся первоочередным. 11 апреля был подготовлен план наступательной операции под названием «Блау» — наступление на воронежском направлении группы «Вейсх» (2-й полевой и 4-й танковой армий) и на острогожском — 6-й армии. Группа «Вейсх» при достижении Воронежа должна была повернуть на юг и окружить совместно с наступающей на восток 1-й танковой армией основные силы советского Юго-Западного фронта. После этого предполагалось разделение сил группы армий «Юг» на две самостоятельные — «А» и «Б», которые должны были продвигаться в направлении Сталинграда и Северного Кавказа.

В июне 1942 г. нашим истребителем был сбит самолет немецкого генштаба и в руки советского командования попали документы с детальным планом операции «Блау», но Сталин посчитал это провокацией и не поверил.

Советская разведка неоднократно сообщала, что основное внимание немецкого командования в 1942 г. будет приковано к южному флангу Восточного фронта. Однако Сталин и ряд других военачальников полагали, что немцы могут ударить и на Москву, поэтому главные силы были сосредоточены для защиты столицы...

В междуречье Дона и Волги

Для наступления на Сталинград из состава группы армий «Б» была выделена 6-я армия под командованием генерал-полковника Ф. Паулюса. К 17 июля в армию входило 13 дивизий (около 270 тыс. человек, 3 тысячи орудий и минометов и около 500 танков), которые поддерживало около 1200 самолетов 4-го воздушного флота.

На сталинградское направление Ставка ВГК выдвинула из своего резерва 62-ю, 63-ю и 64-ю армии. 12 июля был создан Сталинградский фронт сначала под командованием маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, а с 23 июля под командованием генерал-лейтенанта В.Н. Гордова. При этом в состав фронта еще вошли: 21-я, 28-я, 38-я, 57-я армии и 8-я воздушная армия бывшего Юго-Западного фронта. С 30 июля к ним присоединились остатки отступившей в апреле из Крыма 51-й армии. При этом 57-я армия, а также 38-я и 28-я армии, на базе которых были сформированы 1-я и 4-я танковые армии, находились в резерве Ставки ВГК.

Задачей Сталинградского фронта было — в полосе шириной в 520 км остановить продвижение противника. На сегодня считается, что численность 6-й армии Паулюса перед началом сражения составляла не менее 400 тыс. человек, даже без учета XIV и XXIV танковых корпусов. Сталинградский фронт по состоянию на 20 июля 1942 г. насчитывал 386 365 человек, включая тыловые части и учреждения. Боевые войска фронта насчитывали 298 895 человек. То есть у наступающей немецкой армии не было количественного превосходства над советскими войсками, по крайней мере в начале сражения.

*Немцы роют окопы в степи под Сталинградом.
Август 1942 г.*

*Бойцы 10-й СД НКВД строят командный пункт дивизии
в Сталинграде. Август 1942 г.*

*Отступление в донских степях.
Очередной переход на новые позиции. Июль 1942 г.*

«Ни шагу назад!»

28 июля 1942 года, когда Гитлер ликовал по поводу захвата Ростова, Сталин почувствовал, что близится момент кризиса.

Если немцам удастся форсировать Волгу и продвинуться вперед всего на 40 километров, страна окажется разделенной на две части.

Как сообщают пишущие о войне авторы, в этот день Сталин, выслушивая рапорт генерала Василевского, внезапно перестал мерить шагами кабинет, резко остановился и воскликнул: «Они забыли приказ Ставки!» Этот, изданный еще в сентябре сорок первого приказ гласил: каждый, оставивший подразделение во время боя и сдавшийся в плен, считается злонамеренным дезертиром, и вся его семья, как семья предателя Родины и врага народа лишается вся-

*Советские женщины роют окопы в районе реки Дон.
Июль 1942 г.*

ческой помощи со стороны государства. Это лишение помощи распространялось и на семьи миллионов бойцов и офицеров, на которых приходили извещения о «пропаже без вести». То есть красноармеец, сгоревший заживо в разбомбленном немцами эшелоне, или превращенный в пыль авиабомбой или тяжелым снарядом, автоматически переходил в разряд «пропавших без вести», а его жена и дети не имели права на какое-либо материальное довольствие.

«Они забыли мой приказ, — уже спокойнее повторил Василевскому Сталин. — Немедленно подготовьте еще один в том же духе». Вечером Василевский вернулся с проектом приказа № 227, более известного как приказ «Ни шагу назад!», который подписал Сталин после внесения большого количества поправок. Приказ был прочитан всем бойцам и командирам Красной Армии. Трусы и паникеры должны были уничтожаться на месте. Командиры, намеренно допустившие

сдачу позиций, немедленно отдавались под суд военного трибунала. В каждой армии было создано от 3 до 5 хорошо вооруженных подразделений (по 200 бойцов в каждом), формирующих вторую линию для расстрела солдат, попытавшихся покинуть поле боя. Первый такой батальон появился на Сталинградском фронте 22 августа, за день до того, как немецкие войска достигли Волги. Стрелковые дивизии имели в своем распоряжении до 20 офицеров Особого отдела — по одному на каждый батальон, а также охрану штаба численностью до 30 человек. В компетенцию последних входило содержание под стражей «трусов и предателей». Помимо этого, почти каждый офицер Особого отдела вербовал себе собственных агентов и информаторов.

В конце июля, несмотря на 50-градусную жару, сменяющуюся жуткими ливнями, после которых дороги делались непроходимыми, противник попытался охватывающими ударами по флангам советских войск в большой излучине Дона окружить их, выйти в район Калача и с запада прорваться к Сталинграду. Командующий немецкой 8-й воздушной армией Рихтгофен на основании данных авиаразведки 2 августа записал в своем дневнике: «Русские перебрасывают силы к Сталинграду со всех направлений». Паулюс при поддержке авиации Рихтгофена двинул в атаку 16-ю и 24-ю танковые дивизии. Через два дня ожесточенных боев немцам удалось окружить восемь стрелковых дивизий и всю артиллерию к западу от Дона. Окончательное окружение завершилось под Калачом.

С правого возвышенного берега Дона немецкие танкисты смотрели на теряющийся в сумерках городишко Калач, на восток за которым простиралась ровная степь до самого Сталинграда. Из некоторых танков доносилось пение. Однако идиллия продолжалась недолго. После

Румынский солдат конвоирует пленных бойцов Красной Армии, захваченных под Сталинградом. Лето 1942 г.

захода солнца тысячи русских окруженцев, зажатых на западном берегу Дона перешли в наступление. Всю ночь округу оглашали разрывы снарядов да треск пулеметных очередей. На следующий день немцы взялись за систематическую «очистку» близлежащих лесов от противника. Среди пленных оказалось немало офицеров высшего командного состава. Следующей ночью разгорелся еще один бой у немецких позиций. Утром решено было поджечь лес, чтобы «выкурить» оставшихся в живых русских. Лишь очень небольшой части солдат Красной Армии удалось избежать плена. Из 13 000 человек 18-й стрелковой дивизии 62-й армии только 105 бойцам удалось переправиться на левый берег Дона и пробиться к своим.

Занятые немцами казачьи станицы сильно отличались от деревень, преобразованных в колхозы. Местное население, в большей части своей оставше-

Переправа 3-й немецкой пехотной (моторизованной) дивизии через Дон в районе Песковатки. Август 1942 г.

еся на местах, несмотря на строжайший приказ об эвакуации, относилось к немцам весьма дружелюбно — ведь многие здешние старики когда-то воевали против большевиков...

В прифронтовой полосе

Павлова Татьяна Анатольевна в монографии «Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве» (Волгоград, 2003) пишет:

«После 23 августа население города, особенно не связанное с его обороной, продуктами питания снабжалось неудовлетворительно. Длительное недоедание толкало людей на мародерство. После 14 сентября борьбу с мародерами вели небольшие группы работников НКВД и подчиненные им рабочие батальоны. Боец рабочего батальона И.З. Рожков вспоминал: "*Батальоны ведут борьбу с появившимися мародерами, пытающимися в трудный час испытаний прихватить государственное добро. На заводе задерживаем ма-*

родера, которого тут же, у стены главной конторы, расстреливаем". (Рожков И.З. Бойцы-добровольцы. На защите родного завода. Сталинград, 1949).

В период между эвакуацией руководства районов и началом оккупации население беспрепятственно растаскивало остатки не эвакуированного за Волгу продовольствия, и только это помогло некоторым семьям выжить.

Следует отметить, что семьи руководящих советских и партийных работников снабжались лучше, чем остальное эвакуированное население. 21 сентября, например, для семей работников горкома ВКП(б) и горисполкома было выделено 2,4 т мяса, 1 т брынзы, 900 кг жиров, 1,8 т муки, 2,4 т крупы, 5 т овощей и 2 т картофеля. В этот же день работникам обкома ВЛКСМ, командированным в районы области для выполнения спецзадания, было выделено в расчете на одного человека по 10 штук яиц, 200 г масла и 300 г сыра. Еще лучше снабжалось командование фронта, в состав которого был включен секретарь Сталинградского обкома ВКП(б), председатель СГКО А.С. Чужанов. В заявке управления тыла Юго-Восточного фронта от 18 сентября 1942 года в областной отдел торговли например говорилось: *"Для обеспечения генералитета войск Юго-Восточного фронта прошу Ваших указаний базам промышленности о выделении управлению Юго-Восточного фронта деликатесов: рыбокопченостей, икры паюсной, икры зернистой, винограда и других"* (Выдержки из ГАВО, Фонд 3648, Оп 3, Дело 4, Лист 43-76).

В регион активно забрасывались вражеские агенты, подготовленные из советских военнопленных в Полтавской и Варшавской разведывательных школах. В докладной записке начальника УНКВД А.И. Воронина СТФ о деятельности оперативно-боевых групп

УНКВД при обороне Сталинграда (не ранее 13 декабря 1942 года) отмечалось: *"В ближайшем тылу Красной Армии и в прифронтовых районах области была организована заградительная служба, проведение массовых облав и проверка документов. При проведении этих мероприятий проверены документы у 750 тысяч человек, в результате чего выявлено 2500 дезертиров и 255 шпионов, диверсантов и вражеских парашютистов"*.

Из книги Дубкова В.Н. «Непокоренные» (Волгоград, 2004): «В Сталинграде проживали обрусевшие немцы (в Красноармейске имелся даже немецкий поселок). Некоторые из них были завербованы фашистами.

В городе раскрыли немецкую контрреволюционную террористическую организацию, которую возглавлял некий Шпрейер. Двух его братьев еще раньше осудили за ту же деятельность. Было установлено, что он создал организацию по заданию фашистской разведки и под руководством ее агента Думмера. Эта организация намечала диверсионно-террористическую борьбу, приурочивая ее к началу войны Германии с Советским Союзом, но была вовремя разоблачена, и ее члены понесли соответствующие наказания.

Летом 1942 г. наша разведка арестовала нескольких немцев, работавших на хлебозаводе Краснооктябрьского района. Они толкли стекло и сыпали его в тесто, из которого пекли хлеб, а потом сушили сухари и отправляли на фронт.

Областной комитет ВЛКСМ принял ряд решений, направленных на привлечение комсомольцев к работе по охране складов, предприятий, мостов, а также урожая; по оказанию помощи органам советской контрразведки в вылавливании шпионов, диверсан-

Беженцы в степи между Доном и Волгой. Август 1942 г.

тов и их пособников. Были созданы комсомольско-молодежные отряды содействия милиции и войскам НКВД. Только в Ворошиловском районе Сталинграда было 12 отрядов...

Органы контрразведки вместе с молодежью вели смелую борьбу по ликвидации шпионов и диверсантов. Молодые чекисты областного управления НКВД Михаил Ложечкин, Павел Смогоринский, Петр Ромашков, Дмитрий Евстратов, Михаил Останин и другие решительно вступали в схватки с группами вражеских парашютистов и обезвреживали их. Позже М. Ложечкин и П. Смогоринский рассказывали,

что летом 1942 г. их товарищи в районе Сталинграда взяли немецкого шпиона с рацией. Он сообщил нашей контрразведке шифры своих сообщников-диверсантов, еще находившихся в расположении немцев. Чекисты по рации от имени задержанного шпиона связывались с ними и указывали им места приземления. Таким путем были пойманы 6 немецких диверсантов, причем некоторые оказали упорное вооруженное сопротивление...

Фашистская разведка засылала до зубов вооруженных агентов в нашу область преимущественно самолетами, сбрасывая их по 2—3 человека. Один имел рацию, а другие выполняли задания разведки и диверсии.

Осенью на железную дорогу Сталинград — Поворино, которая была важным стратегическим объектом, было направлено несколько таких групп. В их задачу входило сообщать о передвижении войск к Сталинграду и взрывать эшелоны с боеприпасами, военной техникой, войсками, продовольствием, шедшие к Сталинградскому фронту. Наша контрразведка бдительно следила за важными районами. Эти разведгруппы были ею ликвидированы.

Большую помощь войскам НКВД оказывали истребительные батальоны, значительную часть которых составляла молодежь. Им помогало население.

В одну из ночей пост ВНОС сообщил о появлении немецкого самолета в районе Михайловки. Работники Урюпинского и Хоперского райотделов НКВД вместе с истребительными батальонами выставили посты на дорогах и стали искать вражеских парашютистов. Этой операцией руководил начальник Урюпинского райотдела НКВД майор Ковалев Петр Степанович. Поиски велись и в степи. Здесь бойцами и были обнаружены туфли и противогазная сумка, в которой ока-

*Немецкий пулеметный расчет на правом берегу Дона.
Август 1942 г.*

залась портативная немецкая рация. У них мелькнуло подозрение, что парашютистом являлась женщина.

На одной из дорог патрули во главе с оперуполномоченным Хоперского района лейтенантом Ивановым встретили молодую красивую женщину. Она шла босиком, в дорогом платье, с зажатой под мышкой изящной сумочкой. Женщину остановили и спросили, куда она идет. Та ответила, что в Поворино. Лейтенант предложил показать сумочку. В ней оказались документ на имя Анны Верболаз — жены командира Красной Армии, 30 тысяч рублей и плитка немецкого шоколада. В удостоверении говорилось, что она эвакуирована с Украины, ее муж лейтенант-танкист сражается на фронте и государственные учреждения должны оказывать ей помощь. Это был обычный документ, выдававшийся советскими органами в начале войны.

— Откуда у вас немецкий шоколад?

Ответ на этот простой вопрос был неубедительным. Женщина выглядела растерянной. Ее задержали и привезли в станицу Михайловскую, где находился майор Ковалев. Во время допроса Верболаз рассказала обо всем, что с нею случилось.

...Война застала Анну недалеко от границы, где служил ее муж. Она с дочерью эвакуировалась на Украину, в Константиновку к матери. Район, куда они приехали, заняли немцы. На следующий день Анну вызвали в фашистскую разведку — абвер. Оказалось, что о ней знают все: и что ее отец был партизаном Гражданской войны, и что она жена командира Красной Армии. Гитлеровцы поставили перед ней условие: *"Или ты будешь служить нам, или ты, твоя дочь и мать будете расстреляны"*. Верболаз дали подумать, и она согласилась стать немецкой шпионкой.

Ее послали в Полтавскую школу, где фашисты готовили из предателей диверсантов и других агентов, чтобы наносить удары в спину Красной Армии. Когда Верболаз прошла курс обучения, ее вместе с двумя шпионами немцы решили забросить в наш тыл. По воздуху их отправили на станцию Поворино. Не долетев до цели, самолет попал в луч прожектора и с трудом вышел из него. Не теряя времени, эсэсовец вышвырнул шпионов-парашютистов из "юнкерса".

Верболаз опустилась на соломенную крышу сарая в хуторе Сталинградской области. Собрав парашют, она пробралась на огород и затаилась в канаве, поросшей лопухами. Рассвело. Мимо прошли патрули, не заметив ее. Анна сунула за пазуху плоскую бутылку рома, положила в сумочку шоколад и, спрятав остальные вещи, догнала группу женщин, шедших на базар.

Лето 1942 г. Колонны немецких танков двигались к Сталинграду через донские степи

Там расспросила, какая дорога идет на Поворино. Пройдя несколько километров, Верболаз решила отдохнуть. Она выпила ром, бросила бутылку и снова отправилась в путь. Являться добровольно в наши органы парашютистка боялась. Ее запугали немцы тем, что если она явится, то будет расстреляна. До Поворино ей дойти не удалось. Шпионка была разоблачена нашими контрразведчиками.

Таких, как Верболаз, было немного.

Большинство советских людей, оказавшихся в плену, на оккупированной территории или в Германии, находили пути борьбы с врагом. Некоторые давали согласие идти в немецкие школы шпионов и диверсантов, с тем, чтобы, оказавшись на советской территории, явиться с повинной.

Так, двое в лейтенантской форме явились в Урюпинский отдел НКВД. Один из них распечатал пачку махорки и достал скрученный в трубку лист папи-

росной бумаги, на котором было написано целое донесение от полковника наших войск Павлова, попавшего в плен и работавшего в Полтавской школе немецкой разведки. В донесении говорилось: *"Товарищи, прошу меня не считать изменником Родины. Я все силы приложил к тому, чтобы лица, направленные из Полтавской школы в советский тыл, не приносили вреда, а явились с повинной. Полковник Павлов"*. Далее он просил, чтобы к его семье не относились, как к семье изменника. Павлов сообщил, что на обратной стороне фотографии, приклеенной на документ, выданный шпиону, была написана подлинная фамилия этого человека. Его сообщение переслали в центр, и оно помогло выявить немецких шпионов...»

Авчухов Юрий Алексеевич 1935 г.р. вспоминает о тех днях («Мы родом из войны» Волгоград, 2004):

«Для меня, бекетовского мальчишки, война началась 26 июня, когда мы проводили на фронт отца. На перроне станции Сталинград I кончилось мое детство: по наказу отца я остался старшим мужчиной в семье с обязанностью помогать маме. С этого времени память начала фиксировать события, связанные с этой проклятой войной.

Отец не вернулся - погиб. Похоронку получили весной сорок третьего года. Мы с мамой сажали во дворе глазками картофель, когда ее принесли. Маму она скосила...

Первые три бомбы упали во дворе железнодорожной станции Бекетово. Я находился в детском саду, когда одна из бомб упала рядом. Как сейчас вижу полные ужаса глаза мамы, получившей известие о том, что бомбы попали в наш детский сад...

В августе 1941 года к нам поселили на квартиру

Лагерь военнопленных Красной Армии в донских степях. Лето 1942 г.

семью евреев, эвакуированных из Киева — бабушку, мать и двоих ее дочерей. Тут впервые в жизни увидел деньги (массу денег) и вшей. Деньги они хранили в поясах, а под ними были вши. Заболела их бабушка, и нас повезли на дезинфекцию в баню у бекетовского базара. Они никак не хотели раздеваться, боясь расстаться с этими набитыми деньгами поясами. Я заразился инфекционной формой дифтерии. Проболеl сентябрь — октябрь сорок первого. Лечился в железнодорожной больнице около вокзала Сталинград-1.

Выжил чудом, без лекарств, без еды и тепла, благодаря маме, которая была со мной, и врачу Кументину.

В начале лета 1942 года мы с родственниками вырыли на две семьи землянку, где жили, а в доме осталось все имущество и запасы продовольствия. Все дни проходили в ожидании писем от отца и мамы, которая участвовала в эвакуационной кампании населения, под частыми бомбежками и начавшимися обстрелами.

С двоюродным братом наблюдали воздушные бои, про-

Волга у Сталинграда в конце августа 1942 г.

ходившие у нас над головой. Наш аэродром находился на горе в районе Химгородка. Какое мужество было у наших летчиков, которые на "кукурузниках" вступали в бой с немецкой авиацией. Район Соленого пруда заполнялся войсками.

23 августа 1942 года с утра была тишина, а после обеда потемнело небо от самолетов, воздух сотрясали звуки сирен и вой пикирующих бомбардировщиков и падающих бомб. Самолеты заходили с запада, над Горной Поляной поворачивали на центр. На севере города поднялась стена черного дыма, с проблесками пламени. Дым, вернее черная туча, закрыл небо и солнце.

С сентября начался регулярный минометно-артиллерийский обстрел нашего района. Около нашего дома расположился обоз морских пехотинцев, а в соседнем дворе был их штаб.

Под деревьями нашего и соседних домов маскировались "катюши". Мы, мальчишки, помогали солдатам маскировать их.

В один из артналетов в наш дом попал снаряд, от

дома ничего не осталось. В это время мама пошла в дом из землянки за продуктами. Как она осталась жива, известно одному Богу, выползла оттуда контуженная и оглохшая. Слух так до конца и не восстановился. Погибло все, и мы остались в чем были, без одежды и продуктов питания. В это же время погибло двое ездовых, а у одного солдата оторвало ногу, несколько раненых лошадей пристрелили солдаты.

Мы с братом из разбитых повозок с разрешения солдат запаслись продуктами. Вскоре моряки ушли на передовую и, как сейчас известно, почти все погибли.

В ночь на 6 ноября на "студебекере" нас и еще несколько семей в чем были вывезли солдаты на Красноармейскую переправу в районе Татьянки, где было много таких, как мы, и военных. Над переправой не прекращались воздушные бои и бомбежки. Через несколько дней на военной машине мы попали в Среднюю Ахтубу. Жили в эвакуационной зоне в доме на берегу Ахтубы у моста; хозяйка, мы и военные. В одну из бомбежек в декабре одна из бомб упала у крыльца дома, другая во дворе. Спас меня солдат, который бросил меня на землю и закрыл своим телом, а сам был ранен; погибло несколько солдат, убитые лошади пошли в пищу. Есть было нечего, был голод и холод. А это было пиришествво. Через Среднюю Ахтубу шли войска. Все дворы были забиты ранеными. Мы помогли им, как могли.

В один из дней я вместе с другими мальчишками был участником пленения сбитого немецкого летчика. Убегая по полю в снегу, летчик стрелял из пистолета в нас. Спасли его наши солдаты, приехавшие на машине, а то бы мы его растерзали.

В одну из ночей мы проснулись от нарастающего гула, все взрослые и дети вышли на улицу. Это началось наступление наших войск. Шла артподготовка.

В город не пускали, но мы в конце февраля пешком

пошли домой. Шли 4 дня. Скарб и сестренки везли на санках, ночевали в лесу, в снегу у костра, был страшный холод и голод. Питались мороженой свеклой, которую нам дал кто-то из местных жителей. Голод — самое страшное, что я и мои сверстники испытывали в это жуткое время, он продолжался до 1944 года. Потом стало легче. Сестра, 1938 года рождения, была больна рахитом, смотреть страшно, но ничего, сейчас она прекрасная золушка. Но здоровье, подорванное в то время, дает о себе знать...»

Жаркий август 1942 года

Желая побыстрее покончить со Сталинградом, еще 31 июля 1942 года немецко-фашистское командование повернуло с кавказского на сталинградское направление 4-ю танковую армию Гота, передовые части которой 2 августа вышли к Котельниковскому; в итоге создалась прямая угроза прорыва к городу с юго-запада.

К началу августа Сталин решил разделить Сталинградский фронт на два. Командующим Юго-Восточным фронтом, который простирался от реки Царица в центре Сталинграда до калмыцких степей, был назначен генерал А.И. Еременко. Андрей Иванович сразу же выразил протест против раздробления фронта на две половины по центру города. 4 августа Еременко приземлился на «дугласе» в северо-западной части города, где был встречен членом Военного Совета фронта Никитой Сергеевичем Хрущевым. Через несколько дней Сталин отреагировал на протест А.И. Еременко и вновь произвел реорганизацию фронтов — с 7 августа в состав Юго-Восточного фронта под общим командованием генерал-полковника А.И.

Еременко вошли 64-я, 57-я, 51-я, 1-я гв. армии, а с 30 августа — еще 62-я и 8-я воздушная армии...

К 10 августа советские войска под напором превосходящих сил противника вынуждены были отойти на левый берег Дона и занять оборону на внешнем обводе оборонительных укреплений Сталинграда, остановив продвижение противника... Упорная оборона 62-й и 64-й армий и контрудары соединений 1-й и 4-й танковых армий срывали замысел генерала Паулюса.

23 августа 1942 года в 16 часов 18 минут по московскому времени силами 4-го воздушного флота люфтваффе началась массированная бомбардировка Сталинграда. За один день противник совершил порядка 2000 самолетовылетов. Несмотря на противодействие советской авиации и зенитной артиллерии, сумевших сбить 120 фашистских самолетов, город был превращен в руины. На 23 августа в Сталинграде находилось 600 тысяч человек, и 40 тысяч из них было убито только за первую неделю бомбардировок.

Горели не только здания, горели земля и Волга, поскольку были разрушены резервуары с нефтью. На улицах от пожаров стояла такая жара, что возгоралась одежда на людях, бежавших в укрытия.

В этот же день 14-й танковый корпус генерала фон Виттерсгейма прорвался к Волге в районе поселка Рынок и отрезал 62-ю армию от 66-й армии Сталинградского фронта. Немецкие танки захватили Спартаковку и, находясь в одном километре от тракторного завода, начали его обстреливать.

Воздушные бомбардировки продолжались 24, 25, 26 августа и в течение последующей недели.

В центральной части города не осталось ни одного целого здания. Разрушения были настолько велики, что только после расчистки завалов представилась возможность определить прежнее направление улиц.

Завод «Красный Октябрь» и Сталинградский тракторный завод превратились в развалины.

Зеленые насаждения в самом городе и «зеленое кольцо» протяженностью в 100 километров вокруг него были вырублены или погибли во время боев.

Сталинградка Лещенко Антонина Ивановна вспоминала: *«Мне было 7 лет, когда враг подошел к Сталинграду. Особенно ярко запал в память горящий на Волге пассажирский пароход с людьми. Это было ужасное зрелище. Пароход горел, горели и те куски, что от него остались после попадания бомбы. Горела казалось и сама вода. Люди барахтались в воде, кричали, звали о помощи. А мы на берегу помочь им ничем не могли...»*

27 августа, впервые за последние пять недель, прошел дождь. Дороги моментально превратились в жидкое месиво, что, конечно же, задержало продвижение 4-й танковой армии Гота. В субботу 29 августа дождь зарядил на целые сутки. Немецкие солдаты промокли до нитки, а окопы их наполнились водой. Солдаты 16-й танковой дивизии, расположившейся на берегу Волги, уже не испытывали прежнего энтузиазма.

27 августа, когда советский фронт под Сталинградом в очередной раз рухнул, командующему Западным фронтом Жукову, находящемуся в только что освобожденном Погорелом Городище позвонил Сталин и попросил немедленно выехать в Ставку. Георгий Константинович, назначенный первым заместителем народного комиссара обороны, сразу же вылетел на Сталинградский фронт для организации немедленного контрнаступления постепенно прибывающих из резерва соединений. Это был один из решающих моментов войны - полная свобода действий 14-го танкового корпуса противника к северу от го-

Первый налет немецкой авиации на Сталинград 23 августа 1942 г.

рода означала крушение обороны советских войск в Сталинграде. В итоге благодаря срочным пожарным действиям было предотвращено взятие города с ходу. Теперь для предотвращения разгрома 62-й армии необходимо было без промедления навязывать Паулюсу бои на любом другом направлении...

Наступление 6 сентября не имело успеха, но позволило отвлечь на себя в самый критический момент резервы Паулюса...

А ночи тем временем становились все холоднее, по утрам листья и траву покрывал иней. Появились признаки приближения русской зимы.

К 10 сентября наши части отошли к окраинам города. Командующий 62-й армией генерал А.И. Лопатин начал готовиться к эвакуации. Командование Юго-Восточного фронта понимало, что отдать город фашистам невозможно. Значит, надо удержать его любой ценой.

12 сентября 1942 года

12 сентября к 10 часам утра генерал-лейтенанта Василия Чуйкова вызвали на левый берег Волги в штаб фронта, где он был принят командующим А.И. Еременко и членом Военного совета фронта Н.С. Хрущевым. Получив приказ о назначении его командующим 62-й армией, В.И. Чуйков сказал: *«Я приму все меры к удержанию города и клянусь, оттуда не уйду. Мы отстоим город или там погибнем»...*

В этот же день 12 сентября командующий 6-й немецкой армией Паулюс вместе с начальником генштаба сухопутных войск Германии Гальдером и главнокомандующий группы армий «Б» Вейсхом прибыли в ставку Гитлера под Винницей. Фюрер, занятый исключительно Сталинградом, хотел знать, как скоро падет город. Паулюс повторил оценки, данные накануне Гальдеру, — десять дней боев плюс две недели на перегруппировку.

На тот момент отдельные части противника утвердились на берегу Волги севернее поселка Рынок и вышли к реке южнее города, у Купоросного. 62-я армия оказалась отрезанной от соседей справа и слева и придвинута к реке.

Так получилось, что в этот же день 12 сентября в субботу, родился и оригинальный замысел операции «Уран». В этот день Жуков, после неудачной атаки русских на северный фланг 6-й армии, был вызван в Кремль. В кабинете, помимо Сталина, находился и начальник Генерального штаба Василевский. На вопрос Сталина о том, как следовало бы организовать атаку, Жуков ответил, что нужна была, по крайней мере, еще одна полная армия, поддержка танкистов, три бронеполки и не менее четырехсот гаубиц. Не-

Сталинград в огне. Фото с немецкого бомбардировщика в начале октября 1942 г. Хорошо видны горящие бензобаки юго-восточнее завода Красный Октябрь. В этот момент восточнее бензобаков у самого берега Волги находился штаб 62-й армии генерала В.И. Чуйкова

В штабе Юго-Восточного фронта. Справа - командующий фронтом генерал А.И. Еременко, слева - член Военсовета фронта Н.С. Хрущев. Сидит 1-й секретарь Сталинградского обкома Чуянов. Сентябрь 1942 г..

много помолчав, Жуков добавил, что перед началом наступления следовало провести мощную авиабомбардировку. Василевский полностью с ним согласился. Сталин, ничего не говоря, взял карты, на которых было отмечено расположение резервов Ставки, и стал изучать их. Жуков и Василевский негромко обсуждали положение дел. Оба пришли к выводу, что нужно искать другое решение.

Полностью погруженный в карты, Сталин вдруг спросил: «А что вы понимаете под другим решением?» Застигнутые врасплох, генералы промолчали. «Возвращайтесь в Генеральный штаб и хорошенько подумайте, что можно сделать для спасения Сталинграда», — сказал Верховный Главнокомандующий и вновь углубился в карты.

Жуков и Василевский вернулись в Кремль на следующий вечер. Как выяснилось, Сталин не терял времени

даром. Он приветствовал генералов вопросом: «Итак, что вы решили? Кто доложит?» Те переглянулись. «Мы придерживаемся единого мнения», — ответил Василевский.

Немецкие войска под Сталинградом образовали клин, имеющий уязвимые фланги. Необходимо было завязать в Сталинграде оборонительное сражение, выделив для этого необходимое количество войск. При этом не стоило тратить силы на контратаки, важно было лишь не дать выйти врагу на западный берег Волги. Пока немцы будут сражаться в городе, следовало скрытно сосредоточить за линией фронта свежие армии, а затем, неожиданно нанеся с флангов глубокие контрудары, осуществить полное окружение противника.

В конце концов после долгих дискуссий в ночь с 13 на 14 сентября Сталин одобрил план предстоящей операции, приказав Жукову и Василевскому соблюдать строгую секретность...

Назначение независимо мыслящего генерала Чуйкова на должность командарма вряд ли могло состояться год назад. Но теперь наступило время, когда после сильных провалов Красной Армии на юге командный состав ее сильно изменился. У руля встали новые, энергичные, безжалостные и не страшщиеся НКВД командиры. Одним из которых и был генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков.

16 июля он в качестве заместителя командующего 64-й армией прибыл с несколькими недоукомплектованными дивизиями из Тулы на Сталинградский фронт. 25 июля немцы начали наступление. Этот день стал боевым крещением как 64-й армии, так и самого генерала Чуйкова.

*Артиллерийский расчет за работой на окраине
Сталинграда. Вторая половина сентября 1942 года*

14 сентября враг, продолжая наступление, проник в центральную часть города, а отдельные его группы просочились к Волге. В этот день на помощь 62-й армии из резерва Ставки была переправлена 13-я гвардейская дивизия Родимцева.

Сразу же за дивизией Родимцева штаб фронта направил на правый берег 92-ю отдельную стрелковую бригаду (ОСБр) моряков из резерва Ставки и 137-ю танковую бригаду (ТБр).

92-я МОРСКАЯ БРИГАДА
ПЕРВОГО ФОРМИРОВАНИЯ

О морских бригадах в Сталинграде

Бои на подступах к Сталинграду продолжались почти два месяца, а затем, в сентябре, развернулись непосредственно в городе. В них участвовали войска 62-й (командующий генерал-лейтенант В. И. Чуйков) и 64-й (командующий генерал-майор М. С. Шумилов) армий.

Для Сталинградского стратегического направления, Ставка ВГ выделила большое количество подготовленных резервов. Среди них находились и морские стрелковые бригады.

При этом моряки составляли от 30 до 80 процентов численности личного состава этих бригад. Остальная часть приходилась на призванных из запаса и фронтовиков, выписавшихся из тыловых госпиталей. Санитарные подразделения укомплектовывались преимущественно женщинами. На должности старшего командного состава бригад (командиров и военкомов, командиров батальонов и дивизионов, начальников штабов) назначались офицеры ВМФ и сухопутных войск соответствующих категорий. На должности командиров взводов, рот, батарей и их заместителей, начальников штабов батальонов, дивизионов и их помощников были назначены выпускники военно-морских училищ. Для укомплектования бригад командирами отделений, помкомвзводами и старшинами рот военно-морские учебные заведения и флоты выделили часть своего младшего командного состава и курсантов.

Официально не называвшиеся морскими защищавшие Сталинград 42-я и 92-я отдельные стрелковые бригады (ОСБр) состояли в основном из моряков Северного флота и Беломорской военной флотилии. Для их

В сентябре 1942 г. на помощь Сталинграду прибыла морская пехота

укомплектования Беломорская ВМБ выделила четыре батальона общей численностью 3123 человек. Морская пехота Северного флота выделила 3299 человек.

5 сентября в районе вокзала Сталинград I вступила в бой 42-я отдельная стрелковая бригада, которая к 18 сентября - моменту прибытия 92-й ОСБр успела поучаствовать в отражении двух немецких наступлений.

Создание 92-й отдельной стрелковой бригады

92-я отдельная стрелковая бригада была сформирована в августе 1942 года в подмосковном Ступино на базе 111-й стрелковой бригады, укомплектованной моряками Северного и Балтийского флотов. В состав бригады, насчитывающей 6070 чел., входило более 2500 морских пехотинцев, в основном из Северного оборонительного района.

С 8 по 20 августа формированием соединения занимался и.д. командира 111 ОСБр майор Емельяненко

Николай Федорович. И.д. начальника штаба бригады был назначен капитан Яковлев Василий Егорович, военкомом — Андреев Георгий Михайлович. В это время — с 8 по 20 августа — происходило формирование штата бригады, и все приказы на назначения офицерского состава вступили в силу за подписями: и.д. комбрига майора Емельяненко, и.д. начштаба бригады капитана Яковлева и военкома ст. батальонного комиссара Андреева.

Приказом № 5 по 111 ОСБр от 10.8.42 года зачислялся на все виды довольствия с 10 августа 1942 года и прибывший батальонный комиссар Власов Борис Семенович на должность ст. инструктора по пропаганде и агитации.

Бригада состояла из четырех отдельных стрелковых батальонов; батальона автоматчиков; пулеметного батальона; батальона 82 мм минометов; дивизиона 122 мм минометов; истребительно-противотанкового и артиллерийского дивизионов; рот: разведчиков, связи, саперной, медико-санитарной и автороты подвоза.

С 21 августа комбригом был назначен подполковник Тарасов, начальником штаба стал майор Емельяненко.

Капитан Яковлев получил звание майора и с 1 сентября был назначен командиром пулеметного батальона; капитан Мальцев Иван Иванович — командиром батальона автоматчиков; ст. л-т Железняков Сергей Ильич — командиром минометного батальона 82 мм минометов; капитан Безруков Петр Андреевич — командиром отдельного противотанкового истребительного дивизиона; ст. л-т Морашев Владимир Васильевич — командиром отд. 120 мм минометного дивизиона; ст. л-т Ханыгин Николай Сергеевич — командиром отд. роты связи, л-т Гаденов Иван

Боевая учеба 111-й (92-й) ОСБр в Ваенге. Лето 1942 г.

Федорович — командиром отдельной саперной роты; ст. л-т Кочалин Петр Петрович — командиром отдельного артдивизиона 76 мм пушек.

Основную силу бригады представляли четыре стрелковых батальона. Приведем их описание в порядке занесения в учетную книгу соединения.

3-й БАТАЛЬОН состоял наполовину из моряков Северного флота, наполовину из пехотинцев. Все командиры пехоты к этому времени успели закончить курсы «Выстрел».

Командиром батальона был назначен ст. л-т Коваленко Иван Трофимович, военкомом — ст. политрук Жемчужный Евгений Викторович, начальником штаба — ст. л-т Тупикин Егор Петрович. При батальоне была рота автоматчиков с 3-мя взводами.

2-й БАТАЛЬОН (больше всех прославившийся при защите южной части города) почти целиком состоял из моряков Северного флота.

Митин Иван Иванович - комиссар 2-го ОСБ (погиб 26.9.1942 г.)

Капитан Захаров Семен Николаевич — командир, ст. политрук Митин Иван Иванович — комиссар, л-т Волостных Иван Иванович — начштаба, ст. л-т Чекалин Павел Александрович — замкомандира батальона.

По штату на 2-й батальон полагался один взвод автоматчиков (командир мл. л-т Кулаков Иван Васильевич), пулеметная рота с тремя пулеметными взводами и рота ПТР.

Впоследствии больше других стала известна от-

дельная пулеметная рота (командир — л-т Степанов Иван Михайлович, политрук — политрук Полковников Леонид Иванович, замкомандира роты — мл. л-т Малышев Александр Иванович). Благодаря выходу книги бывшего командарма 62 армии В.И. Чуйкова, на всю страну стали известны командиры взводов этой пулеметной роты: мл. л-т Хозяинов Андрей Осипович — командир 1-го пулеметного взвода, мл. л-т Осенин Василий Максимович — командир 2-го пулеметного взвода, мл. л-т Король Михаил Николаевич — командир 3 пулеметного взвода.

Командиром особой роты ПТР был воентехник 1-го ранга Бердзеншвили Валериан Григорьевич, политруком роты — политрук Дрянин Иван Иванович.

Основной состав 2-го ОСБ был представлен тремя стрелковыми ротами, в каждой по четыре взвода. В 1-й роте — три стрелковых взвода и минометный

взвод, во 2-й роте — три стрелковых взвода и пулеметный взвод. В 3-й роте было 4 стрелковых взвода.

Всего во втором отдельном стрелковом батальоне числилось 62 офицера, в основном из моряков Северного флота.

1-й БАТАЛЬОН, как и 2-й ОСБ состоял также в основном из моряков и офицеров Северного флота. Всего по списку числился 61 офицер: капитан Береза Александр Лукьянович командир, ст. политрук Хорьков Петр Григорьевич — военком, ст. л-т Долганин Иван Григорьевич — начштаба, л-т Оконников Ефим Васильевич — замкомандира батальона.

При батальоне помимо трех стрелковых рот был положен по штату взвод автоматчиков (командир взвода мл. л-т Сычев Анатолий Дмитриевич) и взвод пеших разведчиков (командир взвода мл. л-т Минаев Василий Семенович, политрук взвода — мл. политрук Кононенко Виктор Андреевич)

4-й БАТАЛЬОН состоял частично из сухопутных офицеров, окончивших курсы «Выстрел», частично из вывезенных по «дороге жизни» из Ленинграда моряков-балтийцев.

В сентябре 1941 года благодаря просьбам ненадолго возглавлявшего Ленинградский фронт Г.К. Жукова, в городе Ленина скопилось слишком много войск, которые из-за их ненужности и недостатка еды вынуждены были с огромными затратами вывозиться зимой на ав-

*Жемчужный Евгений
Викторович - комиссар 3-го
ОСБ (погиб 22.9.1942 г.)*

томашинах через Ладожское озеро на Большую Землю.

Командиром 4-го отдельного стрелкового батальона был назначен ст. л-т Козлов Яков Никандрович, военным комиссаром — батальонный комиссар Миньков Сергей Яковлевич, заместителем командира батальона — ст. л-т Шальман Михаил Виссарионович.

24-го августа 1942 г. находящиеся в Ступино части бригады приступили к боевой подготовке.

28-го бригаде было вручено боевое знамя, а 4 сентября 111-я ОСБр была перенумерована в 92 Отдельную Стрелковую Бригаду (ОСБр).

9-го сентября 92-я ОСБр согласно приказа Командующего войсками Московского округа закончила свою подготовку и выехала на фронт. Личный состав бригады, костяк которого представляли североморцы и балтийцы, был исключительный. Фактическое же руководство бригадой с самого начала боевых действий на правом берегу Волги осуществлял начальник штаба бригады майор Емельяненко...

В ЦАМО РФ сохранились написанные от руки подполковником Тарасовым приказы по 92 ОСБр:

ПРИКАЗ 9 сентября 1942 года № 21, Ступино

Нижепоименованный состав назначаю на штатные должности:

1. Титову Юлию Дмитриевну — секретарем Военного трибунала. Зачислить на все виды довольствия с 9 сентября 1942 года.

2. Соболеву Евлампию Яковлевну — секретарем машинисткой делопроизводителем Особого отдела НКВД. Зачислить на все виды довольствия с 27 августа 1942 года.

3. Лагутенкову Анастасию Афанасьевну — машинисткой штаба бригады по вольному найму с 2 сентября 1942 года

Командир 92 ОСБ подполковник Тарасов, военком Андреев, нач штаба майор Емельяненко.

Краснофлотец 92 ОСБр Бачин Александр Ермолаевич. Лето 1942 г.

В списках бригады после 26 сентября фигурирует только Титова Юлия Дмитриевна.

ПРИКАЗ 9 сентября 1942 г. № 25 г. Ступино

На основании приказа командующего войсками Московского Военного округа от 9 сентября 1942 года бригада выбывает на фронт.

*Комбриг подполковник Тарасов,
Военком, ст. бат. комиссар Андреев,
Нач штаба майор Емельяненко.*

Весь август, пока в подмосковном Ступино шло формирование 92-й особой стрелковой бригады, немецкие танки приближались к Сталинграду.

Вечером 9 сентября, когда ступинские девушки с букетиками цветов пришли к отходящим эшелонам проводить на борьбу с врагом своих скороспелых возлюбленных, бронетехника противника уже стояла у стен города...

Начало боев

В 23 часа 17 сентября 1942 года, в тот момент, когда первая штурмовая группа 92-й бригады начала посадку на суда для переправы на правый берег, офицером связи из штаба 62 армии командиру группы майору Емельяненко был вручен приказ за подписью Чуйкова, Гурова и Крылова:

Приказ № 75 штаба 62

92 отд. стр. бр. по окончании переправы через р. Волга сосредоточиться в районе: (иск. — вокзал жел. дор.), мост через р. Царица, что в 3 км юго-восточнее выс. 20,7 и 1 км юго-западнее пристани.

Задача: уничтожить проникшие в район сосредоточения ряды противника и занять для обороны участок: с севера р. Царица, с юга треугольник жел. дорог в районе улицы Валдайская — вдоль железной дороги фронтом на запад. Не допустить противника в обороняемом участке по долине р. Царица с запада и вдоль ж.д. со стороны ст. Садовая; уничтожить противника в районе элеватор совместно с частями 35 гв. СД, 131 СД и 10 СБр, 13 гв. СД.

К этому времени 13-я гв. стрелковая дивизия в непрерывных трехдневных тяжелых боях понесла большие потери. Уже 17 сентября В. И. Чуйков докладывал командующему фронтом, что имевшиеся резервы исчерпаны и необходимо срочное усиление состава армии новыми частями. Только так, по мнению командующего 62-й армией, можно было предотвратить полное истощение дивизии А. И. Родимцева. Следует отметить, что немцы испытывали те же проблемы, в дневном донесении 6-й армии указывалось: «Боеспособность 11 АК, особенно в последние 5 дней, значительно снизилась. Потери с 13 по

15.9 составляют 61 офицер и 1492 нижних чина».

Подробности тех событий отображены в «Журнале боевых действий» 92-й Отдельной Стрелковой Бригады:

16-го сентября бригада, выгрузившись на станции Заплавное, прибыла на Сталинградский фронт и вступила в состав 62 Армии.

17-го сентября бригада получила боевую задачу и в ночь на 18 сентября вступила в бой. К этому времени противник вышел в центральную часть города, овладел элеватором и отдельные группы его вышли к реке Волга.

Бригада действовала в центральной части города Сталинграда: справа река Царица, слева перекресток железных дорог в районе ул. Балхашская...

На приведенном на схеме 1 фрагменте карты 62 армии по состоянию на 20-21 сентября хорошо виден несоразмерно большой район обороны, выделенный на 18 сентября штабом 62 армии для 92-й СБр. Нижняя красная полоса означает линию фронта на утро 20 сентября, верхняя — на конец дня 21 сентября. Самая южная часть карты показывает насколько с 14 по 20 сентября немецкие дивизии Гота (29 мд, 94 пд и 14 тд) потеснили части 35 гв. СД, 131 СД и 10 СБр от Купоросного на север по берегу Волги.

...В этом районе бригада имела задачу: очистив улицу и дома от противника, выйти на Запад и занять оборону по линии железной дороги на ул. Сибирская.

Справа р. Царица, слева перекресток железных дорог, одновременно заняв элеватор.

*В ночь на 18-е оперативная группа бригады во главе с начштаба бригады **майором Емельяненко** переправилась на правый берег Волги и вступила в бой.*

Командир бригады прибыл на второй день боя.

Действия бригады начались успешно. Несмотря на силь-

ный огонь противника и его упорное сопротивление, краснофлотцы бригады, очищая дом за домом, улицу за улицей продолжали продвигаться вперед.

Три дня велись непрерывные бои. Противник подбрасывал крупные резервы, ввел в действие тяжелые минометы и артиллерию, ежедневно обрушивался массовыми налетами своей авиации, подвергая бомбежке и обстрелу наши боевые порядки...

На фрагменте карты Сталинграда (см. схема б) показано положение 92-й ОСБр с 18 по 20 сентября.

Некоторые подробности этих боев отображены в оперативных сводках и боевых донесениях штаба бригады в штаб 62 армии.

Боевые документы 92-й ОСБр за первые дни боев

Боевое донесение № 01 от 18 сентября 1942 на 10.20 штабриг 92, скаты высот 100 м зап. ж.д. моста, 1 км юго-зап. пристани (ф. 62 А, оп. 5487, д. 31, л. 4): *«Бригада в ночь с 17 на 18.9.42 переправилась через р. Волга двумя батальонами и занимает оборону согласно приказа штарма № 75, встречая разрозненный огонь мелких групп автоматчиков противника в глубине обороны. Группы противника уничтожаются.*

2. Кроме 1-го и 2-го отдельных стр. батальонов переправились: дивизион ПТО, рота разведчиков, рота связи (без средств связи, которые находились на станции выгрузки), две роты 82 мм минометов, пулмрота пулеметного батальона. Бригада вторые сутки не имеет питания, продукты отсутствуют. (Т.е. перед отправкой на правый берег моряков даже не покормили. - В.Ш.)

3. Донесение о занятии обороны вышло дополнительно.

4. Командир бригады переправится в ночь с 18 на 19.9.42 г.

*Нач. штабриг 92 майор Емельяненко,
комиссар М. Гуревич*

Оперсводка № 01 на 20 часов 18.9.42 г. с обрыва в 200 м западнее устья р. Царица добавляет мелкие детали боев за день:

В течение дня переправившиеся части бригады занимали районы обороны согласно приказа штарма № 75. Части встретили сопротивление автоматчиков и огневых средств противника (минометы, артиллерия, отдельные танки) и к 20.00 18.9.42 вышли на рубеж:

1-й стр. б-н — ул. Социалистическая (от р. Царица до ул. Молотова), б-н имеет потери: убито — 21 чел., ранено — 56 чел.

Взят пленный 94 пд пр-ка, который был отправлен в штарма и по ошибке сдан 13 гв. СД. (Об этом пленном написано в мемуарах и комдива 13 гв. СД Родимцева и командарма 62 Чуйкова, которые, однако, забыли при этом упомянуть моряков 92 СБр - В.Ш.)

Уничтожено до 25 автоматчиков пр-ка.

Израсходовано 75 % боекомплекта.

2-й стр. б-н — 3-я стр. рота — ул. Циолковского (между Изюмовской и Ижевской);

2-я стр. рота — элеватор, треугольник ж.д. в районе ул. Валдайская, по ж.д. до р. Волга;

Потери: убито — 2 чел., ранено — 17 чел.

2. В результате минометного огня противника взорван склад боеприпасов у переправы «Центральная». Выведено из строя орудие 76 мм и одно орудие ПТО 45 мм.

Потери в бригаде по неполным данным: убитыми — 50 чел., ранеными — 80 чел. Данные уточняются.

3. Питание, средства связи, боеприпасы в бригаде отсутствуют.

4. Батальонам поставлена з-ча: в теч ночи занять район обороны согласно приказа № 75.

Нач. штаба 92 сбр майор Емельяненко.

Получается, что в первый день — 18 сентября в боевых действиях под руководством начальника штаба бригады майора Емельяненко участвовали: 1-й и 2-й стрелковые батальоны, дивизион ПТО, рота разведчиков, рота связи (без средств связи), две роты 82 мм минометов, пульрота пулеметного батальона.

Уже в первой оперсводке майор Емельяненко написал, что штарм 62, пославший на правый берег 92-ю ОСБр, даже не позаботился о ее питании, чем, похоже, навлек на себя немилость Чуйкова.

При этом 2-й, состоящий из североморцев, батальон при отсутствии питания с минимальными потерями за 18.9 существенно продвинулся на юг: взяв под контроль окрестности элеватора, треугольник жел. дорог в районе улицы Валдайская и ж.д. насыпь фронтом на юг вплоть до Волги (см. фрагменты карт на схемах 2 и 3).

На исходе ночи на 18 сентября, когда два высадившиеся на правый берег батальона 92-й бригады начинали очищать от подразделений противника берега Царицы в штаб фронта в 5 часов утра полетела **оперсводка № 155 из штарма 62:**

1. Армия в теч. ночи продолжала оборону прежних позиций на северных и южных участках фронта и готовила 124, 149 СБр и 282 сп для частных операций по обеспечению удара нашей северной группы войск.

4. 112 сд, 39 гв. сд (13 гв. сд) — после тяжелых боев, приостановив дальнейшее наступление, закрепились на западных и юго-западных склонах высоты 102.0.

5. 13 гв. сд (42 и 34 гв. сп) продолжают уличные бои в центре города.

6. 42 СБр — правым флангом занимает МТС, центром — западную окраину города, и левым флангом (находится) у р. Царица у пересечения ее с высоковольтной линией.

7. 244 сд обороняет участки: 911 сн — от ж.д. моста через р. Царица до элеватора; 907 сн — до р. Царица и 914 сн — от ж.д. моста к вокзалу фронтом на северо-запад. Связь штадива с полками восстанавливается.

8. 35 гв. сд с остатками 131 сд и 10 СБр — на прежнем рубеже. **Противник удерживает элеватор и консервный завод.**

9. Прибыл 2 ОСБ — один батальон 92 СБр. Все остальные части и управление на левом берегу р. Волга. 137 ТБр — в районе ЗОНАЛЬНЫЙ.

10. Связь проводная, радио и офицерами связи. Проводная связь работает неустойчиво.

11. КП — овраг 1 км сев. вост. пристани Красный Октябрь. ВПУ — в районе Центральной пристани.

Начштаба армии генерал-майор Крылов, ПП батальонный комиссар штаба Носков, замначальника оперативного отдела майор Зализнюк.

Получается, что штаб 62 либо не знает, либо сознательно скрывает от штаба фронта, что с 17 сентября элеватор находится в наших руках.

При этом в 17.00 когда вторая половина 92-й ОСБр вместе с комбригом и замполитом еще только готовились к переправе на правый берег, от начштаба 62 Крылова в штаб фронта полетела следующая непроверенная сводка:

Оперсводка № 156 к 17.00 18.9.42 Штаб 62

<...>

8. 42 СБр занимает правым флангом рубеж 1 км юж выс. 112.5 и далее на юг до пересечения высоковольтной линии с р. Царица.

9. 244 сд отошла на рубеж Царица, Церковь.

10. 35 гв. сд с 133 тбр, остатками 131 сд, 10 сбр в течение дня отразив 4 атаки прот, продолжают удерживать свой рубеж.

11. 137 тбр закончила переправу, сосредоточилась в районе 1 1/2 км юго-вост. выс. 102.0 и заняла круговую оборону.

12. 92 СБр заканчивает переправу через Волгу и сосредотачивается в центре города (район северовосточнее р. Царица).

13. Связь с частями частично проводная, радио и офицерами связи. Проводная связь работает неустойчиво.

14. КП — овраг 1 км сев. вост. пристани Красный Октябрь.

ВПУ — в районе Центральной пристани.

О первых шагах 92-й ОСБр глазами очевидцев

В 1979 г. в Волгограде, наконец, увидела свет значительно сокращенная внутренними органами книга «Моряки верны традициям», которую написали бывший начальник штаба бригады Н.Ф. Емельяненко и начальник разведки А.А. Рукавцов, где достаточно подробно изложен боевой путь бригады перво-го формирования.

Рождение бригады

16 августа 1942 года на небольшую подмосковную станцию прибыл железнодорожный эшелон. Открытые двери теплушек чернели бушлатами и бескозырками краснофлотцев. Следом за первым один за другим подошли еще два таких же состава. В них ехали маршевые батальоны моряков Северного флота — артиллеристы береговой обороны и плавсостав с под-

водных лодок, эсминцев и других кораблей. Все они подали рапорты с просьбой направить их в действующую армию.

Командующий Северным флотом вице-адмирал А. Г. Головко лично контролировал ход комплектования маршевых батальонов. В них с личным составом соединения сразу же организовали усиленную учебу. Занятия проводились по 10—12 часов в сутки. Безлюдные до этого окрестные поля и лесные

поляны ожили. На них непрерывно раздавались воинские команды, крики «полундра», «ура», хлопали холостые выстрелы.

Важную роль в воспитательной работе сыграла тесная связь личного состава бригады с трудящимися близлежащих городов и деревень. В воскресные дни североморцы выезжали на предприятия или в села, чтобы помочь в меру своих сил.

В ночь на 9 сентября бригада отправилась на фронт. У моряков поднялось настроение. То там, то здесь слышались шутки, звучали песни «Вставай, страна огромная», «Баренцево море штормует». Каждый думал о скорой встрече с врагом и стремился к ней.

Ехал в эшелоне и краснофлотец Иван Николаев. До этого он лежал в госпитале, но, узнав, что бригада отправляется на фронт, упросил врачей выписать его досрочно.

*Начальник штаба 92-й ОСБр майор
Емельяненко Николай Федорович.
Фото 1942 г.*

*Краснофлотец 2-го ОСБ
Дмитрий Батуев*

Расположившись на нарах, писал письмо краснофлотец 1-й роты 2-го батальона, комсомолец Дмитрий Батуев, прибывший в бригаду в большой группе краснофлотцев с плавбазы подводников Северного флота. До войны он работал на Сталинградском деревообделочном заводе им. Куйбышева станочником. Осенью тридцать девятого по путевке комсомола ушел служить на флот и получил там специальность

котельного машиниста...

Когда Дмитрий узнал, что сухопутный фронт просит подмоги, а враг устремился к родному городу на Волге, он без колебаний подал рапорт о зачислении в морскую пехоту.

2-й батальон будет наступать потом вдоль улиц, прилегавших к Волге. Всего несколько метров не дойдет Дмитрий до своего дома.

Батуев Дмитрий Александрович 1921 г.р. погибнет 24.09.1942 г. и будет перезахоронен на Мамаевом Кургане...

Крайне малый срок обучения в период формирования не позволил личному составу полностью освоить даже сильно сокращенную программу боевой подготовки. Поэтому было решено продолжать ее в пути. Прямо в вагонах изучали материальную часть оружия и технику. На длительных остановках некоторые командиры батальонов проводили стрельбы из стрелкового оружия.

Продолжалась и политико-воспитательная работа. Моряков готовили к тяжелым испытаниям боевой обстановки. Их систематически информировали о положении на фронтах, приводили примеры умелых действий воинов в бою, методов борьбы пехоты с танками и авиацией врага. Используя газетный материал, показывали на конкретных фактах жестокость и бесчеловечность фашистов.

...И вот навстречу начали попадаться составы из разбитых, побывавших под бомбежкой вагонов и санитарные поезда с ранеными. А вскоре и эшелоны бригады стали подвергаться ударам фашистской авиации. Далеко на горизонте появилось огромное зарево. Это пылал Сталинград.

К исходу 16 сентября к месту назначения — на станцию Заплавное — прибыли первые эшелоны бригады с 1-й и 2-м стрелковыми батальонами и частью сил истребительно-противотанкового дивизиона, минометного и пулеметного батальонов. Их встречали представители штаба Юго-Восточного фронта. Подразделения быстро выгружались из вагонов и сразу же форсированным маршем следовали к волжским переправам. Приказом командующего фронтом генерал-полковника А. И. Еременко бригада к 18 часам 17 сентября передавалась в состав 62-й армии, которая в это время вела в Сталинграде тяжелые уличные бои и крайне нуждалась в пополнении свежими силами.

Стояла сильная жара. Ярко светило солнце, на небе ни тучки. И хотя к пешим маршам моряки не привыкли, шагали быстро. Чтобы легче было, подбадривали друг друга шутками.

— Эй, браток! А ведь у тебя гусеница соскочила! — заметив размотавшуюся у впереди идущего товарища обмотку, начинал травить баланду один морячок.

Комиссар 154-й морской бригады 64-й армии Алферов вручает партийный билет краснофлотцу Зенкову. Осень 1942 г.

*Немецкая пехота у завода Баррикады
14-15 октября 1942 г.*

Другой, глядя на невероятно палящее солнце и вытирая пот со лба, мечтательно вздыхал о купании и отдыхе.

— Отдыхать некогда, того и гляди опоздаешь, без тебя фашистов в Сталинграде прикончат, — подтрунивал над ним сосед по шеренге.

И так до самого района сосредоточения.

В селах на стенах домов краснофлотцы читали призывы, обращенные к войскам, прибывающим на защиту города: «Отстоять Сталинград — значит отстоять Россию!», «Стойкость — мать победы!», «Приказ Родины — ни шагу назад!», «Отстоять Сталинград или умереть!» На плакате мать с ребенком на руках. На них направлен штык врага. Надпись большими буквами гласит: «Воин Красной Армии, спаси!».

Чаще стали попадаться идущие навстречу раненые. Краснофлотцы интересовались:

— Ну, как там, в Сталинграде?

— Да как сказать? Сила у врага огромная. Досаждают и минометы, и артиллерия, а особенно много танков и авиации. Но наши пока держатся, спуску фрицам не дают.

Подходят другие раненые, подбадривают. Так в разговорах создается боевой настрой. К вечеру 17 сентября батальоны выходят к центральной переправе в районе Красной Слободы.

Боевое крещение

Первыми на правый берег переправились в ночь на 18 сентября 1-й и 2-й стрелковые батальоны со средствами усиления. Их возглавлял начальник штаба бригады майор Н.Ф. Емельяненко.

Переправа прошла по намеченному плану. Противнику, правда, удалось обнаружить некоторые

транспорты, и он, освещая время от времени поверхность реки ракетами, пытался огнем артиллерии и минометов препятствовать переброске наших частей на правый берег. Султаны воды от разрывов снарядов то и дело поднимались рядом с судами. К счастью, ни одно из них не пострадало.

Подразделения высаживались в центральной части города и сразу же направлялись вдоль берега Волги на юг, к реке Царице.

Бригаде было приказано уничтожить подразделения противника, проникшие в кварталы города южнее реки Царицы и в район элеватора. В последующем занять оборону, имея передний край по железной дороге, фронтом на запад, от реки Царицы до треугольника железных дорог в районе улицы Валдайская и не допустить прорыва врага по долине реки Царицы с запада и вдоль железной дороги со стороны станции Садовая.

В центральной части города в это время шли кровопролитные бои. Враг пытался во что бы то ни стало прорвать оборону 13-й гвардейской стрелковой дивизии и выйти к Волге. Гвардейцы с трудом сдерживали натиск противника. Дивизия несла большие потери и была на грани истощения.

В то же время мощная группировка врага в составе четырех дивизий пыталась пробиться к центру города с юга, где врагу противостояли слабые силы нескольких почти полностью обескровленных в предыдущих боях соединений 62-й армии.

Командарм В. И. Чуйков просил срочно усилить армию двумя-тремя свежими дивизиями. Но их не было.

...Половина стрелковых батальонов, батальон автоматчиков, большая часть артиллерии и тыла бригады еще не прибыли к месту назначения, но дожи-

даться их не позволяла обстановка. Поэтому пришлось бригаду вводить в бой по частям, что, безусловно, ослабляло силу ее ударов.

Переправившиеся подразделения развернули боевые порядки вдоль полотна прибрежной железной дороги, фронтом на запад: 1-й батальон — от реки Царицы до улицы Академической; 2-й — левее — от улицы Академической до развилки железной дороги (против улицы Сарептская).

Нашими соседями слева были части 35-й гвардейской и 131-й стрелковой дивизий, в которых насчитывалось соответственно 200 и 65 активных штыков, и 10-й стрелковой бригады — 60 активных штыков.

Соседом 92-й стрелковой бригады справа были остатки 244-й стрелковой дивизии, переданные затем оборонявшейся правее 42-й стрелковой бригаде. 272-й стрелковый полк 10-й дивизии войск НКВД занимал оборону за правым флангом 42-й стрелковой бригады, примыкая в районе вокзала Сталинград-І к левому флангу 13-й гвардейской стрелковой дивизии.

Участок южнее реки Царицы до элеватора должен был занять, согласно боевому распоряжению командира 244-й стрелковой дивизии, ее 911-й стрелковый полк. Но в нем оставалось всего 160 человек, в том числе 55 — из минометного батальона, который, расстреляв боеприпасы, был выведен в резерв на левый берег Царицы.

На этом месте прервем на мгновение рассказ Н.Ф. Емельяненко и приведем выдержки из книги академика А.М. Самсонова о 92-й бригаде, идущие вразрез со словами Николая Федоровича — очевидца тех боев: *«К вечеру <17 сентября> на усиление армии прибыли из резерва Ставки хорошо укомплектованная 92-я стрелковая бригада и 137-я танковая бригада (из состава 2-го танкового корпуса) с легкими танками,*

вооруженными 45-мм пушками. Танковая бригада была направлена на правый фланг 13-й гвардейской стрелковой дивизии, а 92-я стрелковая бригада — левее дивизии Родимцева с задачей не допустить прорыва противника к Волге вдоль р. Царицы...»

То есть А.М. Самсонов, в противоречие со словами Н.Ф. Емельяненко, опосредованно утверждает, что правым соседом 92-й бригады была непосредственно 13-я гв. СД генерала А.И. Родимцева, а не остатки 244-СД, правее которых еще были 42-я СБр и 272-й полк 10 СД НКВД...

Однако продолжим пересказ письменного свидетельства боев в изложении Н.Ф. Емельяненко.

...В итоге участок шириной свыше двух километров остался неприкрытым. Гитлеровцы, не встречая сопротивления, вышли здесь почти к самому берегу Волги, угрожая тылам 35-й гвардейской стрелковой дивизии и подчиненным ей остаткам других соединений. Создалась также серьезная угроза флангу и тылам 244-й стрелковой дивизии.

В брешь между рекой Царицей и элеватором устремились 24-я танковая, часть 94-й и 71-й пехотных дивизий врага. С этими соединениями противника предстояло сразиться и отбросить их за железную дорогу двум нашим стрелковым батальонам. Враг значительно превосходил нас и в живой силе, и в технике.

Немецкая авиация безнаказанно бомбила наши позиции. Действия вражеских соединений поддерживало большое количество артиллерии и минометов, в изобилии обеспеченных боеприпасами.

У моряков же имелось только три батареи 45-миллиметровых орудий отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, четыре 76-миллиметровые полковые пушки и минометный батальон. Как и стрел-

ковые подразделения, они все время испытывали нехватку боеприпасов, которые остались на левом берегу Волги.

Добиться успеха в таких условиях можно было только решительными и неожиданными ударами по флангам противника.

В итоге тщательной оценки условий боевой обстановки было принято решение: основными силами прибывших в Сталинград подразделений атаковать противника с фронта. Частью сил 1-го батальона нанести удар по флангу врага справа. Для деблокирования полуокруженного противником элеватора выделялась усиленная рота 2-го батальона.

Едва забрезжил рассвет, все командиры доложили о готовности к атаке. Был подан сигнал, и моряки внезапно, без артиллерийской подготовки, сбросив защитного цвета гимнастерки, в тельняшках и бескозырках, с криками: «Полундра!», «За Родину!», «Вперед!», «Ура!», непрерывно строча из автоматов и забрасывая окна домов гранатами, ринулись на врага. Внезапный удар североморцев ошеломил противника, который считал, что перед ним остатки выскользнувших из окружения частей. И вдруг появились моряки...

Гитлеровцы начали в беспорядке отходить, укрываясь за уцелевшими домами. Но офицеры, применяя оружие, сумели остановить бегущих, которые укрепившись в развалинах, стали оказывать краснофлотцам упорное сопротивление.

Бой распался на отдельные изолированные очаги. Он велся за каждый дом, улицу, складку местности, которые по несколько раз переходили из рук в руки. На помощь пехоте врага двинулись танки, открыла огонь артиллерия и минометы, а в воздухе появились бомбардировщики.

Несмотря на это, моряки смело врвались в дома,

заняты противником, предварительно прочесывая их огнем автоматов. Дело часто доходило до рукопашных схваток, в которых, как правило, верх брали североморцы.

О первых героях 92-й морской бригады

Взвод 1-й роты 2-го стрелкового батальона был послан для уничтожения прорвавшихся в наш тыл вражеских автоматчиков.

Первым в расположение врага ворвался бывший водолаз Федор Винницкий. Невысокий, но коренастый, он обладал недюжинной физической силой — легко переносил пулемет «максим» в собранном виде. Огнем автомата в упор Федор уничтожил несколько солдат и, продвигаясь среди развалин, неожиданно столкнулся с укрывшимся за полуразрушенной стеной немецким офицером. Он нажал на спусковой крючок, но автомат молчал — кончились патроны. Враг же выстрелил из пистолета и ранил моряка в горло. Винницкий нашел в себе силы — схватил свой автомат за дульную часть и, как дубиной, ударил фашиста прикладом по голове с такой силой, что тот упал как подкошенный, не подавая признаков жизни.

В одной из контратак взвод, в которой сражался краснофлотец Иван Бабушкин, сошелся с гитлеровцами на очень близкое расстояние. Бабушкину удалось огнем автомата и гранатами сразить несколько солдат противника. Но моряк не заметил, как из-за угла дома выскочил высокого роста унтер-офицер. Он ударил Бабушкина прикладом автомата в лицо. Удар пришелся в левый глаз и щеку. Глаз у матроса затек так; что почти совсем закрылся. Несмотря на это, североморец схватил и обезоружил немца.

А день еще только начинался. И бой тоже. Для многих он был первым, а для многих — и после-

дним. Когда подразделения 2-го батальона пошли в атаку, краснофлотцы Андрей Чуданов и Александр Разлатый в числе первых ворвались на причальную дамбу речного порта. Александр быстрым, оценивающим взглядом окинул местность, выбирая наиболее выгодную позицию для своего станкового пулемета. Его внимание привлек высокий портовый кран. Как бы вспомнив высокие надстройки корабля в свою флотскую службу, он радостно крикнул своему другу:

— Андрюша, наверх!

Чуданов без пояснений понял, что лучше позиции не найти. Разобрав пулемет, они быстро поднялись по крановой лестнице в кабину машиниста. Смахнули обильно струившийся пот и немедля, как на учебной тренировке, установили свой «максим». Андрей заканчивал последние приготовления, а Александр нетерпеливо вглядывался в развалины, из которых вели огонь немецкие автоматчики. Потом он крикнул:

— Патронную ленту!

Андрей подал ленту в приемник. И Александр, зарядив пулемет, открыл по врагу огонь. Фонтанчики пыли, поднимавшиеся от пуль, свидетельствовали об отличной меткости стрельбы.

Фашисты даже не поняли, откуда льется на них свинцовый дождь. Они падали один за другим на землю, пытаясь спрятаться от разящих пулеметных очередей.

Из глубины немецкой обороны появились свежие силы пехоты. Попав под внезапный огонь пулемета, резервы противника понесли значительные потери.

Оставшиеся в живых, что-то крича друг другу, укрывались за домами в развалинах...

Наконец немцы заметили храбрецов и начали обстрел занимаемой ими позиции. Одни вражеские пули, ударяясь о железные конструкции и брониро-

ванный щит пулемета, расплющивались и падали на землю; другие, срикошетив, отлетали в сторону. Начали вести огонь и немецкие пушки. Несколько снарядов разорвалось ниже смельчаков. Корректируя огонь, фашистские наводчики стали «брать в вилку» позицию пулеметчиков, но те, увлекшись боем, не обращали на это внимания.

Внезапно пулемет умолк. Разлатый, со злостью продернув пустую ленту, громко крикнул:

— Патроны, Андрей!

У Андрея патронов не было. За ними надо было спускаться вниз. В ожидании боеприпасов Александр снял бескозырку и утер обильный пот. Дотронувшись до «максима», он отдернул руку: кожух перегрелся. Надо было менять воду.

Возвратился Андрей, подал новую ленту в приемник, но Александр не спешил — стволу надо было дать передышку.

Пулеметчики смотрели туда, где шел бой. Где моряки, воспользовавшись поддержкой расположившихся на кране своих товарищей, продвинулись далеко вперед.

Снизу послышалась команда:

— Эй, там, на кране! Быстро спускайтесь вниз! Пора менять позицию.

Это, преодолевая шум боя, кричал командир 1-й стрелковой роты лейтенант В. П. Покровский.

После удачного боевого крещения Андрей Чуданов и Александр Разлатый спустились на землю. А моряки тем временем продолжали наступать. В ходе боя был ранен в руку старшина 2-й статьи М. Е. Ластовкин. После перевязки он категорически отказался эвакуироваться в тыл. Вернувшись в свое подразделение, вместе с товарищами ходил в атаки, врывался в стан врага, отвоевывая одну позицию за дру-

гой. Только после третьего ранения Ластовкина отправили в медсанроту. В этот день он уничтожил 25 фашистов, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Во время боя вышел на строя почти весь расчет орудия сержанта В. И. Третьякова, парторга батареи истребительно-противотанкового дивизиона. Оставшись вдвоем с наводчиком комсомольцем В. Ф. Иньковым, они, несмотря на ранения, продолжали стрелять: уничтожили крупнокалиберный пулемет и наблюдательный пункт противника, подожгли снарядами здание, в котором засели гитлеровцы.

В одной из рот 1-го стрелкового батальона от осколков разорвавшегося снаряда погиб расчет станкового пулемета. Враги захватили «максим» и открыли из него огонь по нашим подразделениям. Тогда младший сержант Иван Маладушев незаметно подполз к позициям противника и меткими бросками гранат уничтожил фашистов. Овладев пулеметом, он стал косить из него вражеских автоматчиков.

Об итогах первых дней боев

К исходу дня 18 сентября 1-й и 2-й стрелковые батальоны в ожесточенном бою преодолели сопротивление превосходящих сил врага и овладели улицами КИМ, Пугачевская, Циолковского, Рабоче-Крестьянская, Козловская, Бирская, Калинина, Балашовская, им. Кирова; уничтожили противника в районе элеватора, деблокировав окруженную в нем группу воинов 10-й стрелковой бригады. Для усиления обороны этого здания был сразу же направлен пулеметный взвод 2-го батальона во главе с младшим лейтенантом А. О. Хозяиновым, а потом им на помощь пришли моряки роты лейтенанта З.Г. Зозули...

Утром 19 сентября в Сталинград переправились

3-й и 4-й стрелковые батальоны с приданными им минометными и пулеметными подразделениями, батальоном автоматчиков, 5-й батареей артиллерийского дивизиона и саперной ротой. Вместе с этими частями в район реки Царицы прибыло командование бригады.

3-й стрелковый батальон сразу же был введен в бой в промежутке между 1-м и 2-м, а 4-й занял позиции во втором эшелоне. Батальон автоматчиков старшего лейтенанта Ивана Ивановича Мальцева составлял резерв.

К этому моменту стало очевидным стратегическое значение железобетонной громадины элеватора... Начштаба 92-й ОСБр майор Емельяненко вспоминал:

«19 сентября командиру пулеметного батальона майору Василию Егоровичу Яковлеву было приказано направить туда (к элеватору) одну роту. В полдень пулеметчики начали выдвижение к объекту. Они должны были занять оборону в здании зернохранилища и совместно с находящийся там гарнизоном прочно удерживать его. Едва пулеметчики ушли, как **гитлеровцы прорвались через боевые порядки наших подразделений и отрезали элеватор от главных сил бригады.**

В этом случае незамедлительно были приняты меры для восстановления положения. Роту, на участке которой прорвался враг, дополнительно усилили взводом автоматчиков, двумя 45-миллиметровыми орудиями, противотанковыми ружьями и станковыми пулеметами. Для огневой поддержки была выделена также рота минометного батальона.

Но все наши попытки прорваться к элеватору кон-

чились неудачей. Противник сосредоточил здесь до двух пехотных батальонов, усиленных танками и артиллерией.

Из пулеметной роты, отправленной к элеватору, вернулся боец, который вынес тяжелораненого командира — младшего лейтенанта Г. В. Дюльдена. Он рассказал, что, не доходя несколько сот метров до элеватора, рота попала под внезапный удар танков и пехоты фашистов. Заняв круговую оборону, пулеметчики героически отражают атаки врага. Они усеяли вражескими трупами все ближайшие улицы и подожгли два танка. Раненые не покидают своих позиций и сражаются до последней возможности. Элеватор обложен немцами со всех сторон, он окутан дымом, там тоже идет упорный бой. Вокруг здания курсируют вражеские танки.

Командир 2-го стрелкового батальона попытался снова деблокировать элеватор, но все атаки опять не принесли успеха. Противник обладал здесь многократным превосходством в живой силе и технике. Пулеметная рота, попавшая в окружение, сражалась до последнего. Никто оттуда не вернулся. Грохот боя в районе ее действий был слышен еще весь следующий день 20 сентября. Затем все стихло...

К полудню 19 сентября бригада выполнила поставленную задачу. Она вышла к рубежу железной дороги и закрепились там...

О количестве реальных потерь в батальонах 92-й бригады можно судить по сохранившемуся в ЦАМО РФ наградному листу на военврача 2-го батальона Жаркова Андрея Константиновича. Из этого документа следует, что уже **к вечеру 19 сентября** (т.е. на второй день после начала бригадой боевых действий) **на пристани под руководством военврача 3-го ранга было**

собрано 2230 легко- и 32 тяжело раненых. (Здесь, видимо, были раненые не только из 2-го ОСБ, но и из соседних с ним частей и подразделений 35-й гвардейской, 131-й стрелковых дивизий и 10-й стрелковой бригады).

Уже с этого дня - 19 сентября в 92-ю морскую бригаду с правого берега перестали поступать и боеприпасы, и продовольствие. Несколько тысяч убитых и умерших от ран морских пехотинцев и солдат ушли из этой жизни голодными...

Данные ЦАМО РФ подтверждают, что 19 сентября к утру прибыл на правый берег комбриг Тарасов и, не зная положения дел, не дождавшись появления начштаба майора Емельяненко, находящегося в боевых порядках, поспешил отчитаться в своей боевой деятельности:

**Боевое донесение № 02 штабриг 92 в штарм 62,
200 м сев. зап. устья р. Царица 19.9.42 на 9.00**

Бригада в ночь с 18 на 19.9.42 переправилась всеми подразделениями, за исключением артдивизиона и минометного дивизиона.

С утра 19.9.42 части бригады, ликвидируя отдельные группы автоматчиков, продвигаются, выполняя приказ № 75 штарма 62 для занятия обороны.

Части встречают упорное сопротивление со стороны огневых средств и автоматчиков пр-ка.

Захвачен пленный 94 пд пр-ка, который направлен в штарм.

К 9.00 19.9.42 части бр-ды вышли на рубеж:

1 отд. стр. б-н: продвигается на линию ж.д. Данные о его местонахождении отсутствуют. Точные данные дополнительно.

2 отд. стр. б-н: в теч ночи отбил 2 контратаки на элеватор и консервный завод. Ночью в 12.00 18.9. группа автоматчиков просочилась к Волге, но была ликвидирована.

2-й б-н потерял — 32 убитыми. Разбит 1 ст. пулемет.

3-й сб: подходит к линии ж.д. левее 1-го сб. Данные о потерях и точном положении уточняются.

4-й сб: во втором эшелоне за 3 отд. стр. б-ном.

4. Бригада нуждается в боеприпасах.

5. Трофеи уточняются.

Комбриг 92 подполковник /подпись/ Тарасов, военком ст. бат. комиссар /подпись/ Андреев.

При этом подписи начштаба майора Емельяненко нет. Сверху боевого донесения кем-то из штаба 62 армии синим карандашом написано: **«Это чепуха, а не донесение. Составлено человеком, не знающим положения частей!»** И роспись, начинающаяся на букву «К». Похоже — это начальник штаба 62-й армии генерал Крылов, которому, возможно, не понравились строчки донесения: «2 отд. стр. б-н: в теч ночи отбил 2 контратаки на элеватор и консервный завод» противоречащие информации штаба 62, посланной ранее в штаб фронта о занятии элеватора противником, который 16 сентября поспешил послать в Москву донесение:

«ВЧ» из Сталинграда
тов. Берия, тов. Абакумову

По состоянию на 24.00 15 сентября противник в Сталинграде занимал элеватор, куда проникло до 40 танков и группы мотопехоты противника, дом специ-

Военврач 2-го ОСБ Жарков
Андрей Константинович.
Послевоенное фото

алистов, расположенный в непосредственной близости у Волги - 150-180 м от переправы. Сюда противник подтянул до 20 танков, группы автоматчиков и минометчиков.

Селивановский

(ЦА ФСБ РФ, ф.14, оп. 4, д.326, лл. 220-223)».

Прочитав оценку своему творчеству, Тарасов был расстроен: в штаме 62 поняли главное - комбриг 92 не удосужился вникнуть в детали боев. Он даже не знал (и потому не написал), что накануне его 92-я бригада своими атаками помогла выйти из окружения подразделениям моряков 42-й ОСБр, ведущих в течение 4-х суток бои в Ворошиловском районе, а достигнув полотна железной дороги, выбила немцев из вокзала Сталинград-II.

К сожалению, за все время сталинградских боев ни комбриг Тарасов, ни начштаба бригады Емельяненко так и не узнали про пулеметный взвод мл. лейтенанта Хозяинова, который вместе с остатками роты автоматчиков из 10-й стрелковой бригады под командованием лейтенанта Бориса Аркадьевича Степанова в течение четырех дней вел в элеваторе жесточайший бой с противником.

А штаб 62-й армии, сам посылающий «наверх» неконкретные донесения, с первого же донесения уличил подполковника Тарасова в попытке обмана штаба армии подачей неконкретных непроверенных сведений. Генерал-майор Крылов, зная за собой такой грешок, не позволял штабам своих соединений допускать подобные вольности.

Так получилось, что все оперсводки и боевые донесения 62 армии в штаб фронта содержали приведенную выше, до конца не проверенную информацию. Например, оперсводка штама 62 за 18 сентября гласила:

«Ночью противник активности не проявлял. 35-я гв. СД с остатками 131-й СД, 10-й СБр на прежнем рубеже, противник удерживает элеватор и консервный завод.

35-я гв. СД и 133-я ТБр с остатками 131-й СД и 10-й СБр в течение дня отразили четыре атаки противника и продолжают удерживать рубеж: железная дорога 1 км севернее элеватор и до ВДКЧ (восточнее Львовский переулок)».

На самом деле все боевые сводки и карты немецкой армии за 15 сентября говорят лишь о взятии под контроль вокзала Сталинград II и всего участка железной дороги вплоть до железнодорожного моста через Царицу и ничего не сообщают о занятии элеватора.

Лишь 16 сентября немецкое подразделение без боя вошло в сталинградское зернохранилище. После чего вся обороняемая русскими территория от проходящей через Ворошиловский район железной дороги до берега Волги оказалась под прицелами немецких снайперов.

Поэтому сразу же началась атака автоматной роты лейтенанта Бориса Аркадьевича Степанова из 10-й стрелковой бригады на железобетонную громадину...

Теперь здание элеватора стало камнем преткновения для командира 48-го танкового корпуса генерала Вернера Кемпфа. Несмотря на все усилия, выбить упрямых русских из здания никак не удавалось. Подходы к элеватору были блокированы немецкими солдатами из 267-го и 274-го полков, но все попытки пехотинцев 94-й дивизии ворваться в здание встречались пулеметным огнем из глубины.

Русские стрелки в многочисленных окнах-бойницах на верхних этажах сеяли смерть в рядах атакую-

щих. Генерал Кемпф решил применить по зданию артиллерию.

Судя по немецким данным, приведенным в книге австралийского писателя Джейсона Марка «Об истории немецкой 24 танковой дивизии» 50 выстрелов 88-мм зенитных орудий 24-го тк по элеватору были проведены 18 сентября в 15.00 по берлинскому времени.

«Пушки стреляли по лифту с позиций всего в 800 метрах от здания. Это не дало большой эффект. Помимо 44 круглых отверстий на фасаде и на хранилище не было более ощутимых результатов, и сопротивление русских не ослабло».

Поэтому в этот же день зернохранилище было обстреляно еще 4-й батареей 105-мм орудий 89-го артиллерийского полка 29-й мд с гораздо лучшими результатами. Южный фасад элеватора заволокло пылью, фугасные снаряды после многочисленных попаданий разворотили стену здания, рухнула часть перекрытий. На момент обстрела части 94-й пехотной дивизии были отведены от стен элеватора.

По окончании обстрела оставшиеся в живых бойцы *автоматной роты лейтенанта Бориса Аркадьевича Степанова* на верхних этажах здания, пересчитывая последние патроны, приготовились дорого отдать свои жизни. Но атаки противника не последовало: было видно, как немцы перегруппировываются и отходят к железнодорожным путям. Со стороны вокзала Сталинград-II слышались сильная стрельба, разрывы гранат, русская нецензурная речь и крики «полундра».

На помощь истекающим кровью бойцам 131-й СД, 35-й гв. СД и 10-й ОСБр подходил второй отдельный батальон североморцев из 92-й отдельной морской стрелковой бригады, прибывшей на помощь Сталинграду из подмосковного Ступино...

ИСТОРИЯ ЗАЩИТЫ И ЗАЩИТНИКОВ ЭЛЕВАТОРА

*Элеватор в сентябре 1942 г. во время боев в его окрестностях.
Фото с немецкого самолета-разведчика ФВ-189*

О записях в «Историческом формуляре 92 ОСБр»

Начнем с того, что в «Историческом формуляре 92-й бригады» при изложении сентябрьских боев 1942 года политрук-историк допустил ряд «неточностей». Его текст: *«21-го сентября бригада выполнила поставленную задачу и закрепилась на железной дороге, одновременно заняла элеватор, очистив его от противника.*

Противник, пытаясь вернуть потерянные позиции, в течение 21-23 сентября непрерывно контратаковал нашу оборону при поддержке танков и авиации.

Артиллерия бригады из-за халатного отношения начальника артиллерии находилась на левом берегу и никакой поддержки переправившимся батальонам не оказывала. Боеприпасы доставлялись через Волгу под сильным обстрелом противника и в совершенно недостаточном количестве. Река находилась под непрерывным воздействием авиации, артминогна и даже огня автоматчиков противника. Лишь немногим смельчакам удавалось доставить боеприпасы на правый берег Волги.

21 сентября противник при поддержке танков и авиации прорвал нашу оборону, направив свои два удара на элеватор с запада и вдоль железной дороги, что идет берегом Волги. В элеваторе оказались окружены две роты 2-го Особого батальона (ОСБ)...» — грешит мистификациями.

На самом деле бригада элеватор не занимала, поскольку еще 17 сентября там уже находилась рота автоматчиков лейтенанта Степанова Бориса Аркадьевича 11-го стрелкового полка 10-й отдельной стрелковой бригады и, возможно, разрозненные остатки каких-то других соединений. Об этом говорят ниже приведенные строки из послевоенного письма командира 1-го пулеметного взвода пулеметной роты

2-го батальона 92-й отдельной стрелковой бригады Андрея Хозяинова бывшему командарму 62-й армии Василию Чуйкову.

**Письмо Чуйкову Василию Ивановичу
от Хозяинова Андрея Осиповича**

«Недавно по радио читали главы из Вашей книги "Армия массового героизма". Когда Вы в своих воспоминаниях перечисляли героические подвиги частей, подразделений и отдельных воинов 62-й армии, я вместе с семьей сидел у радио и слушал. Я очень волновался при этом. Мой десятилетний сынишка сразу заметил мое волнение и спросил: «Папа, почему ты так волнуешься?» — «Потому, ответил я, — что эти сентябрьские дни 1942 года навсегда останутся в моей памяти».

Я помню, как в Нижней Ахтубе нас встретил представитель штаба 62-й армии и указал рукой на пылающий правый берег Волги. Наша бригада североморцев переправлялась через реку в ночь на 17 сентября и уже на рассвете вступила в бой с фашистскими захватчиками. Каждый из нас понимал и знал ясно свои задачи. Работниками штаба и политотдела 62-й армии мы были хорошо информированы о создавшейся обстановке.

Помню, как в ночь на 18 сентября, после жаркого боя, меня вызвали на командный пункт батальона и дали приказ добраться с пулеметным взводом до элеватора и вместе с оборонявшимся там подразделением удержать его в своих руках во что бы то ни стало. Той же ночью мы достигли указанного нам пункта и представились начальнику гарнизона. В это время элеватор оборонялся батальоном гвардейцев численностью не более 30-35 человек вместе с тяжело и легко ранеными, которых не успели еще отпра-

вить в тыл. (*Видимо, А.О. Хозяинов называет обороняющихся гвардейцами потому, что на следующий день соседней 35-й гвардейской дивизии был дан приказ передать позиции в этом районе 92-й морской бригаде и десантники стали эвакуировать из элеватора находящихся там раненых. — В.Ш.*)

Гвардейцы были очень рады нашему прибытию, сразу посыпались веселые боевые шутки и реплики. В прибывшем взводе было 18 человек при хорошем вооружении. У нас имелось два станковых и один ручной пулемет, два противотанковых ружья, три автомата и радиостанция.

18-го на рассвете с южной стороны элеватора появился фашистский танк с белым флагом. «Что случилось?» — подумали мы. Из танка показались двое: один фашистский офицер, другой переводчик. Офицер через переводчика начал уговаривать нас, чтобы мы сдались «доблестной» немецкой армии, так как оборона бесполезна и нам больше не следует тут сидеть. «Освободите скорее элеватор, увещевал нас гитлеровец. — В случае отказа пощады не будет. Через час начнем бомбить и раздавим вас». «Вот так нахалы!» — подумали мы и тут же дали короткий ответ фашистскому лейтенанту: «Передай по радио всем фашистам, чтобы катились на легком катере... к боговой матери... А парламентареры могут отправиться обратно, но только пешком».

Фашистский танк попытался, было, ретироваться, но тут же залпом двух наших противотанковых ружей был остановлен.

Вскоре с южной и западной сторон в атаку на элеватор пошли танки и пехота противника численностью примерно раз в десять сильнее нас. За первой отбитой атакой последовала вторая, за ней третья, а над элеватором висела «рама» — самолет-разведчик.

22. Служба в Советской Армии				
Наименование должности	Наименование части	Чей приказ	№ приказа	Дата
Красноармейский Ком. артиллерийский	62 вивд. райо. северн. флота			8.34
	Зеленый взвод Сев. фр.			9.38
Командир взвода Красноармейский	3-ий дальний морской арт. Северного флота			11.40
	Вост.-морякский госпит. № 18			8.41
Ком. пулеметного взвода Красноармейский	Курск. фронт. командирского взвода			10.41
	8-й вивд. арт. морской пехоты			4.48
Ком. пулеметного взвода Красноармейский	Вост.-морякского арт.			7.48
	З. П. № 4639			11.42
Ком. пулеметного взвода Красноармейский	4-й стр. полк 112 стр. дивиз.			11.43
	З. П. № 4662			1.44
Командир пул. взвода Красноармейский	3-й Моторовский арт.			5.44
	6-й Металлический арт. Вост.-моряк.			3.45
Командир пул. взвода Красноармейский	З. П. № 3626			2.45
	4-й вивд. арт. морской пехоты			2.45
23. Уволен в запас	2-й запас. батальон		0390	5.7.1945
24. Уволен в запас	2-й запас. батальон		0390	5.7.1945
По какой должности	Начальник арт. части			Дата
	Капитан артиллерии			

Фрагмент учетно-послужной карты лейтенанта Хозяинова Андрея Осиповича 1916 года рождения из Коми АССР, где четко видны записи четырех ранений командира взвода Северного флота мл. лейтенанта Хозяинова: 1) в ноябре 1941 года, 2) в ноябре 1942 года после освобождения из немецкого плена, куда командир пулеметного взвода 2-го ОСБ 92-й ОСБр морской пехоты попал при попытке прорыва группы защитников из горящего элеватора в ночь на 22 сентября 1942 года (после этого ранения Андрей Хозяинов целый год пролежал в эвакуогоспитале № 4639 и выйдя оттуда в ноябре 1943 года, опять стал воевать на передовой командиром пулеметного взвода), 3) в январе 1944 года, 4) в марте 1945 года. Но о подвиге Андрея Хозяинова и его боевых товарищей из 2-го батальона и 35-й гвардейской стрелковой дивизии мы узнали лишь после того, как его рассказ о защите и безымянных защитниках элеватора был напечатан в книге бывшего командарма 62-й армии генерала Чуйкова «От Сталинграда до Берлина». При прочтении УПК Хозяинова поражает факт - у него, воевавшего с августа 1941 года по май 1945 года всего одна награда - медаль «За Победу над Германией». Явно заслуженная медаль «За защиту Сталинграда», видимо, ушла какому-то «защитнику» или «защитнице» с левого берега Волги. После письма Чуйкову Андрей Осипович был реабилитирован по всем статьям: оказалось, что кроме медали «За защиту Сталинграда» в апреле 1945 г. он был представлен еще к ордену «Красной Звезды» в апреле 1945 года

1. Фамилия, имя, отчество <u>Хозяинов Андрей Осипович В.671408</u>			
2. Время и место рождения <u>Восемь. 1916 г. Село Доск 1 км южнее р. С. Москва, г. Сиб.</u>			
3. Национальность <u>русский</u>	4. Знание иностранных языков и степень владения ими <u>не владеет</u>		
5. Социальное положение и происхождение <u>служащий</u>			
Член ВКП(б) с _____ г., п/б. № _____ канд. ВКП(б) с _____ г.			
Член ВЛКСМ с _____ г. _____ Беспартийный			
Партийская и измененная партийности _____			
Общие <u>9 классов Средней школы № 123</u>			
Военное (указывается полное наименование всех военно-учебных заведений, месяц и год их окончания, полный или ускор. курс окончания) <u>Курс ускоренной подготовки в школе</u>			
8. Образование _____			
9. Участие на фронтах <u>Восточный фронт, фронт Сталинградский, фронт Кавказский, фронт Крымский, фронт Чехословацкий, фронт Венгерский, фронт Югославский, фронт Австрийский, фронт Венский, фронт Берлинский</u>			
10. Награды (ордена и медали) <u>За победу над германцами № 95457</u>			
11. Был ли в плену, окружении — когда, где и сколько времени (на выходящихся в окружении графа заполняется только на выходящих из окружения но в составе части) <u>нет</u>			
12. Прип. № _____ № _____ № _____ № _____		13. Где на учете (наименование РВК, области) <u>МВД</u>	
14. Присв. офицер. зван. _____ Чей приказ № приказа _____ Дата <u>08.06.48</u>			
15. Состав <u>командир</u> запас „I“ разряда			
16. Род войск <u>Артиллерия</u>		ВУС № <u>2</u>	
17. Состояние здоровья <u>хорошо</u>			
18. Прохождение сборов <u>огонь и стрельба</u>			
19. г. — дп. _____		19. г. — дп. _____	
19. г. — дп. _____		19. г. — дп. _____	
19. г. — дп. _____		19. г. — дп. _____	
19. Место службы и должность (или род занятий вне В. вел.) <u>Инженер-автоматический мастер резерва артиллерии (ком. пулеметной)</u>			
20. Семейное положение и домашний адрес <u>женат Хозяинов Павел Осипович, г. Москва, ул. Беринга, д. 116</u>			
21. Особые отметки <u>ВН № 08083 08.01.49</u>			

Оборотная сторона учетно-послужной карты ЦАМО РФ лейтенанта запаса Хозяинова Андрея Осиповича

Он корректировал огонь и сообщал обстановку в нашем районе.

Всего 18 сентября было отбито девять атак. Мы очень берегли боеприпасы, так как подносить их было трудно и далеко.

В элеваторе горела пшеница, в пулеметах вода испарялась, раненные просили пить, но воды близко не было. Так мы отбивались трое суток — день и ночь. Жара, дым, жажда, у всех потрескались губы. Днем многие из нас забирались на верхние точки элеватора и оттуда вели огонь по фашистам, а на ночь спускались и занимали круговую оборону. Наша радиостанция в первый же день вышла из строя. Мы лишились связи со своими частями.

Но вот наступило 20 сентября. В полдень с южной стороны подошло 12 вражеских танков. Противотанковые ружья у нас были уже без боеприпасов, гранат

также не осталось ни одной. Танки подошли к элеватору с двух сторон и начали почти в упор расстреливать наш гарнизон. Однако никто не дрогнул. Из пулеметов и автоматов мы били по пехоте, не давая ей ворваться внутрь элеватора. Но вот снарядом разорвало «максим» вместе с пулеметчиком, а в другом отсеке осколком пробило кожух второго «максима» и погнуло ствол. Оставался один ручной пулемет.

Лейтенант запаса Хозяинов Андрей Осипович. Фото с УПК ЦАМО РФ

От взрыва в куски разлетелся бетон, пшеница горела. В пыли и дыму мы не видели друг друга, но ободряли криками: «Ура! Полундра!»

Вскоре из-за танков появились фашистские автоматчики. Их было около 150-200. В атаку шли они очень осторожно, бросая впереди себя гранаты. Нам удавалось подхватывать гранаты на лету и швырять их обратно. При каждом приближении фашистов к стенам элеватора мы по уговору все кричали: «Ура! Вперед! За Родину!»

В западной стороне элеватора фашистам все же удалось проникнуть внутрь здания, но отсеки, занятые ими, были тут же блокированы нашим огнем.

Бой разгорался внутри здания. Мы чувствовали и слышали шаги и дыхание вражеских солдат, но из-за дыма видеть их не могли. Бились на слух.

Вечером при короткой передышке подсчитали боеприпасы. Их оказалось немного: патронов на ручной пулемет — полтора диска, на каждый автомат — по 20-25 и на винтовку по 8-10 штук.

Обороняться с таким количеством боеприпасов было невозможно. Мы были окружены. Решили пробиваться на южный участок, в район Бекетовки, так как с восточной и северной сторон элеватора курсировали танки противника.

В ночь на 21 сентября под прикрытием одного ручного пулемета мы двинулись в путь. Первое время дело шло успешно, фашисты тут нас не ожидали. Миновав балку и железнодорожное полотно, мы наткнулись на минометную батарею противника, которая только что под покровом темноты начала устриваться на позиции.

Помню, мы с ходу опрокинули три миномета и вагонетку с минами. Фашисты разбежались, оставив на месте семь убитых минометчиков, побросав не только оружие, но и хлеб, и воду. А мы изнемогали от жажды. «Пить! Пить!» — только и было на уме. В темноте напились досыта. Потом закусили захваченным у немцев хлебом и двинулись дальше. Но, увы, дальнейшей судьбы своих товарищей я не знаю, ибо сам пришел в память только 25 или 26 сентября в темном сыром подвале, точно облитый каким-то мазутом. Без гимнастерки, правая нога без сапога. Руки и ноги совершенно не слушались, в голове шумело...»

Сразу заметим, что все события в рассказе А.О. Хозяинова сдвинуты на один день — то есть высадка двух батальонов 92-й бригады на правый берег произошла в ночь с 17 на 18 сентября (у А.О. Хозяинова написано с 16 на 17 сентября), значит, и выход из

элеватора происходил в ночь с 21 на 22 сентября (у А.О. Хозяинова написано с 20 на 21 сентября).

Согласно карте расположения на 20-21.9.42 частей и соединений 62-й армии, составленной штабистом ст. лейтенантом Барановским (см. схему 1), видно, что уже 20 сентября элеватор был со всех сторон окружен противником — нижняя красная черта обозначает линию обороны на 20 сентября, а черта чуть повыше — линию обороны на 21 сентября. На карте также прекрасно видно, что улицы Иловлинская, Львовская и элеватор, (по этим улицам по сводкам штаба 62-й армии за 19 сентября проходила линия обороны — В.Ш.), 20 сентября уже находились в немецком тылу.

В приказах по 92-й ОСБр за 3 сентября 1942 г. относительно назначений во 2-м ОСБ написано (ф. 1904, оп.2, д.1, л.42): «309. мл. л-т Хозяинов Андрей Осипович — командиром 1-го взвода пулеметной роты, 2-го отд стр. батальона».

Есть фамилия Хозяинов и в списках пропавших без вести (д. 31, л.130): «8. Командир пулеметного взвода 2-го отд. стр. бат. 92-й отд. стр. бригады мл. л-т Хозяинов Андрей Осипович пропал без вести 27.09.42 г.

1916 г.р., коми, уроженец села Мокша-Коми Ижемского р-на Коми АССР. Рабочий, кандидат ВКП (б) с 1939 г. В Красной Армии с 1937 г. Образование военное: 3-х месячные курсы переподготовки комсостава в г. Архангельске.

Семья — мать Хозяинова Анна Андреевна прож. Коми АССР Ижемский р-н, с. Мохичи, д. Ель».

Почему-то почти у всех моряков и пехотинцев 92-й морской бригады «пропавших без вести» написана дата с 25 по 27 сентября, хотя из рассказа мл. л-та Хозяинова мы знаем, что он «пропал без вести» еще

в ночь на 22 сентября при попытке их группы про-
рваться из элеватора.

В свете приведенного письма А.О. Хозяинова бро-
сается в глаза предвзятость составителя истории 92-й
бригады. Ведь на самом деле:

1) не было 21-23 сентября двух рот из 2-го От-
дельного батальона в элеваторе — с 18 по 21 сентяб-
ря там из 2-го ОСБ находился только пулеметный
взвод лейтенанта Хозяинова.

2) 21 сентября подразделения бригады не занима-
ли элеватор — наоборот последние остатки 92-й и
10-й СБр, (и, возможно, отдельные бойцы 131-й СД)
в ночь на 22 сентября покинули окруженное немца-
ми бетонное сооружение.

Говоря: «2-й ОСБ, по 10-12 раз в сутки контрата-
куя противника в тельняшках, сумел занять оборону
у цементной дамбы, где и укрепился по линии же-
лезной дороги.

2-й батальон был грозой немцев. Они боялись
здесь наступать и шли в атаку под офицерскими пи-
столетами...» — увлекшийся красочными эпитетами
составитель истории бригады, сам того не замечая,
показал реальный район боевых действий 2-го бата-
льона 20 сентября — район цементной дамбы на
берегу Волги рядом с грузовым портом, уже на до-
вольно большом расстоянии от зернохранилища.
(См. схемы 1,2,3).

Видимо, ожесточенные бои за элеватор требуют бо-
лее подробного рассмотрения. Ведь неспроста это бе-
тонное сооружение в южной части города было выбра-
но Паулусом в качестве эмблемы Сталинграда и в даль-
нейшем красовалось на немецких нарукавных нашив-
ках, специально разработанных в штабе 6-й армии.

Кое-что говорит о защите Сталинградского зерно-
хранилища текст из интернета: *«Во время Сталинг-
радской битвы, высотное здание городского элевато-*

Немецкое 88-мм орудие у пожарной части на улице Баррикадная севернее элеватора. Осень 1942 г.

ра имело стратегическое значение. С его высоты простреливалась центральная часть Ворошиловского района, и контролировались подходы к Волге. В сентябре 1942 года, немцы бросили значительные силы на его взятие. 18 сентября на помощь защитникам Сталинграда к элеватору прибыла 92-я отдельная стрелковая бригада, сформированная из моряков— североморцев. На следующий день элеватор был окружен немецкими частями и начался массированный штурм при поддержке артиллерии и авиации. За три дня советскими бойцами было отбито десятки атак, враг понес большие потери. 22 сентября израсходовав боеприпасы, гарнизон элеватора ночью вышел из окружения. В честь подвига североморцев, в 1977 году перед зданием элеватора открыт памятник в виде семиметровой фигуры моряка из монолитного железобетона».

На сегодня ясно, что пулеметный взвод Андрея Хозяинова в количестве 18 бойцов, пришедший на помощь трем десяткам бойцов из 10-й ОСБр и представлял всю 92-ю морскую бригаду.

А теперь приведем письма бойцов и командиров 92-й морской бригады и соседних с ней соединений Хозяинову Андрею Осиповичу.

Эти письма были расшифрованы, напечатаны и выставлены в интернете Сеним Ольгой Владимировной — племянницей А.О. Хозяинова. А Ольге Владимировне письма были любезно предоставлены Леонидом Андреевичем Хозяиновым — сыном Андрея Осиповича.

Письма Степанова Бориса Аркадьевича — командира роты 11-го СП 10-й ОСБр

г. Алма-Ата, 8.12.67.

Здравствуйтесь, Андрей Осипович!

Мне случайно попала в руки книга В.И.Чуйкова «Начало пути». Читая ее, я вычитал на 106 стр. Ваше письмо к В.И.Чуйкову о воспоминаниях, как оборонялся Сталинградский элеватор. Меня это сильно растревожило, т.к. я участвовал в обороне города еще до подступа к нему, а затем в самом городе, и в частности командовал ротой, которая обороняла Сталинградский элеватор. Хорошо помню приход вашего взвода в элеватор.

Не откладывая в долгий ящик, я написал два письма, одно В.И.Чуйкову, и второе в горвоенкомат гор. Орла, таким образом я хотел получить ваш адрес.

Лично от В.И.Чуйкова ответа не получил, но мне ответил нач. секретариата начальника ГО СССР подполковник Солодовник. Ответ отрицательный, адреса сообщить не может.

Второе письмо пришло из г. Орла от военкома РВК

полковника Чукаренкова, где он сообщил мне Ваш адрес. г. Орел, ул.Пушкина, 116, кв.10, и я взялся за письмо. Интересно вспомнить обо всем, но я не знаю, с чего начать. Первоначально написал большое письмо, и оно получилось как бы частью моей биографии периода боев за Сталинград, затем раздумал и решил написать это письмо.

Очень много оставалось в памяти, но и немало позабыто. Вот Вас вспомнить никак не могу, туманно отдельные эпизоды наших с Вами разговоров и действий, а вот отдельных Ваших бойцов помню, и кажется, узнал бы при первой встрече. Хорошо помню раненого снайпера-матроса и его снайперскую винтовку с разбитым прикладом. Он был ранен в лицо, кажется, на третий или четвертый день после Вашего прихода.

Как сейчас помню высокого русоволосого матроса-пулеметчика, который все старался побольше отвернуть лацканы армейской шинели, чтобы было видно тельняшку, а бескозырку держал на груди под шинелью. Умирать собирался матросом — форма парадная. Вспоминается станковый пулемет на втором этаже, и кажется, мы с вами стояли у окна, через которое он вел огонь по НП фрицев на водокачке.

Прорываться из элеватора мне с Вами не пришлось, т.к. за несколько дней до этого меня вызвали в штаб полка. Из штаба вшестером мы хотели вернуться в элеватор ночью, наткнулись на танки, в перестрелке меня ранило в руку, решили обойти их по берегу Волги, зашли в Ставропольский Яр, что между Волгой и элеватором. По выходу из Яра попали под сильный пулеметный огонь, меня тяжело ранило в спину, повредило два сустава позвоночника, очнулся в блиндаже, верней — подвале сгоревшего дома. Туда меня затянули жители, которые там сидели. Где ос-

тальные, не знаю, может, они все же дошли к Вам в эlevator?

На этом я пока кончаю. Прошу Вас подробнее писать о боях за эlevator и прорыве. Думаю, что постепенно (неразборчиво.... ...) более точней вспомним былые дни. Может быть, еще кто-нибудь есть в живых? Я буду ждать ваше письмо. Привет вашей семье. До свидания. Жму Вашу руку.

Мой адрес: г. Алма-Ата 13, ул.Космонавтов, дом 169, кв.25, Степанову Борису Аркадьевичу.

8.12.67. /подпись/

28.12.67.

Здравствуйте, Андрей Осипович!

Привет вашей семье и примите мои наилучшие поздравления в честь наступающего нового 1968 года. Желаю Вам счастья, здоровья, хорошего труда и много лет жизни. (Правда, письмо это придет к Вам в 1968 г. Вы меня извините, в силу ряда сложившихся обстоятельств я не смог написать Вам ответ на Ваше письмо в день его получения).

Большое спасибо за поздравления в честь 1968 г.

В Сталинграде мне пришлось побывать проездом в 1946 г. но я за 20 минут стоянки поезда ничего толком не смог увидеть. Теперь же, вероятно, ничего не узнаешь и не найдшь.

Писать в Сталинградский музей я не собираюсь. Мне кажется, там об этом клочке земли ничего нет, и никто не интересуется. Если бы было обратное, то давно бы нашли кого надо.

Вот читаю Ваше письмо, и перед глазами в тумане вспоминаются те дни. По «Раме» из ПТР стреляли через окно первого этажа (обращенного к Волге).

Мне вспомнились бои за водокачкой (это до отхода к эlevatorу), там ночью к нам траншею забрался взвод, одетый в нашу форму, и случайно связной

наткнулся на них (они залегли все в блиндаж) и услышал немецкую речь, прибежал, докладывает, а сам побелел и заикается.

Этот же взвод, после короткого ночного боя пленили. Оказалось, что часть в нем немцев, а часть наших пленных. Командир взвода был фельдфебель, награжден немецким крестом. Его взяли в плен только после броска гранаты, она ему разворотила

ногу, и он потерял сознание. Когда его потащили в штаб, он очухался и давай вырываться, кусаться.

Да, пройти по городу и посмотреть места, где пришлось воевать — это хорошая мечта.

Мне кажется все же, я туда в 1968 г. попаду.

По работе на этот год запланирована туда командировка, если ничего не изменится, то я смогу попасть. Надежда большая, вероятность маленькая.

Андрей Осипович, я начал служить в армии с 1939 г. В 1941г. по окончании училища служил в Киеве в отдельном саперном батальоне, там начал воевать, там же получил первое ранение, затем пошло Харьков, Воронеж, Сталинград. Оттуда попал в «болота смерти» под Ленинградом, по болотам дошел до р. Нарва, оттуда госпиталь, и опять фронт 3-й Белорусский. Освобождение Бобруйска, Бреста (легендарной крепости на Буге), дошли до Вислы, затем были пе-

*Степанов Борис Аркадьевич,
командир роты 11-го сп 10-й Сбр
(1921-1976)*

реброшены в направлении Вильнюс, и бои на территории Пруссии за города Ио...нен (неразборчиво) — Кенигсберг, и на этом опять конец. Госпиталь — победа. С 1947 по 1951г. служил в Германии в оккупационных войсках, в 1953г. демобилизовался, прижал(?) от нас справки (о назначении пенсии), не хватило для получения пенсии 2 месяца до 20 лет. Я на нее и не рассчитывал. Руки есть, голова есть. Сейчас работаю начальником прибороремонтного цеха на Прибороремонтном заводе. Начал свою гражданскую деятельность, как говорят, с азов. Поступил учеником, и вот дошел до начальника. Окончил техникум без отрыва от производства.

Вот такие дела. Прожито и пережито очень много. Во многих событиях начинаешь разбираться только сейчас, когда прочтешь книги с воспоминаниями. Все-таки, тяжелое было время, и мы победили.

Пока до свидания, еще раз большой привет семье.

Жду ответа. Может быть, судьба нас сведет когда-нибудь в одно место, и мы сможем увидеть друг друга? А чем черт не шутит?

С Новым наступающим 1968 г. С новым счастьем. Жму руку. /подпись/ 28.12.67.

19.01.68.

Уважаемый Андрей Осипович!

Письмо Ваше получил. Прочел и спешу ответить.

Да, незавидная доля под старость лет. Славу поем погибшим героям, им, отдавшим жизнь, сейчас все внимание и забота. Вот поэтому-то я и писал в предыдущем письме, что не хочу и не буду писать в музей Сталинградской обороны. Не хочется тревожить старые раны и тревожить свою душу.

Вот Вы пишете, что в путеводителе исторических мест Волгограда есть и «Элеватор» и фамилия. Ну, я

Немецкие зенитные 88 мм орудия на Дар-горе. Именно отсюда 18 сентября в 15.00 по берлинскому времени эти зенитки беспрепятственно обстреливали видимый вдали элеватор

долго вспоминал эти фамилии и не могу припомнить. Кажется знакомым фамилия Назаров, Михайлов, но не могу утверждать, т.к. это может быть обман, т.к. эти фамилии встречаются часто. В самом Элеваторе с первого дня как мы его заняли и до Вашего прихода, а моего ухода, этих фамилий не было, там всего было два офицера. ком. взвод фамилия его была украинская, начиналось на «По». Мы с ним были еще под Воронежом (орфография письма), но память мне стала изменять, и я не могу точно вспомнить его фамилию.

Что касается фамилий, указанных в путеводителе, то по всей вероятности, часть из них были из войск МВД. Я помню, мы совместно с батальоном МВД предпринимали контратаку на вокзал, верней между Элеватором и институтом в направлении ж.дороги. Продвинулись мы почти до ж.д. насыпи,

и там наткнулись на крупнокалиберный пулемет и несколько МГА. Они нас прижали к земле, я очутился за каким-то бугорком, сзади была воронка от тонной бомбы. За ней каркасный домик полуразрушен, и дальше институт, полуразрушенное здание. Фрицы усилили огонь по лежащим на чистом поле, мы начали отползать в воронки. И когда я попал в воронку от тонной бомбы, загорелся каркасный домик, от этого костра невозможно было сидеть даже на дне воронки. К этому времени туда, в воронку, сползли еще двое с ПТР, и мы перебежали, ушли в здание института, а оттуда открыли огонь из ПТР по пулемету. Когда попали из ПТР в немца-пулеметчика, а он обнаглел, приподнялся и кричал «Волка, Волка!», там он подпрыгнул на полметра и рухнул наземь.

Я помню очень хорошо фамилию Фарбер — это в Воронеже был у меня политруком, когда пришли в Сталинград и заняли оборону, то он ушел в тыл проверять старшину, и через недели две я его увидел, он уже был в командирской роте политруком и предлагал мне пойти в эту роту командовать взводом комendantским при военном трибунале. Конечно, я отверг все его предложения. И мне сейчас кажется, что этот герой жив (подчеркнуто) (конечно, если случайно за спиной не погиб).

У Вас есть много писанины о Сталинграде, может, там фигурирует эта фамилия.

Ну, пока все о прошедшей войне. Работа пока идет, очень много забирает времени и нервов, но это все терпимо, ибо каждый день видишь плоды своего труда.

Дома пока все в порядке, дети учатся хорошо, мы с супругой работаем.

До свидания, большой привет семье.

С приветом, жму руку. /Подпись/. 19.01.68.

10.03.70.

Здравствуй, дорогой Андрей Осипович!

Получил твое письмо и открытки для женщин, большое пребольшое спасибо за поздравления.

Да, Героем ты удивил, и откуда он взялся, от каких войск? Может быть, это герой из войск МВД, которые там действовали вокруг элеватора??

В элеваторе их не было. В элеватор первый с ротой попал я, а затем подошел ты с морячками.

Да в отношении наград тогда никто не думал, было не до этого; ну а когда вышли из боев, то награды получили те, кто стоял (в строю после боев). Остальным — вечная слава вам, русские богатыри, ваш героический подвиг во славу Родины останется на века в памяти народа — ... Никто не забыт, ничто не забыто... Вот так.

Андрей Осипович, ты пишешь, что... — ради правды истории написать — а стоит ли? Ведь, правда истории написана — мы победили фашизм — а эти частные случаи, кто, где был и что сделал? в данный момент не представляют никакой исторической ценности. Ты, может, скажешь, что на боевых традициях нужно воспитывать подрастающее поколение. Но мы это и делаем на идеализации преданности, мужества, отваги наших погибших друзей, товарищей. Мы воспеваем им славу и на их героизме (а отдать жизнь — это высший героизм) воспитываем подрастающее поколение.

Что касается частных случаев, кто где был и что делал и делает сейчас? Это ненужный вопрос.

Каждый живой свидетель, начиная рассказ, всегда приукрашивает его, допускает неточность. Это ведет к возмущению других участников событий. Даже В.И. Чуйков и тот не может сказать, кто был в элеваторе (правда, ты своим письмом немного помог ему).

Короче говоря, сейчас нет необходимости показывать и сводить вместе участников бов. Это и дорого, и не выгодно. По этой причине стремления Белоусова из Волгограда, да и других не нашли поддержки и остались мечтой. Да это и к лучшему.

Он может придумать любого героя и наделить его необходимыми качествами русского человека-воина.

Да, ну вот по этому вопросу все.

Я сейчас пишу это письмо из госпиталя инвалидов Отечественной войны, который находится за городом.

Попасть в этот госпиталь очень тяжело. Я попал по блату, и пришлось ходить почти полтора месяца. Ни звания, ни ордена, ни справки о ранениях, а у меня их семь, ничего не помогло. Вот дай инвалидную книжку, тогда пожалуйста. Правда, я сглупил при демобилизации, мне нужно было сразу оформить инвалидность (перебит позвоночник, выбита лучевая кость левой руки, перебиты кости и сухожилия правой руки и т.д.)

Но я посчитал ненужным, и рано лезть в инвалиды. И вот теперь расхлебывайся. Тебя считают со всеми наравне, и никаких привилегий, а ты говоришь — ради правды истории. Да она ему (глав. врачу госпиталя) во веки не нужна, и он ей не интересуется, его больше интересуют «деловые связи» — бизнес, а остальное трын-трава.

Короче — я лежу и лечусь от гипертонии. Поступил в госпиталь с давлением 190 на 110. После анализов — а они шли почти неделю — меня положили под луч лазера. Всего 15 секунд на одну точку, а их у меня определили семь по две на руках (между большим и указательным пальцем, и на запястье), над обеими бровями и затылок.

И представь себе, давление упало до 140 на 90, и вот держится почти сутки (я еще и курю). Таких се-

ансов у меня должно быть 20-25, затем перерыв на два месяца, и повторно 20-25 сеансов.

Говорят, излечивают полностью, по статистике с 1963 г. вылеченные люди еще не болели, т.е. давление у них в норме. Вот через 25 лет я попал в госпиталь, даже ... (не разборчиво)

Пока до свидания. Привет супруге и ребятам. Жду твоих писем.

С приветом (подпись).
10.03.70.

Больше писем Степанова Б.А. Ольга Владимировна Сеним не приводит.

Остается неясным вопрос Б.А. Степанова А.О. Хозяину о «Герое»? Неужели кто задним числом получил за элеватор звание Героя Советского Союза? Обращает на себя внимание и фраза лейтенанта Степанова о бойцах НКВД: «В элеваторе их не было. В элеватор первый с ротой попал я, а затем подошел ты с морячками».

Письмо Смирнова Василия Васильевича

(1-й батальон, командир отделения, сержант, 92-я отдельная стрелковая бригада морской пехоты)
20.01.70.

Здравствуйте, уважаемый Андрей Осипович!

Пишет вам Смирнов Василий Васильевич, участник боев в Сталинграде в нашей беспутной 92-й. Я прибыл с Северного флота (неразборчиво) сначала в Ваенге за Мурманском, потом за Москвой г. Ступино (в лесу). Сейчас мне очень трудно вспоминать почему? Опишу позднее, ниже. Я был в 1 батальоне командиром отд. автоматчиков, когда высадили, наше направление было ближе к мосту, около трамвайного моста через границу (речку), здесь нас встретили

очень жарко. На второй день я был ранен, но еще давал жизни за наших погибших товарищей, да и бегать не мог быстро, ранен был в ногу. На следующие дни нас осталось из роты 15 чел., а немцы (неразборчиво) не помню, на 5 или 6 день нас окружили. Патронов оставалось очень мало, в одном месте еще можно было вырваться, меня ранило во второй раз. Но стрелять мог, я приказал остальным прорываться и ударить с фланга, и это у нас вышло удачно. Я из развалин ударил по немцам из автомата и бросил две гранаты. Больше ничего не осталось. Думал, все. Но в это время наши отбросили их, и меня ребята перетянули ближе к оврагу. Они снова пошли на нас в атаку. Живых осталось пять человек. Тут же был Хорьков(?), знаешь кто (шпана). Я уже не мог отходить, попросил патронов, мне бросили 3 диска к ППШ и 4 ф-1, и они ушли. Я все думал, что в плен в случае чего взорву себя. Сначала стрелял, потом бросил 3 гранаты, а больше не помню. Пришел в сознание в госпитале в Саратове, потом лежал за Ташкентом, гор. Коканд, после выписки из госпиталя попал на Черное море в 225 краснознамнную морскую бригаду, правда, голова и нога еще сильно болели, был контужен. А в феврале 1943 года был снова в госпитале, ранило и сильно контузило в Новороссийске (Малая земля).

Три месяца не слышал, два не говорил, раздроблено бедро (неразборчиво) был на вытяжении, вырван задний проход, вырвано яичко. По госпиталям объехал всю Грузию.

Сейчас инвалид 2-й группы пожизненно. Нигде не работаю. Врачи запретили физически и умственно, потому что была контузия головного мозга и нервов.

Вот так и живу. Приехал, женился, взял с ребенком, так как по моему ранению детей не будет. Сей-

*Краснофлотцы 92-й бригады 26 августа 1942 г.
в подмосковном Ступино.
Фото из музея 92-й ОСБр 4-й гимназии г. Волгограда*

час уже и сын женат, имею внука, но живут не дома. Мы только 2-е с женой, она еще работает.

Кажется, все о себе сообщил. Отпиши, как живешь. Какая семья? Как здоровье? Все-все мне интересно знать. Привет всей твоей семье от меня и моей жены Зои.

Извините, что плохо и нескладно написал, но с моей головой это считаю, что хорошо.

Пока и до свидания. Жду ответа. Адрес твой узнал у Зотова А-дра Георгиевича.

О военфельдшере 101-го гв. сп 35-й гв. сд Хмельницкой (Проворовой) Любви Петровне

Эту необыкновенную историю я узнал о время поездки в Орел от Леонида Андреевича Хозяинова - сына защитника элеватора.

«По воспоминаниям отца, днем 19 сентября, - начал рассказ Леонид Андреевич, - держащей оборону неподалеку от элеватора 35-й гвардейской дивизии был дан приказ передать свои позиции нашему второму батальону. Где-то ближе к обеду гвардейцы начали собирать своих раненых и эвакуировать на берег Волги для переправы на левый берег. Часть этих раненых находилась в нижнем этаже элеватора. Многие из покалеченных были уже мертвы. Санитары и их подручные еще раз посмотрели на усопших, повернулись и ушли. Я зашел в помещение, пригляделся и обратил внимание на эту медичку - мне показалось, что она жива. Я взял ее на руки и вынес на солнце. Точно, жива.

Я выругался и приказал своим братишкам отнести ее на носилках на берег. Что они и сделали. Потом вернулись назад... Через тридцать с лишним лет я встретил эту женщину, и мы оба заплакали...»

Из представленных данных получается, что правый фланг 35-й гв. СД с 16 по 19 сентября проходил к востоку от элеватора, в здание же зернохранилища сносили раненых дивизии. Об этом стало известно в 1977 г. от бывшего военфельдшера 35-й гв. дивизии Хмельницкой Любови Петровны.

В апреле 1977 года Любовь Петровна побывала в Волгограде на встрече однополчан, посетила школу, расположенную рядом с элеватором, в которой был открыт музей 92-й морской бригады. Здесь, в школьном музее Хмельницкая (Проворова) узнала, что ее, тяжело раненую, 19 сентября 1942 года спас мл. лейтенант 92-й морской бригады Хозяинов Андрей Осипович. Об этом говорят ее письма А.О. Хозяинову.

Письмо первое:

Дорогой тов. Андрей Хозяинов!

Я Хмельницкая Любовь Петровна (по мужу Проворова) служила в 35-й гв. СД в 101-м полку командиром санитарного взвода. В конце сентября 1942 г. в Сталинграде в боях районе элеватора была тяжело ранена и пришла в сознание спустя 40 дней в госпитале в г. Энгельсе. На протяжении 30 лет пыталась узнать подробности и найти человека, который спас меня, вынеся из пекла.

При встрече ветеранов 35-й гв. СД, которая произошла в конце апреля этого года, из рассказов оче-

*Военфельдшер 101 гв. сп 35 гв. СД
Хмельницкая Л.П., 1942 г.*

видцев дело происходило так. В районе элеватора были вынесены последние раненые. Кто-то из моряков спросил, кто еще остался? Последовал ответ: осталась девушка-фельдшер, она уже три дня без сознания.

Поднялся большого роста моряк и, отпустив несколько крепких эпитетов в адрес наших десантников, которые оставили меня, зашел в дом и вынес меня на руках. Это в гостинице рассказал ветеран дивизии Павленко Александр, с которым я выступала в школе в районе элеватора.

Дети повели нас в свою комнату-музей Вашей славной 92-й морской бригады. Там я оставила свое фото тех лет. Авьось отыщется мой спаситель.

И вот, наконец, я узнала, что этим большого роста моряком были Вы...

Письмо второе:

Здравствуй, дорогой мой Андрюша, уважаемая Раиса Яковлевна!

Получила сегодня ваше письмо, большое спасибо.

Живу еще впечатлениями от встречи, которая меня потрясла до глубины души. Без слез не могу вспомнить все события 42 года. Очень рада, что уже знаю до конца.

Спасибо Вам, мой родной Андрей, за спасение жизни. Если я живу, дышу, радуюсь всему прекрасному живому, то все это благодаря Вам! Страшно подумать, что меня могли не найти эти славные прекрасные люди – североморцы! Ведь я лежала, по Вашим рассказам, там куда мы (имеются в виду десантники 35-й гв. СД – В.Ш.) выносили мертвых.

Вы мой самый большой друг, товарищ, брат. Спасибо Вам за то, что Вы есть на свете!..

До свидания, пишите. Я всегда рада вашим письмам. Думаю, что еще встретимся.

Обнимаю, целую, Ваша сестра Люба.

*Краснофлотцы 92-й бригады 17 сентября 1942 г. под Сталинградом
перед переправой на правый берег Волги.
Фото из музея 92-й ОСБр 4-й гимназии г. Волгограда*

Рассказ племянницы Хозяинова Андрея Осиповича Сеним Ольги Владимировны

Добрый день. Хочу рассказать о своем дяде Хозяинове Андрее Осиповиче.

Командир пулеметного взвода 92-й морской стрелковой бригады. Он был непосредственным участником и свидетелем боев за Сталинград в сентябре 1942 года. В их задачу входила защита элеватора.

Немецкие войска вышли в этот район 14 сентября. 92-я отдельная стрелковая подошла на место 18 сентября, прорвались к своим с боями. Что происходило там, двумя словами не рассказать. Цитата из дневника рядового пехотной дивизии Вильгельма Гофмана: «Если все дома Сталинграда будут так обороняться, то никто из нас не вернется в Германию».

Обстрел проходил бесконечно, по наводке с неба, насквозь. Связи нет, воды нет. Единственный источник — под прицелом снайперов.

Когда боеприпасы оказались на исходе, было принято решение прорываться.

Снова цитата Гофмана: «22 сентября. Сопротивление в элеваторе сломлено. Мы нашли трупы сорока убитых русских. Половина из них в военно-морской форме — морские дьяволы. В плен взяли одного тяжелораненого, который не может говорить, или притворяется».

Речь — о моем дяде. Дальше — лагерь для военнопленных, освобождение в феврале 43-го, госпиталь, лишение наград и звания. В январе 44-го младший лейтенант и командир пулеметного взвода на 1-м Украинском фронте. Ранения, бои. Пятое, тяжелое — получено при штурме Данцига в апреле 45-го, и списание со службы.

Дядя Андрей родился 15 августа 1916 года, умер 20 мая 1996 г. В жизни своей был простым, скромным человеком. День Победы отмечал в семье, тихо, без красивых слов и речей.

Бывший военфельдшер 101 гв. сп 35 гв. СД Хмельницкая (Проворова) Любовь Петровна и командир пулеметного взвода 2-го батальона 92-й ОСБр Хозяинов Андрей Осипович в день открытия памятника морякам-североморцам у стен Сталинградского элеватора. 1977 год

Свидетелей сентябрьских дней 42-го осталось тогда совсем немного. И много было тех, кто приписал себе незаслуженную славу. Благодаря дяде мы имеем правдивую картину подвига тех ребят. Я пока не знаю точно, как это случилось, но говорить о них стали только в 60-х, когда создавался мемориал в Волгограде. Потом были воспоминания-книги с цитированием его слов,

документальный фильм. Памятник «Защитникам элеватора» делали по нему...

Исходя из процитированных писем, получается: если бы не публикация письма Андрея Хозяинова в книге генерала В.И. Чуйкова (честь ему за это и хвала!) героические действия 92-й морской бригады и соседних с ней соединений, которые сражались в середине сентября 1942 года в районе элеватора, остались бы неизвестными истории. Но публикация Чуйкова изменила ход послевоенных событий — началась деятельность оставшихся в живых моряков и пехотинцев по увековечению памяти погибших. В итоге в 1977 году на Рабоче-Крестьянской улице города около бывшего Сталинградского зернохранилища, которое действует и поныне, был открыт «Памятник морякам-североморцам — защитникам элеватора».

Однако деятельность инициативной группы 92-й морской бригады по увековечиванию памяти погибших и выживших защитников элеватора, освященная в советской печати, с конца 60-х годов получила неожиданное продолжение: огромная масса бывших бойцов и командиров других соединений 62 армии стала претендовать на участие в защите зернохранилища. В музей Сталинградской битвы и лично Хозяинову А.О. пошла масса писем.

Более того, некоторые ветераны 35-й гвардейской дивизии во главе с ее бывшим командиром полковником В.П. Дубянским стали предпринимать попытки задвинуть в тень славное имя 92-й морской бригады. Появились «научные труды», в которых утверждалось, что элеватор был взят штурмом бойцами 35-й гвардейской стрелковой дивизии, которая, якобы, в течение нескольких дней и защищала это бетонное сооружение, а 92-я морская бригада принимала в этих боях лишь опосредованное участие.

**НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ
О ДРУГИХ ЗАЩИТНИКАХ
СТАЛИНГРАДСКОГО ЭЛЕВАТОРА**

Для освещения этого вопроса приведем некоторые данные о 35-й гвардейской и 131-й дивизиях, а также о 10-й стрелковой, 20-й истребительной и 133-й танковой бригадах, ведущих бои в районе элеватора в период с 15 по 20 сентября 1942 года.

35 гвардейская дивизия в сентябре 1942 г.

(ф. 8 гв. А, оп. 5487, д.10)

С 8 сентября дивизией после гибели комдива генерала Глазкова стал командовать начальник штаба полковник Дубянский.

Дубянский Василий Павлович 1892 г.р. 11 января Смоленская обл. (Орден Красного Знамени 1.12.42 и медаль «За оборону Сталинграда» 12.12.42 г.) не написал никаких книг. Поэтому о действиях вверенной ему 35-й гвардейской дивизии в середине сентября 1942 г. мы можем судить только из дошедших до наших дней боевых донесений, оперсводок, а также воспоминаний командира 101-го гв. сп Герасимова Александра Акимовича и письмах писаря 100-го гв. полка Павленко Александра Андреевича участнику защиты элеватора Хозяинову Андрею Осиповичу.

Согласно оперсводке 24 к 16.00 7.9.42 г. штадива 35 гвардейской, посланной с выс. 144,9 1,5 км ю.-в. Верх. Ельшанки в штаб 62 армии (ф. 8 гв. А, оп. 5487, д. 10, лл.21-22) 35-я гв. СД с приданной 20 истр. бр. и 651 ИПТАП во взаимодействии с 502 ИПТАП занимали участок обороны к юго-востоку от участка железной дороги Воропоново-Максимовский разъезд (см. цв. схему 8).

101 гв. сп в составе 750 чел. /винтовок 1115, ппш — 520, РП-46, ст. пул. — 16, ПТР — 30, пуш. 45 мм -6, и 651 ИПТАП в составе 12-ти 76 мм пушек/ занимал оборону юго-зап. окраина Верх. Ель-

шанка, МТФ, развилка дорог 1,5 км ю.-з. Верх. Ельшанка, фронтом на Воропоново.

100 гсп в составе 368 чел. /винтовок — 212, ппш-119, РП -2, ПТР — 3, пушки 45 мм — 3/ занимал участок обороны: юго-западнее Верх. Ельшанка 1,5 км, пруд, (иск.) отм. 143,5 фронтом на Воропоново.

102 гсп в составе 324 чел. /винтовок — 213, ппш — 61, РП-9, станк. пул. -1, ПТР — 10, миномет 50 мм — 8/ занимает участок обороны: ю.-в. окр. Песковка фронтом на Алексеевка-Воропоново.

Резерв командира дивизии: разведрота — 45 чел., /ппш — 43, РПД — 2/; батарея отд. саперного батальона — 61 чел. /винт.-37, ппш — 23/; отд. связи — 78 чел. /винт. 63, ппш — 12/; коменд. взвод /винт. 15, ппш — 3, РП — 1/ — занимал оборону в районе выс. 144,9 по сев.-зап., западным и юго-западным скатам.

Отдельная рота химзащиты, авторота, медсанбат, ПХП и др. тыловые органы дивизии (до 850 чел.) в этот момент были отрезаны противником. Из разведисточников было известно, что эти подразделения вышли в район: Усть-Погостье. Для переброски их в это положение дивизии был необходим автотранспорт.

Соседом справа была 38 МСБр, слева — 131 СД. Связь с соседями поддерживалась телефоном и делегатами связи.

Описание тяжелого боя 8 сентября, в котором погиб командир дивизии генерал Глазков, приведено в оперсводке № 26 к 16.00 9 сентября 1942 г. (см. схемы 9,10) уже с берега Волги из балки 700 м северо-восточнее лесопильного завода в пригороде Минина.

Исполняя боевое распоряжение штаба 62 от 8.9.42 г. остатки 35 гв. СД и 20 истребительной бригады, объединенные под командованием гв. полковника Дубянского к 5.00 9.9.42 заняли рубеж обороны: по зап. окраине Купоросное, Ельшанка, приг. Минина узла-

*Бой 20-й истребительной бригады на подступах к городу.
Сентябрь 1942 г.*

ми сопротивления побатальонно. Связь с соседом справа — 10 СД была установлена делегатами связи...

С 10 сентября 35-я гв. дивизия с приданной ей 20-й истребительной бригадой, 131 СД и 270 полк НКВД были атакованы немецкими танками при поддержке пехоты с направления ст. Воропоново.

Еще накануне 9 сентября к 22.00 противник сосредоточил в лесу 1 км западнее Бекетовка 50 танков, и до 35 танков лес западнее приг. Минина.

В течение дня 10.9 35-я гв. СД с приданной 20 истребительной бригадой отдельными узлами сопротивления удержала занимаемый район.

131-я СД и полк НКВД под действием отдельных групп автоматчиков и миногня противника были несколько потеснены.

В результате мощного напора противника 35-я гв. дивизия понесла большие потери. В донесении о

численном и боевом составе 35 гв. СД на 12.9.42 г., подписанном Трусовым, Некрасовым и Подсоцким сказано:

«Всего начсостава 112 чел., мл. начсостава — 92 чел., рядового состава 280 чел. Всего 484 человека».

Согласно оперсводке № 29 к 4.00 12.9.42 г. штадива 35 гвардейской (см. схему 12): «35 гв. СД с придаваемыми остатками 271, 272 сп, 20 МСБр, 52 ОПАП при взаимодействии с 133 ТБр, 85 ГАП, 362 дивизион (ГМП-80) прочно обороняет занятый рубеж. Изменений в схеме расположения частей нет...»

Согласно оперсводке № 30 к 3.00 13.9.42 г. остатки 35 гв. СД с приданной 20 истребит. бригадой, 52 ОПАБ — во взаимодействии с 133 ТБр, 362-м гв. мин. дивизионом ГАП прочно удерживает участок обороны. В составе дивизии боеспособными остаются только два полка: 100-й (силою 122 чел.) и 101 гв. сп (силою 215 чел.)

Резерв комдива: разведрота, комендантский взвод, рота связи, саперная рота.

131 СД к 3.00 13 сентября участок обороны пригород Минина, Ельшанка не заняла.

Оперсводка № 31 к 15.00 13.9.42 г. сообщает: «Район КП дивизии, не имея соприкосновения с пехотой противника, в течение дня подвергался воздействию авиации и артминогна. Во время бомбардировки КП погибли: зам. нач. ПО дивизии гв. ст. политрук Егоров, секр. парт. комиссии гв. ст. политрук Шестаков, ст. инструктор информации гв. политрук Моисеев, секретарь политотдела гв. мл. политрук Петров, писарь-машинист гв. красноармеец Максимов.

4. Прибыли остатки 131 СД в составе 368 чел. (винтовок — 220, ппш — 132, 5 орудий, 1 миномет 82 мм).

К 15.00 <131 СД> произвела рекогносцировку ме-

стности. Выдвижение подразделений на участок обороны задерживается вследствие сильной воздушной бомбардировки и артминогня.

К 12.00 из тыла прибыли бывшие ранее отрезанными от дивизии: рота пульбата, рота учбата. Рекогносцировка местности участка обороны произведена, но вследствие сильной воздушной бомбардировки подразделения на передовые позиции не выдвинулись.

Связь с соседями: справа с 10 СБр — локтевая, слева с 126 СД — локтевая...» Сводку подписали: Трусов, Некрасов, Подсоцкий.

Оперсводка № 32 к 3.00 14.9.42 говорит, что 131-я СД заняла оборону: зап. окр. пригорода Минина, южная окраина Ельшанки, 101-й полк 35 гв. СД — к югу от пристани КУПОРОСНОЕ. Между 131-й СД и 35-й гвардейской расположилась жиденькая цепочка бойцов энкаведэшников из 271-го полка, которые потом в ночь на 15-е сентября исчезли с позиций.

Оперсводка № 33 к 3.00 15.9.42 (см. схему 14), посланная из балки вблизи лесопил. з-да пригорода Минина, гласит: «Остатки 35-й гв. СД и 131 СД в составе 356 активных штыков, 5 — 45-мм пушек при- даваемыми 52 ОТАП, 20-й истребительной бригадой во взаимодействии с 2/133 ТБр, 271, 272 сп войск НКВД, при поддержке 3/85 ГАП, 362 гв. миндивизионом прочно удерживает оборону участка согласно прилагаемой схемы.

В расположение 52 ОПАТ, 100 гв. СП просочилась группа автоматчиков, к уничтожению которых приняты меры...»

Однако к полдню 15 сентября положение дивизии

*20-я истребительная бригада ведет бой в развалинах города.
Сентябрь 1942 г.*

обостряется и к командарму 62 летит **донесение** (ф. 8 гв. А, оп. 5487, д. 10, лл. 39,40):

«Доношу, что положение на занимаемом мной участке угрожающее. Группы людей разрознены на участке и не имеют огневого взаимодействия и глубины.

От приданных частей остались десятки.

Сдерживаю противника исключительно остатками командного состава. Нет боеприпасов и не получили продовольствия.

Потери велики и переходят за 50%.

Прошу оказать реальную помощь живой силой, артиллерией.

Танки помощь оказать не могут, так как не имеют моторесурса. Действия с места неэффективны.

И.д. к-ра 35 гсд полк. Дубянский. /Подпись./

ВНК полк. ком. Лисичкин. /Подпись./»

Далее в деле 35 гв. СД сразу два **крика о помощи генералу Чуйкову на 18.00 15.9.42 г.:** из 131-й СД и из 35-й гвардейской:

«15.9.42. 18.00 Военному Совету 62 армии

Прот. вклинился направление: элеватор, больница, кож. завод. Оборона представляет из себя решето, противник свободно просачивается.

Берег от водокачки простреливается пр-м от элеватора также.

Обороняются отдельные мелкие группы разрозненные. Сплошной линии и заграждений по узлам обороны нет.

Потери до 70%. Всего осталось не более 100 человек.

КП дивизии неоднократно бомбилось, находится под артогнем пр-ка. Боеприпасы на исходе.

Необходимо срочно прислать пополнение или свежие части, организовать эвакуацию раненых, обеспечить переправу боеприпасов, обеспечить артогнем!

О штабе дивизии. Его необходимо вывести, так как это работа в качестве рядовых стрелков, только трата людей. Дивизия небоеспособна. Жду срочно указаний.

К-р 131 сд полк. Песочин. /Подпись/. Военком див. ст. бат. комиссар Нестеров. /Подпись/».

«Кому Командарму 62 Время отпавл. 18.00

Откуда: Лесопил. з-д № 2 от 15.9.42

Части дивизии и приданные ей имеют потери ранеными и убитыми до 70 %. Остались единицы на рубеже обороны, которые под воздействием с воздуха, минометного огня и автоматчиков отходят. Остановить не представляется возможности за неимением сил. Боеприпасов и продовольствия не доставлено и люди уже двое суток не имеют питания.

Считаю удержать занимаемый участок личным составом 120-150 человек невозможным и прошу оказать реальную помощь для выполнения задачи.

Люди дивизии, оставшиеся налицо, ведут бои с 7.9 непрерывно.

Немецкий танк 24-й тд на юго-западных подступах к Сталин-граду. Вдали справа силуэт элеватора. 15 сентября 1942 г.

Связь телефонная нарушена, кабель выгорел, часть аппаратов повреждена. Радиостанция не работает — нет источника питания. Командный и политический состав в частях выбыл на 90%.

Раненых эвакуировать не на чем. Из наличного состава можно сформировать роту после отвода, отдыха и кормежки. Остатки штаба дивизии сохранить, вывести из боя.

И.о. к-ра полк. Дубянский. /Подпись./ ВНК полк. комисс. Лисичкин. /Подпись/».

Правда, спустя время полк. Дубянский пишет уже менее истеричное донесение:

Боевое донесение № 13 штадив 35 гвардейской. Бал-

ка 700 м ю.в. лесоп. з-да приг. Минина. 15.9.42 г.
(без указания времени) (л.46)

Противник до двух бат-в пехоты при поддержке интензивного арт. миногня ведет наступление с Ельшанки, Южнее Купоросное., потеснив части 35 гсд и 131 сд к больнице, восточн. окр. Ельшанки, северн. окр. Купоросное. Группы автоматчиков просочились на южную часть лесозавода им. Куйбышева.

Остатки 35 гв. СД — силою 303 чел. при 200 активных штыках (винтовок 208, ППШ-80, РПД-13, ст. пулеметов -5, 5 пушек 45 мм, 8 ПТР, 2 — зенбатарей) со 131 СД в составе 108 чел. при активных штыках 50 чел. и 4 орудия с расчетом, с приданными 52 ОПАБ, 20 истребительной бригадой во взаимодействии с группой 4 танка 133 ТБр, 271 сп войск НКВД ведут упорные бои с противником, пытающимся проникнуть к Сталинграду.

Решил: 1. Уничтожить группы прорвавшихся автоматчиков и оборонять участок: больница, вост. окр. Ельшанки, северн. окр. Купоросное, обращая внимание на правый берег р. Волга и дорогу из Бекетовки.

Прошу: 1. оказать помощь живой силой, артиллерией, боеприпасами всех видов;

2. включить в участок обороны 10 МСБр дорогу Песчанка-Сталинград.

3. сменить КП, так как находится под постоянным и сильным воздействием арт.мин.огня и авиации. Дубянский, Лисичкин, Трусов.

В ответ на крики о помощи начштарма 62 Крылов послал:

Боевое распоряжение № 149 ШТАРМ 62

16.9.42 «16.30»:

Командарм 62 ПРИКАЗАЛ:

1. Подчинить командиру 35 гв. сд: 131 сд, 10 сбр и находящиеся в полосе его действий части /б-н 270 сп НКВД/.

*15 сентября 1942 года немцы у ж.д. вокзала Сталинград-II.
Вдали еще никем не занятый элеватор*

*2. Задача: оборонять полосу: справа ж.д. /ст. Са-
довая, Сталинград 2-й/, слева: р. Волга.*

*3. Прибывающее пополнение использовать по соб-
ственному усмотрению.*

В это время по пути в штаб 62 находилось еще
одно донесение, отображающее подход противника к
элеватору:

Боевое донесение № 15 штадив 35 гвардейской, сев.-
восточн. водокачки 500 м. **16.00 16.9.42 г.** (ф. 345,
оп. 5487, д. 10, л. 47)

*1. Противник ведет наступление на всем участке
фронта дивизии.*

*2. У элеватора обороняют: 10 мстрбр и 131 сд ве-
дут упорный бой.*

Элеватор приспособлен к обороне.

Группа 35 гв. сд в количестве 75 активных штыков и группа 271 сп войск НКВД едва удерживают оборону на линии консервный завод.

Прикрыть промежуток между элеватором и ж.д., а также правый фланг — нечем.

В 15.30 16.9.42 был налет батареи 6-тиствольных минометов прот на КП 35 гв. сд, в результате чего выведены из строя последние командиры штаба дивизии. Нач. штаба гв. майор Трусов, нач. разведки гв. капитан Подсоцкий получили тяжелые ранения; начарт гв. майор Забельман — легкое ранение в голову. Я получил легкое воздушное контузии (так в подлиннике. — В.Ш.)

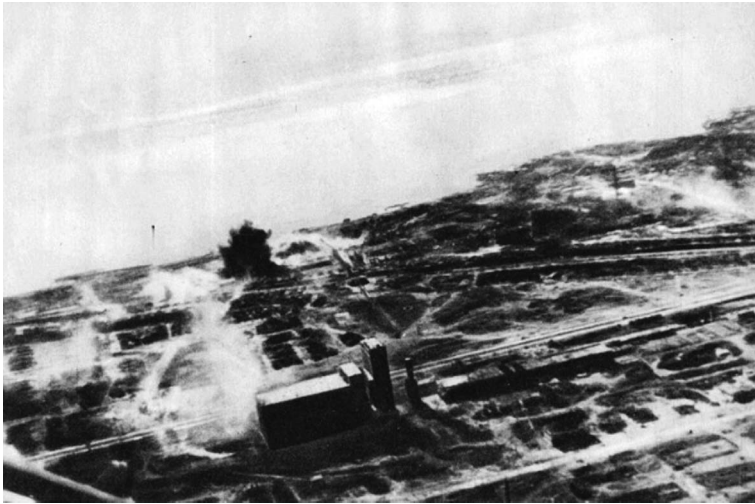
Пополнение не прибыло за исключением 70 человек, которые прибыли в 6.30 16.9.42.

3. Продолжаю удерживать наступление противника.

Данное донесение показывает, что 16 сентября в 16.00 элеватор и его окрестности были заняты 10-й СБр и 131-й СД, а 35-я гв. СД в это время защищала консервный завод.

Следующее **Боевое донесение № 16** 35-й гвардейской **от 17.9.42 г. на 14.20** говорит, что противник на участке дивизии, перейдя в решительное наступление, стремится овладеть элеватором, выйти и захватить переправы через Волгу, а дивизия не в состоянии удерживать занятую для обороны полосу, так как, несмотря на частичное пополнение, в течение 23 дней находится в непрерывных боях и требует немедленного усиления авиацией, артиллерией и танками.

18 сентября к 10.00 КП дивизии Дубянского переместился под мост ж.д. в одном километре восточнее консервного завода. В этой оперсводке № 31 Дубянский уже отчитывается за отражение атак противни-

Съемка элеватора с немецкого бомбардировщика. Справа труба в дыму консервного завода, на заднем фоне - водокачка на берегу Волги, где 19 сентября уже находился НП противника

ка на боевые порядки объединенной группы соединений и частей 35 гв. СД, 131 СД, 10 СБр: «10 СБр (активных винтовок 150) обороняла рубеж: элеватор и консервный завод в течение дня, начиная с 6.00 отразила 5 атак. Наши потери убитыми 8 человек, ранено 22 человека. Трофеи: 2 ручных пулемета, 1000 штук патронов, пленных 3 человека. Уничтожено офицеров и солдат 60 человек.

131 СД (65 активных винтовок) обороняла рубеж: консервный завод, элеватор, в течение дня отразила 3 атаки, имея 20 убитыми, пропавшими без вести и ранеными — 100 человек. Трофеи: 2 ручных пулемета, 1 автомат, уничтожено <...> офицеров и солдат 276 пп.

35 гв. СД (активных винтовок 200) обороняла рубеж: «консервный завод», правый берег р. Волга. В течение дня подверглась неоднократному артиллерийскому огню и бомбежке с воздуха.

Отразила 5 атак, имея потери: убитыми 35 чело-

век, пропавшими без вести 42 человека, раненых 48 человек. Трофеи: 3 ручных пулемета, 5 автоматов, 23 винтовки, патр. 3000, взято в плен 2 человека. Уничтожено офицеров и солдат около 200. <...>

133 ТБр в количестве 6 танков на участке «элеватор», консервный завод **17 сентября потеряла все 6 танков**. Судьба экипажей неизвестна. <...>

6. Остатки 271 сп ВНКВД в количестве 30 человек являются резервом ком. 35 гсд...»

Делается вывод, что противник на участке дивизии перешел в решительное наступление, стремится овладеть элеватором, выйти и захватить переправы на Волге. Объединенная группа соединений и частей 35 гв. СД, в дальнейшем не сможет удержать полосу обороны без немедленного усиления авиацией, артиллерией и танками.

В 7 часов утра 21 сентября Дубянский пишет историческое перед отправкой на левый берег **Боевое донесение № 36 из штолен на сев. берегу р. Царицы:** «Доношу, что боевое распоряжение № 005 ВПУ штарма б2 от 20.9.42 в срок не выполнено по следующим причинам:

1. Остатки 131 сд, занимавшие оборону в районе элеватора, к указанному сроку 6.00 21.9.42 г. в мое распоряжение не прибыли, а по имеющимся данным переправились на вост. берег р. Волга под командованием зам к-ра 131 сд подполк. т. Русина. (На самом деле части дивизии подп. Русинова совместно со 2-м батальоном 92-й морской бригады до вечера 22 сентября продолжали держать оборону. — В.Ш.)

2. Остатки 10 СБр — по докладу к-ра бригады майора т. Лотоцкого — частью находятся в боевых порядках 92 сбр, а частью разошлись по тылам. Матчасть также не сдали.

(На самом деле майор Лотоцкий, еще 20 сентября

уехавший на левый берег вместе с военкомом Хариным, в своем докладе сказал неправду. 160 человек пополнения, прибывшего к утру 18 сентября в 10-ю ОСБр и оставленного Лотоцким в качестве своего резерва, в выходящем к Волге овраге в этот момент при отсутствии командира продолжали вести бой с немецкими автоматчиками и, в итоге, через несколько дней были уничтожены противником. Здесь Лотоцкий, говоря об исчезнувшем на его глазах пополнении: *«частью разошлись по тылам»*, прямо-таки клеветает на новобранцев, которые не могли разойтись по тылам в принципе потому, что этих тылов, по сути, не существовало. Находящаяся за спиной полноводная река могла быть тылом только для людей типа Лотоцкого или Харина, которые имели доступ к лодкам. А для желторотых юнцов река была местом гибели, также как и кромка берега этой реки, по которой бродили люди из заградотрядов. — В.Ш.)

3. *Только остатки 35 гсд (4 бойца) под командованием к-ра и военкома 101 сп подполковника т. Герасимова и ст. бат. комиссара т. Назаренко — прорвались через цепь вражеских автоматчиков и прибыли в срок в указанное место сосредоточения. Причем к-р и военком полка были тяжело ранены и эвакуированы за р. Волга.*

4. *200 человек невооруженных красноармейцев, которые командование 131 сд получило 15-16.9.42 и о которых не ставило в известность, до сих пор не вооружены и не принято мер к доставке таковых на западный берег р. Волга, особенно в тяжелый для дивизии момент 17 сентября. (Уехавшие для этой цели на левый берег комдив 131-й Песочин и военком Нестеров ничего не сделали для вооружения и переправы на правый берег прибывшего пополнения. — В.Ш.)*

5. *Занять указанный участок обороны силами свя-*

Вид на квартал сталинградских домов к северо-востоку от элеватора. Трофейное фото, сделанное солдатом артполка 29 мд после взятия элеватора осенью 1942 г.

зистов, сапер, и вытребованных из тыла специалистов в общем составе 80 человек — не могу и с трудом обеспечиваю оборону, охрану КП и ведение разведки до линии частей 92 сбр.

6. Командование и штаб состоит из 5 человек.

То есть Дубянский сам спешил переправиться на левый берег и поэтому сделал вид, что поверил на слово майору Лотоцкому и не предпринял никаких усилий для поиска находящихся на правом берегу подразделений 10-й СБр. За него это 21 сентября пришлось делать заместителю начштаба 62 армии комбригу Елисееву Николаю Сергеевичу (1893-1976), который вместе с командармом Чуйковым не спешил покидать правый берег Волги. **В Боевом донесении № 08 от 21 сентября из Дворца Пионеров в штаб 62-й армии комбриг Елисеев написал:** *«Боевой состав 10-й бригады в количестве около 100 человек с вооружением*

под командой капитана Назарова и политрука Носорева (Назаров Яков Яковлевич и Носарев Александр Михайлович погибли при выходе с боем из элеватора в ночь на 22 сентября. — В.Ш.) остались в боевых порядках 92-й ОСБр в районе элеватора».

То есть комбриг Елисеев не поверил сбежавшему на левый берег майору Лотоцкому и сделал все, от него зависящее, чтобы остающиеся на гибель в элеваторе бойцы и командиры 10-й стрелковой бригады не чувствовали себя брошенными командованием.

А теперь дадим слово командиру 101-го гвардейского стрелкового полка 35-гв. СД Герасимову Александру Акимовичу. В декабре 1942 г. «по горячим следам» он написал академику И.И. Минцу историю выхода своего прижатого к Волге полка из окружения в районе консервного завода.

Стенограмма беседы академика И.И. Минца с подполковником Герасимовым Александром Акимовичем, командиром 101-го гвардейского полка 35-й гв. СД. 17.XII.1942 г.

<...> К вечеру 8-го числа <сентября 1942 г.> уже все части были отведены на окраину Сталинграда, где и был получен приказ командующего 62-й армией непосредственно перейти к обороне к самому гор<оду> Сталинграду. Тут нарушилась всякая связь, не было связи с подразделениями, нарушилось всякое взаимодействие с артиллерией. Здесь как раз погиб генерал-майор тов<арищ> Глазков, командир 35-й дивизии. Вначале он был ранен автоматчиком в ногу, затем, когда подали ему машину, положили на машину, с самолета его расстреляли. Это еще больше подействовало на руководство боем. Однако, несмотря на такое тяжелое положение, все же командованию

35-й дивизии удалось собрать и привести в порядок все свои части и перейти непосредственно к обороне города, главным образом южной его части, Купоросной. Был получен приказ командира 35-й дивизии занять район обороны южнее Купоросной, перерезать железную дорогу Сталинград-Бекетовка. 9 сентября были выведены остатки всех частей для обороны. Основные силы противника были направлены в разрез 62-й и 64-й армий, между населенным пунктом Бекетовка и Сталинградом. Он вышел с танками и живой силой в этот стык и начал наносить удар нашим частям, направляя его с юга на запад.

Наша дивизия с остатками личного состава, примерно немногим больше тысячи человек продолжала оборону Сталинграда с 9 по 21 сентября, ведя оборонительные бои непосредственно уже в населенном пункте Сталинград. Тут все время проходили сильные оборонительные бои. Остался один мой полк в дивизии. 8-го числа уже и 100-й и 102-й полки не существовали. Все остатки людей этого полка были собраны и объединены в мой 101-й гвардейский полк. Таким образом, в дивизии остался один объединенный 101-й гвардейский полк, которым командовал я, с 9 по 21 сентября ведя оборонительные бои непосредственно в Сталинграде.

Надо сказать, что на фронте в это время действовало в самом непосредственно Сталинграде до дивизии полнокровной немцев и частично были румыны. В Сталинграде младший лейтенант Панычкин уничтожил с отделением взвод румын, а самого офицера захватил в плен. Он сопротивлялся. Я ему приказал с одним отделением выдвинуться в район элеватора и расставить там один взвод для прикрытия моего фланга. Он два отделения оставил, с одним пошел в район элеватора. Идет взвод румын, впереди офицер. Он

Элеватор после обстрела 88-мм зенитными орудиями и 105 мм мортирами генерала В. Кемпфа. Сентябрь 1942 г.

скомандовал залповый огонь по ним. Красноармейцы открыли огонь, человек 10-12 побили, поранили, остатки побежали. Офицер спрятался за дом. Когда он подбежал к нему, тот не успел выхватить пистолет. Панычкин схватил его за руку, стал руку крутить. Тот начал кричать. Тот развернулся, ударил его по лицу. Офицер упал. Тут подбежали красноармейцы и схватили его. По ним мы установили, что здесь действуют румыны. Впереди были румыны, стреляли, а сзади шли немцы с пулеметами. Были такие случаи, когда румыны переходили в атаку. Они отдельными группами бросались в атаку, человек по 15-20. Бегут и кричат, пулемет их строчит, поддерживают огнем. Крик у них очень пискливый, причем свистит здорово. Подбегают к переднему краю. Наши бросаются, человек 10 или 15 против 30, они бегут, бросают все с себя, ремни расстегивают, фляжки бросают и бегут. Но в это время сильный ведут огонь, видимо, даже и по ним, немцы из пулеметов. Возвращали их. Они попадали в двойной переплет.

Мы с небольшим числом людей продолжали обо-

ронять Сталинград до 21-го числа. 21-го числа у меня всего осталось людей побольше сотни человек.

20-го вечером часа в 22 я получил письменное распоряжение командира 35-й дивизии, полковника товарища Дубянского, такого содержания: *«Командиру 101-го гвардейского стрелкового полка подполковнику Герасимову. Для смены в обороне к вам выходит два батальона 92-й стрелковой бригады. Произведите сдачу своего оборонительного участка, получите расписку и совместно продолжайте оборону своего оборонительного участка до особого распоряжения».* <>

Вечером 21-го я получил второе распоряжение письменное....

На этом месте прервем на некоторое время изложение рассказа подполковника Герасимова и зададимся вопросом о датах получения первого и второго письменного распоряжения.

Из оперсводок 92-й ОСБр за 18-19 сентября мы знаем, что моряки во второй половине дня 18 сентября подошли и заняли позиции позади остатков 35-й гв., 131-й СД и 10-й СБр. (См. карту на схеме 1). Отсюда по логике вещей получается, что первое письмо от Дубянского Герасимов получил не 20-го, а 19-го сентября, а второе — 20-го сентября. Сей факт подтверждает и составленное полковником Дубянским приведенное выше боевое донесение № 36 на 7 часов утра 21-го сентября: «Доношу, что боевое распоряжение № 005 ВПУ штарма 62 от 20.9.42 в срок не выполнено по следующим причинам: <...>

3. Только остатки 35 гсд (4 бойца) под командованием к-ра и военкома 101 сп подполковника т. Герасимова и ст. бат. комиссара т. Назаренко — прорвались через цепь вражеских автоматчиков и прибыли в срок

Вид сверху на Ельшанский овраг, элеватор, железную дорогу, остров Голодный и левый берег Волги

в указанное место сосредоточения. Причем командир и военком полка были тяжело ранены и эвакуированы за р. Волга.»

Однако продолжим рассказ.

...Причем к этому времени уже противник от действующих частей на правом фланге меня отрезал и вышел к Волге. Таким образом, от командного пункта дивизии я был противником отрезан. Противник вышел с минометной батареей, со станковыми и ручными пулеметами. Всего было человек до 150-200. Он располагал сильной обороной от Волги вверх, отрезав нас от командного пункта и действующих частей справа.

Получил распоряжение через связного, который проскочил уже через боевые порядки немцев, ползком, уцелел. Он был только из пополнения, я даже его фамилии не запомнил. Он принес распоряжение от полковника Дубянского. Причем Дубянский прислал мне вина, водочки немного и две банки консервов, чтобы я немного подкрепился, поскольку в полку было плохо с питанием. Питание привозили на маленьких лодках. Было приказано собрать подполковнику Герасимову оставшихся бойцов и командиров, выйти в район реки Царица на командный пункт дивизии. К этому времени командный пункт дивизии находился на р. Царица.

Это был самый интересный бой. Сейчас бы я его не повторил. Это был самый тяжелый, кризисный момент, думаю: не буду жив, люди придут, расскажут. <...>

Получив распоряжение от командира 35-й гв. дивизии, я послал связного позвать комиссара. Комиссар в это время находился в подразделении. Пришел комиссар. Собрались в блиндаже. Пришел ко мне заместитель командира 131-й дивизии, командир 20-й стрелковой бригады. Вместе поужинали, выпили, ко-

нечно. К этому времени привезли нам арбузов, сметаны, курочек, яичек, водки, яблок свежих на лодке, старший лейтенант Кулинич. (Т.е. полк А.А. Герасимова находился непосредственно на берегу Волги! - В.Ш.) Мы покушали хорошо, выпили, начали обсуждать вопрос, каким образом будем выходить. Нам нужно было пробиться на расстояние 400 метров через боевые порядки немцев...

*Командир 101 гв. сп 35 гв. СД гв.
подполковник Герасимов Александр
Акимович*

Поскольку приказ был передан мне, выходом и выводом этих четырех штабов руководить должен был я. Я и принял командование по выводу остатков людей и этих трех штабов... Мне в то время командиры предлагали делать выход отдельными группами по 10-15 человек. Мы были окружены, отрезаны от своих частей, противник вышел и на левый фланг по Волге, и на правый, и с фронта был. Через боевые порядки нам нужно было пробиваться.

Я не соглашался выводить штабы по группам. Можно было погубить остатки боевой силы. Решили выход делать только с боем, строя, главным образом, свой план на внезапности. Почему исходил из этого? У меня было меньше сил, чем у противника. У него было около 200 человек с минометами, пулеметами, а у меня со всем комсоставом человек 70. <...> Собрал всех оставшихся красноармейцев, комсостав,

рассказал им задачу, и ползком начали выползать к переднему краю обороны противника. На своем левом фланге поставил один станковый пулемет для того, чтобы прикрыть вдоль железной дороги, не дать противнику подбросить подкрепление к Волге.

У пулеметчика было три ленты. Он один был. Второго номера у него не было. Он расположился. Я стал выдвигаться с остатком людей и штабами. Немцы обнаружили нас, открыли сильный пулеметный и ружейный огонь, начали освещать ракетами, открыли сильный минометный огонь. Еле заметны люди. Я впереди стал отдавать распоряжение быстро приблизиться к боевым порядкам немцев. Подходим. Пришлось поднимать бойцов, толкать вперед, не идут некоторые. Я сам выбежал вперед вместе с комиссаром, зарядил две гранаты.

Что нас спасло? Сзади боевых порядков немцев горел один вагон, и нам они были видны, а нас было плохо видно, потому что немцы смотрели оттуда, со света. Я воспользовался этим и сразу поднял всех в атаку, выбежал с комиссаром вперед, схватил пистолет, крикнул: «В атаку, за родину, вперед!», бросил лозунг: «Товарищи, ни шагу назад, только вперед!» Там человек 15 немцев было в воронке большой, образовавшейся после бомбежки. Осталось метров 30. Я бросил одну гранату, потом вторую. Там получился вой, крик. Кричат: «Рус, рус!» Красноармейцы увидели, что я бросил туда гранату, начали бегать <так> Бросать ракеты перестали, минометный огонь прекратился, была только стрельба из автоматов, и пошли в ход ручные гранаты.

Когда я выбежал вперед, все красноармейцы и комсостав бросились за мной. Все сразу переменялось, и немцы, и наши, в рукопашной схватке. Уже началась штыковая схватка. Темно было: подбегает, ви-

дит — свои, бежит дальше. Если в куртке, значит, немец. Тут и гранаты в ход пошли. Они очень в нас сыпали гранатами ручными, но и мы крепко били. Тут мы побили их больше ста человек. Все перемешалось, не поймешь ничего. Кто кричит: «За родину!», кто кричит: «За Сталина!», кто матерится. Я все время кричал: «Вперед, от меня не отставать, ближе к Волге». У немцев визг пошел, раненные стонут. Наши говорят: «Я ранен, меня захватите». Немцы орут раненые. Какой-то кошмар был.

Когда я пошел в атаку, огонь из винтовок и автоматов прекратился со стороны немцев, начался бой только ручными гранатами и штыковая схватка, видимо, не заряжено оружие было, патроны израсходовали, а в атаке некогда перезаряжать. Тут и наши патроны были на исходе. Помню, у одного лейтенанта от ППШ оторвался ремень, он берет его за конец и по головам лупит. Немцы бросились бежать. Мы — за ними. Сзади меня пристроился один немец и бежит. Старший лейтенант Кулинич говорит:

— Товарищ командир, немец.

Я как из автомата дал, тот повалился. Немец бежал даже без винтовки. Здесь погиб младший лейтенант Паничкин.

Когда я бросил две гранаты, вижу, что начинается такая схватка, выхватил третью гранату из кармана, взял пистолет в левую руку, взвел гранату. Там была еще группа человек 5-8 немцев. Только развернулся, хотел бросить гранату, немец бросил ручную гранату, и она мне попала в грудь. До разрыва от нее какая-то искра появляется, детонатор горит. Она отскочила от груди, метрах в пяти стукнулась. Я только успел закрыть лицо руками. Нужно было лечь, но я немножко растерялся. В это время произошел взрыв, граната ударила меня в предплечье правой руки —

два осколка — и в левую ногу выше колена.

В это время комиссар крикнул: «Ура!», и в этот момент ему в рот влетела пуля, задела язык, сшибла зубы и вышла в подбородок. Вторая пуля попала в левую скулу. Он крикнул мне:

— Александр Акимович, я ранен.

Я говорю:

— Я тоже ранен. Ты можешь идти?

— Давай выходи, а я буду вытягивать людей.

Старший лейтенант Кулинич тоже крикнул, что ранен.

О красноармейце Гулюткине нужно рассказать. Когда у меня 8-го числа пропал без вести адъютант Шиханов, я к себе адъютантом взял автоматчика Гулюткина. Маленький, невзрачного вида, такой худенький мальчишка, 1921-го или 1922-го года рождения. Должен сказать, что все бои — три раза я до этого ходил в атаки — он все время следовал за мной, ни на одну минуту не оставлял, все время предостерегал, напоминал:

— Вы, товарищ подполковник, рискуете жизнью, вас могут убить, хуже будет, если потеряется руководство.

В одной из атак, когда мне подбросили на подкрепление в район лесозавода саперную роту товарища Назарова, я приказал атаковать противника. Командир роты не поднимает людей — сильный огонь из минометов, пулеметов и автоматов. Дело было к вечеру. Дома горят. У меня слетела фуражка — ветер был. Я стал бегать без фуражки и спрашиваю: «Почему не идете вперед?» Выхватил пистолет.

— Вперед, — кричу, — немедленно атаковать, — потому что противник на 150 метров подошел.

Не идут. Я выбежал впереди роты, остановился с пистолетом в руках:

— Товарищи, за мной, вперед, в атаку, ура!

Они посмотрели. У всех какая-то улыбка на лицах появилась. Все поднялись, и вся рота побежала за мной в атаку. Красноармеец Гулюткин говорит:

— Вы не выбегайте вперед потому, что пулеметный огонь.

Он все время бежал со стороны огня противника, защищал своим телом меня. Потом увлекся, видит, что я кричу: «Вперед!», тоже поднял ППШ, кричит: «Вперед!», потом опомнился, говорит:

— Дальше Вам идти нельзя, здесь опасно.

Я вижу, что дальше мне делать нечего, вышел на командный пункт.

Когда я выводил штабы, он, чтобы не потеряться, уцепился мне за рукав левой руки, одной рукой держит ППШ и закрывает меня своим телом. Он был ранен в обе руки. Одной гранатой ранило нас вместе. Когда я рассказываю про него, не могу его не вспомнить, это исключительно преданный человек.

Когда нас обоих ранило, он не говорит, что его ранило, а спрашивает:

— Вы, товарищ подполковник, живы?

— Жив, — говорю.

Когда меня ранило, я упал. Он думал, что меня убило. Говорю:

— Жив, а Вы?

— Мне, — говорит, — немного ранило руку.

С раненой рукой он все время бежит со мной, старается прикрыть меня. Я уже рассердился, говорю:

— Иди от меня, руководить мне мешаешь.

А он говорит:

— Нет, нужно Вам вперед идти.

Все начали пробиваться вперед, соединяться с матросами. Я раненый руководил боем минут 40 без перерыва. Выбежал, часть людей уже вышли, а часть ведет

бой. Я выбежал к матросам. Встретил меня командир станково-пулеметного взвода из 92-й бригады. Спрашивают, где люди. Собрали человек 18 людей, направил (так!) обратно с командиром взвода. Они вернулись назад, вступили в бой и под прикрытием этих людей вывели остальных и вытащили всех раненых.

Тут я почувствовал себя слабым, потому что минут 40 без перевязки прошло. Кричу, а глотка сохнет после ранения, пить хочется. Мне матрос принес в каске воды, она пахнет нефтью, так я почти полную каску выпил воды. Тут вызвали лекпома (лекарского помощника), меня перевязали. Наши соединились со своими. Мы стали отходить на командный пункт дивизии. Я уже идти не мог. Меня и комиссара тащили на руках. Пришел на командный пункт, доложил командиру дивизии о том, что штаб отошел. Докладывал через посыльного, потому что идти туда нужно было еще с полкилометра. Получил разрешение эвакуироваться...

А теперь представим на суд читателя информацию о действиях в элеваторе отделения ст. сержанта Павленко из 101-го гв. полка 35-й гв. дивизии.

**Письмо Андрею Осиповичу Хозяинову от
Павленко Александра Андреевича**

Крым, 30.03.70.

Дорогой и уважаемый Андрей Осипович, здравствуй-те!

Получил Ваше письмо. Читал его, и сердце стучало так же, как и в те дни. Каждая строка волновала меня и хотелось кричать от радости, что есть братья по оружию и испытаниям.

Сообщите адрес ст. лейтенанта Степанова, ведь я до армии учился там и, быть может, мы знаем друга друга по призыву и элеватору.

Обстрел сталинградского элеватора с южной стороны. Справа здание, где был расположен опорный пункт 29 немецкой моторизованной дивизии. Немецкая хроника

Итак, о себе.

В то время я, ст. сержант 101 гв. стр. полка, 35-й гв. стр. дивизии, прибыл на элеватор, а через 2-3 часа прибыли и Вы. Элеватор обороняли наши бойцы 100 полка. Комиссар этого полка Красносельский Владимир Алексеевич был ранен до нашего прихода и сейчас живет в г. Сочи. Я прибыл с группой (отделением) в 10 человек. Это были разведчики и бойцы охраны штаба полка. Сейчас помню одного из них — бойца Красильникова. Когда прибыла Ваша группа, он шутил и первый начал бросать немецкие гранаты, подхватывая их на лету. Это в то время, когда немцы гранатами прочищали себе дорогу со стороны насыпи и консервного завода.

Что было на элеваторе, Вам не стоит рассказывать. Но я со своими орлами в основном держал проемы и люки нижнего этажа, у главного входа, где ле-

жали кучи немецких трупов и горящего зерна в последний день.

Это десантники-парашютисты, которые были с голубыми петлицами и финками. Да и наши друзья по дивизии были похожи на нас. Правда, копоть всех сделала похожими, но нашивки на петлицах все же виднелись.

У маршала Советского Союза т. Чуйкова В.И. написано, что выход начали в ночь на 21 сентября, но, насколько я помню, мы выходили на четвертый день, т.е. 22 сентября. Когда мы вышли, то в этот день были тяжело ранены наши командир и комиссар полка, и нам с Красильниковым пришлось и здесь здорово поработать. Как сообщил мне комдив т. Дубянский Василий Павлович, то мои сроки подтверждаются всеми фактами, которые я знал в день выхода.

Как же мы вышли?

Я прикрывал с группой тыл нашего выхода, т.е. шли последними. Когда нарвались на минометные расчеты, то мы дальше встретили упорное сопротивление. Решили отходить снова к элеватору и там умереть, но, когда вернулись к насыпи, то по нашему первому следу пошло три немецких танка. Это и подсказало мне план выхода. Беру командование на себя, и перебежками, вдоль насыпи идем к мосту, затем под мостом и к (размыто, не удалось прочитать). У Волги нарвались на заслон. Бросаем три трофейных гранаты и, расстреливая последние патроны, бросаемся в рукопашную. Буквально по головам, орудуя прикладом и финками, вырываемся к Волге.

Всего нас вышло 9 человек (подчеркнуто).

Когда припали к Волге, то трое уже не могли встать — они были тяжело ранены. На плотиках отправляем их за течением, а сами сначала берегом, а затем по-над берегом, против течения, плывем к своим. Не доплыв

р. Царица, нас обстреляли и, когда выбрались к своим, то двоих не досчитались. Из наших остались мы с Красильниковым, а двое было из Ваших. Мы распрощались по-братски и пошли в свои части. Когда я доложил у себя, то мне не поверили, и ст. лейтенант наговорил столько глупостей, что мы после молчали. <...> Я написал свои воспоминания об обороне, и неплохо будет, если мы объединимся и скажем свое слово за наших братьев, павших в элеваторе. Этого требуют от меня командиры и наши товарищи. Комдив заставил меня послать свои воспоминания В.И.Чуйкову и в Волгоградский музей.

*Защитник Сталинграда
Павленко Александр Андреевич,
писарь 101 гв. сп 35 гв. СД*

Элеватор на совести нашей дивизии, и генерал-майор т. Дубянский сейчас работает над этим. Пишите все и до мелочей, кого Вы помните из своих товарищей. Больше фамилий, и мы восстановим имена наших друзей. Спасибо за родное и доброе письмо. Вы пишете, что мое письмо было опубликовано в Вашей газете. Пришлите эту газету. О всех новостях буду сообщать по ходу работы.

Обнимаю Вас по-братски, Ваш /подпись/.

Из данного письма А.А. Павленко проступают претензии 35-й гв. дивизии во главе с ее бывшим командиром В.П. Дубянским, на которого в своих пись-

мах А.О. Хозяинову ссылается Александр Андреевич, на ведущую роль 35-й гв. СД в занятии и защите элеватора. Правда, сам Василий Павлович Дубянский нигде не озвучил свои претензии, затаившиеся до выхода в свет (в 1982 году) книги Н.И. Афанасьева «От Волги до Шпрее», о которой еще будет идти речь в данном повествовании.

Так или иначе, но в начале 70-х о претензиях 35-й гвардейской стало известно от Павленко Александра Андреевича многим оставшимся в живых бойцам и командирам 92-й морской бригады во главе с бывшим начальником штаба соединения Н.Ф. Емельяненко...

Выдержки из письма Н.Ф. Емельяненко А.О. Хозяинову от 5 августа 1975 г.

Уважаемый Андрей Осипович! Привет из Днепропетровска! Письмо Ваше получил. Большое спасибо, что не забываете меня. <...>

...А вот на счет боевых действий в элеваторе мне стало теперь совсем непонятно. Уж очень много появилось участников, и показания они дают противоречивые. А особенно если сравнить с архивными документами. Некоторые говорят, что документы — это чепуха (бумага, бюрократизм). Главное, мол, живые свидетели. Но я думаю, что это не так. Ведь это тоже свидетели — допустим, оперсводку 35-й гв.сд от 10.00. 18.9. подписал нач. штаба и комиссар штаба дивизии. Почему мы не должны верить этим ответственным лицам. А они пишут, что 35-я гв. сд обороняла на 10.00. 18.9.42. рубеж от консервного завода до берега Волги. Что касается элеватора, то они сообщают в этом же официальном документе, что рубеж Элеватор, (иск) консервный завод обороняет 10-я стрелковая бригада.

То, что в районе элеватора и в самом элеваторе действовала 10-я сбр, а не 35-я гв.сд, подтверждает и **свидетельство командира этой бригады майора Лотоцкого и нач.штаба майора Софонова**, которые подписали так называемое **краткое описание боевых действий 10-й сбр**.

В разделе 4-м «Бои в районе элеватора» они пишут: *«После боев в районе Садовая бригада, понеся большие потери, отошла в район элеватора... К исходу 15.9.42. заградотряд бригады во взаимодействии с 11-м сп 10-й сбр контратаковал противника, занявшего элеватор, овладел им и устроил там опорный пункт».*

Дальше описывается, как **элеватор несколько раз переходил из рук в руки, пока окончательно там не утвердилась группа бойцов из 10-й сбр под командованием Полякова**. А Поляков описывает все отдельно. Так почему мы не должны верить командиру и нач. штаба 10-й бригады? Ведь это тоже свидетели. Возможно, они тоже живые, как и другие. А Поляков в своей объяснительной записке, озаглавленной **«Из опыта боев за элеватор 17-22.9.42.»** пишет, что когда он получил задачу овладеть элеватором, последний был полностью в руках противника (следовательно, наших там не было никого, не считая, возможно, укрывшихся в подвале отдельных раненых бойцов, прикинувшихся мертвыми). Далее Поляков описывает, как он, имея в своем подчинении 27 бойцов, создал три группы и с разных сторон атаковал и захватил элеватор. На 2-м этаже осталось несколько немцев, не успевших отойти из здания. Они были уничтожены. Это было утром 17-го. А под утро 19-го в элеватор явился Ваш пулеметный взвод. *(О котором Поляков, кстати, ничего не написал. — В.Ш.)*

Так откуда, спрашивается, в элеваторе могли появиться целые полки 35-й гв.сд, а тем более 42-й стр.

осбр (которая воевала 2 км северней, аж за р.Царицей) и тем более 154-я стрелк. морск. бригада (которая воевала в те дни в составе 64-й армии, от которой мы были отрезаны).

Ветераны 42-й стр. и 154-й стр. <бригад> сами не претендуют на участие в обороне элеватора, т.к. они воевали совсем в других местах. Так зачем же мы их будем притягивать «за волосы» против их воли в элеватор?

В общем, исходя из того, что я прочел в **боевых документах, подписанных людьми не менее авторитетными и честными, чем мы с Вами**, и из того, что я услышал от Вас, у меня сложилась такая картина боев за элеватор: наши войска 62-й армии, отсеченные от 62-й армии, до 14-15 сентября вели бои с превосходящими силами врага на подступах к южной и юго-западной окраинам Сталинграда. Западной Сталинграда километрах в 4-5-ти, на северном берегу р.Царицы (у опытной станции) действовала 42-я сбр (у которой только один 4-й осб был из моряков Беломорской военной флотилии). Слева от 42-й осбр на южном берегу р. Царицы держала оборону 244-я сд.

Еще левее вела оборонительные бои 10-я сбр. Ее левый фланг перехватывал железную дорогу, что идет от Воропоново на Сталинград, у станции Ельшанка.

Пригород Минина обороняла 131-я сд, и, наконец, на фронте от Ельшанки до Купоросное, что на правом берегу Волги, вела бои 35-я гв.сд.

14-го или 15-го сентября враг, располагая превосходящими в десятки раз силами, большим количеством танков и, имея полное господство в воздухе, нанес мощные удары по упоминавшимся выше соединениям левого крыла 62-й армии.

В итоге этих ударов 42-я осбр и 244-я сд попали в окружение, а 10-я сбр вынуждена была откатиться

ускоренным драпом до элеватора, который немецкие танки с десантом пехоты захватили раньше, чем туда отошли разрозненные группы 10-й сбр.

35-я гв.сд и 131-я сд тоже подверглись таким же мощным ударам авиацией и артиллерией, и тоже вынуждены были отходить (иначе им угрожало окружение, ведь 10-я сбр, правый сосед, отскочила к элеватору на высоких скоростях). Но 35-я отходила медленней 10-й сбр, и о ней штаб армии сведений не имел. Поэтому 10-й сбр было приказано оборонять чрезмерно большой для нее рубеж: от вокзала Сталинград-II, элеватор, консервный завод и до берега Волги южнее этого завода.

Ком-р 10-й сбр, собрав свои, отходившие в беспорядке остатки частей, привел их кое-как в порядок, своим заградотрядом прихватил часть бойцов, отходивших в беспорядке, не только из своей бригады, но и из других соединений. Затем он выбил из элеватора не успевших закрепиться немцев, а в район консервного завода выдвинул свою саперную роту.

Несколько позже к этому рубежу подошли 131-я и 35-я гв. сд. Командарм, чтобы не иметь дела со множеством небольших по количеству личного состава соединений, 16-го сентября подчинил в оперативном отношении командиру 35-й гв. сд 131-ю сд и 10-ю сбр (их остатки по 60-80 бойцов в каждой).

35-я гв.сд насчитывала к 18.9.42. 200 бойцов (активных штыков).

После этого весь рубеж обороны был распределен так: 131-я сд получила рубеж от вокзала Сталинград-II до элеватора исключительно, 10-я сбр от элеватора до консервного завода исключительно, и 35-я гв. сд от консервного завода до берега Волги (это далеко от элеватора — не менее километра).

Командиру 10-й сбр было приказано овладеть

элеватором, который все время переходил из рук в руки, и прочно его удерживать. Вот тогда и была создана **группа Полякова, которая в ночь с 16-го на 17-е сентября захватила элеватор**, имея в своем составе 27 бойцов и двух лейтенантов (их фамилии я, кажется, упоминал уже в прошлом письме к Вам).

Перед тем, как *группа Полякова* овладела элеватором, в нем были немцы, и только одни немцы (я, конечно, не исключаю, что кое-кто из наших раненых бойцов укрылся, при предыдущем отходе наших подразделений из элеватора. Они могли прикинуться убитыми и находиться где-либо в подвале).

Тяжело раненая Хмельницкая могла тоже остаться в траншее забытой (при отходе из элеватора перевязочного пункта). Ее немцы могли принять за убитую и не трогали.

Откуда же появилось так много капитанов? Вы, я думаю, согласитесь, что они пришли в элеватор не с группой Полякова. На 27 бойцов не было нужды посылать 8 капитанов. Очевидно, это были командиры, потерявшие свои части (в ходе беспорядочного отхода явление возможное).

Они, видимо, вышли на элеватор, когда им овладела группа Полякова. Один из них застрелился. Это тоже вполне объяснимо. Командир потерял свои подразделения, они отошли, оставив порученный рубеж. Что он скажет своим начальникам?

И человек решил, что лучше самому покончить с собой, чем ждать, пока это сделают по приговору военного трибунала (тем более, что тогда был издан приказ Сталина № 227, в котором говорилось «ни шагу назад», кто отходит без приказа, является предателем Родины, с ними надо и поступать, как с предателями). Очевидно, этот капитан рассудил, что согласно этому приказу он тоже теперь является предателем Родины.

Что касается участия двух полков 35-й дивизии в обороне здания элеватора, то это не подтверждается фактами.

Ведь все источники, в том числе и Вы, как участник, свидетельствуют, что гарнизон элеватора состоял не более чем из 50-ти бойцов. Кто же они? 27, а с офицерами 30 человек — из группы Полякова 10-й сбр, 18 краснофлотцев пришли в элеватор с Вами. Всего получается 48 человек. Да 8 приблудившихся капитанов. *(К сожалению, информацию о 8 капитанах автору так и не удалось отыскать. - В.Ш.)*

А где же 100-й и 101-й полки 35-й гв. сд? Ведь в этих двух полках было не меньше 120-130 бойцов (активных штыков). (пометка на поле: *а в первом письме ко мне Павленко пишет, что в элеваторе погибло 100 человек 101-го гв. сд, не считая раненых. А раненых бывает в 2 раза больше, т.е. 200 человек. А всего, значит, 300 чел.). Кроме того, кто же оборонял рубеж от консервного завода до берега Волги, который поручено было оборонять 35-й гв. сд? Не считаете ли Вы не естественным, чтобы командир дивизии 2/3 своих сил снимал с рубежа, за удержание которого он отвечает головой, и перебрасывал их на усиление соседа, который лично отвечает за оборону элеватора. И это в то время, когда оборона и без этого еле-еле держится, превосходящие в 10 раз силы врага нападают, и каждый человек на счету. Я что-то не верю в такую благотворительность.

Что касается свидетельств таких участников боев за элеватор, как Павленко, то им трудно поверить, т.к. они в своих рассказах о своем участии уж очень много путают, их заявления не соответствуют, а иногда противоречат и свидетельству боевых документов, подписанных их же начальниками по горячим следам (в сентябре 1942 года). Я о Павленко расскажу потом.

А сейчас хочу закончить картину боевых действий на южной и юго-западных окраинах города. Когда противник 14-го или 15-го сентября прорвался в стыке между 10 сбр и 244-й сд, он прорвался и на правом фланге 42-й осбр, вклинившись глубоко в нашу оборону, вплоть до вокзала Сталинград-I. В итоге 244-я сд и 42-я сбр непосредственно у западной окраины города, по обе стороны р. Царицы попали в окружение (244-я на ее южном берегу, 42-я осбр на северном). В ночь на 18-е сентября (в эту же ночь переправлялись 1-й и 2-й осб нашей бригады), 244 сд и 42 сбр прорвали кольцо окружения и вышли в район северней железнодорожного моста через р. Царица. Своими растрепанными и сильно обескровленным частями они начали занимать оборону вдоль жел. дороги от вокзала Сталинград-I до ж.д. моста через р.Царица. Намечалось 911-м сп 244-й сд занять оборону по жел. дороге и далее на юг (до вокзала Сталинград-II), но в 911-м сп набралось всего народу, вышедшего из окружения, не более нескольких десятков. Поэтому участок от р. Царицы до элеватора остался совершенно открытым для противника. Он сюда и устремился силами до двух с половиной дивизий (ночью и утром 18-го сентября). Сюда же вышли ночью и утром 18-го наши 1-й и 2-й батальоны с задачей выйти на рубеж жел. дороги между Царицей и элеватором и занять там прочную оборону. Кроме того, бригаде была поставлена задача овладеть элеватором и прочно его удерживать. **Получилось встречное столкновение 92-й с противником, уже выходящим в тыл 35-й гв., 131-й сд и 10-й сбр.**

Бригада, как известно, вышла на указанный рубеж, потеснив противника. Но понесла очень большие потери при этом. А в элеватор успели протолкнуть только Ваш пул. взвод. **За элеватор (вне его) вела бои (совместно с остатками 10-й сбр) 2-я рота**

2-го батальона 92-й (она тоже была впоследствии окружена и погибла, сражаясь до последней возможности, не отойдя ни на шаг).

Кроме того, в здание элеватора была послана несколько позже Вас одна рота пульбата, но она не дошла (не успела дойти до него), попала под мощный удар врага, тоже сражалась в окружении и тоже, очевидно, целиком погибла. Вот такая картина, таков был ход событий, о которых рассказывают документы, написанные людьми, заслуживающими доверия больше, чем Павленко и ему подобные. Кроме того, они писали по свежим следам, а не через 30 лет. Это тоже кое-что значит.

А Павленко путает, спешит навязаться в побратимы к Хозяинову. Я заявляю об этом не бездоказательно, не без оснований.

Дело в том, что в феврале-марте 1973 года Павленко вступил со мной в переписку (пару писем я от него получил). Главным их содержанием была попытка доказать, что чуть ли не вся 35-я гв. сд дралась в здании элеватора. Все соседи, с которыми воевала 35-я гв. сд, по его мнению никудышные соединения, трусы, способные только ударяться в панику, показывать зад противнику и оставлять все время 35-ю гв.сд на произвол судьбы. Только о 92-й осбр он не отзывался плохо (хоть и хорошего о ней ничего не сказал), потому, что писал мне — ветерану этой бригады.

После первого же письма я не стал верить всему тому, о чем он писал, так как обнаружил в его письме через каждые два слова на третьем искажение истины, явное (... неразборчиво...) вранье.

Вот, пожалуйста, я уже писал Вам, что Павленко утверждает, что они берегли моряков из взвода Хозяинова. Вы сами пишете, что это чепуха. В те дни

речь шла не столько о сбережении, сколько о выполнении задачи. Да и что могло побудить к сбережению? Возможно, Павленко просто угодить хотел мне, как человеку, принадлежащему к 92-й и этим завоевать мое расположение? Очевидно, так оно и было. Стремясь доказать, что он осведомлен о ходе событий лучше, чем кто-либо, он пишет мне: *«Разведчикам (в том числе и ему. — Н.Е.) было лучше известно, что делается на передовой и в наших штабах»*. Явное преувеличение. Что мог знать разведчик, тем более рядовой, о том, что делается в штабах? Да ничего. А что он знал о передовой? Тоже очень мало, т.к. он выходил на передовую один или два раза в месяц, когда было приказано захватить пленного. Но и тогда разведчики знали, что делается на передовой не на всем фронте дивизии, а на небольшом участке, где они проводили поиск.

Зачем-то он пишет, что: *«Теперь победы делят военнoначальники, бросаются к архивам, стирая в порошок живых участников событий, восхваляя себя и умаляя заслуги других»*. Кого он имел в виду под военнoначальниками, бросающимися к архивам и стирающими в порошок живых участников, я так и не узнал. Но пострадавшим участником Павленко, безусловно, считает себя. Очевидно, он обижен тем, что его даже свои ветераны не признают участником боев за элеватор.

Он заявляет, что я, якобы, не прав, когда утверждаю, что 35-я сд 20 сентября сдала свои рубежи 92-й осбр и переправилась на левый берег. Он утверждает, что его дивизия не переправилась, а отошла 20-го и заняла оборону по правому склону р. Царицы. Он заявляет, что командир и комиссар 101-го гв.сп 24-25-го сентября были ранены в рукопашной схватке у железнодорожного моста через р.Царицу. **Это он рассказывает мне, нач-ку штаба бригады, который орга-**

низовал и осуществлял прием рубежей от 35-й гв.сд, на глазах которого происходили все эти события, а он (по его же словам) в это время воевал в здании элеватора (20-го сентября) и понятия не имел, что и как делает 35-я гв.сд.

Между тем такой авторитетный человек, как зам. начальника политотдела 35 гв.сд, политрук Юдин, в политдонесении от 26 сентября сообщал, что остатки 35-й гв.сд благополучно переправились на левый берег Волги в две ночи (на 22-е и 23-е сентября) и сосредоточились километрах в 20-ти от Сталинграда в хут. Зональный.

Спрашивается, как 25-го могли быть ранены к-р и комиссар 101-го сп, если вся дивизия переправилась на левый берег Волги 23-го?

Но Павленко этого вранья мало. Он заявляет, что они вынесли 24-го или 25-го сентября раненых комра и комиссара полка и отправили их в тыл. А он лично и его соратники, они оборонялись, якобы в районе дома Голдобина. Какой молодец. Успел и в здании элеватора повоевать, и в доме Голдобина героизм проявить.

Но это еще не все. Дальше Павленко пишет: *«Дня через два-три участвую в бою на улице, где были (и сейчас остались) две гостиницы. Группой командовал капитан Кваша и, как сейчас помню, обгорелое дерево.*

Мы с боем отходили к переправе, и тут нас сменили воины 13-й гв.сд...»

Тут что ни слово, то охотничий рассказ. Если 25-го были ранены командир и комиссар полка, а через 2-3 дня Павленко еще воевал, и боевые действия продолжались, т.к. их сменили воины 13-го гв.сд, то это было по его рассказу 27-28 сентября (25+2 или 3).

Но ведь остатки нашей бригады оставили правый берег ночью 26-го, и утром 27-го там были немцы.

Кроме того, как могли появиться на р. Царице вои-

ны 13-й гв.сд, если мы были отрезаны от 13-й гв.сд противником еще 21-го сентября.

Павленко утверждает, что 10-я сбр не обороняла элеватор. Но куда денешь оперсводку, боевые донесения, подписанные самим Дубянским, его нач. штаба, куда денешь объяснительную записку Полякова из 10 сбр, куда денешь боевые донесения командира и комиссара 10-й сбр?

Он пишет, что на элеватор шли 94-я пд, 14-я тд, 29-я мотодивизия немцев и 514-я пд румын. Здесь Павленко показывает и свою бесшабашную фантазию, и свою военную безграмотность. Ну как это на элеватор шириною 100, от силы 200 метров могли идти 4 дивизии врага? Где они могли там поместиться? И кто наступал тогда на консервный завод и вдоль берега Волги, а так же против 92-й и 42-й осбр? По оценкам и Вашим, и Полякова, и командира 10-й сбр в атаку на элеватор не шло больше пехотного батальона, усиленного танками с арт. и авиацией. Разве этого мало? Но Павленко увлекается и врет прямо как на охоте. А 514 пд румын в самом городе Сталинграде вообще не было.

Далее Павленко заявляет, что 92-я сбр была придана 35-й гв.сд. Это уже наглое вранье. Врал бы кому-нибудь другому, но врать такое начальнику штаба 92-й осбр, который, конечно же, об этом знает больше, чем к-р взвода разведки Павленко, надо иметь или смелость, или рассчитывать, что у меня сильный склероз.

Я ему ответил на это, что шубу никогда не пришивал к пуговице, а наоборот.

Бригаду шеститысячного состава никак не могли подчинить дивизии, имевшей в своем составе 200 человек.

Тогда Павленко ответил, что бригаду в целом возможно не подчинять, а вот взвод Хозяинова был нам подчинен. Выкрутился.

Перекур артиллеристов. Осень 1942 года

В письме к Рукавцову Павленко пишет, что «Уже 9 сентября 100 гв.сп организовал в элеваторе НП, откуда ежедневно поступали точные сведения о перемещении войск. А к 9 сентября немцы заняли Вороново».

До Вороново 11 км от элеватора, и сомнительно, что с такого расстояния можно было увидеть перемещения войск противника, которые могли происходить еще дальше (т.к. на передовой перемещаться под огнем пр-ка никто не будет).

В письме Рукавцову Павленко пишет, что в его взводе с ним было 11 человек плюс 40-50 воинов, которые оборонялись в элеваторе с первых дней. Всего, значит, 50-60 человек. Да 11 погибших, да около 200 раненых — всего, получается, 350-360 человек. Но в те дни в 35-й гв. сд было не больше 200 человек. Вот как неумело врет человек.

Много по поводу вранья товарища Павленко можно говорить. И о том, что есть донесение Дубянского, в котором он доносит о ранении к-ра (*командир*

101-го полка Герасимов, согласно его рассказу И.И. Минцу, был ранен в ночь на 21 сентября при выходе из окружения. - В.Ш.) и комиссара 101-го полка еще 16-го сентября (а не 24-го-25-го, как утверждает Павленко), и о том, что нач.политотдела дивизии погиб не в бою за элеватор, как считает он же, а при отражении атаки на КП дивизии у берега Волги (возле водокачки), далеко от элеватора 17 сентября, когда Поляков со своей группой из 10 сбр, ворвавшись в элеватор, добивал немцев на 2-м этаже, и многое другое. Вот, например, можно привести боевое донесение 35-й гв.сд, подписанное Дубянским и Лисичкиным от 16.00 16.9.42. В нем командир и комиссар дивизии со всей (неразборчиво) им ответственностью сообщали, что: «У элеватора обороняются 10-я мотострелковая бригада и 131-я сд, ведут упорный бой». А Павленко, очевидно, считает, что Дубянский и Лисичкин в боевом донесении ввали, и считает, что 10-я сбр была правее 102-го гв.сп (оказывается, 102 гв. сп оборонялся правее элеватора, т.е. все три полка 35-й сд, вся дивизия была в районе элеватора, а кто оборонял рубеж дивизии, указанный в приказе (от консервного завода до берега Волги), неизвестно. Хотя во всех донесениях командования дивизии речь идет о том, что она воюет именно на этом рубеже.

Павленко в письме ко мне самоуверенно заявил: *«Именно 100-й полк оборонял элеватор, комиссар батальона этого полка и по сей день жив — это Красносельский В.А. Он лучше нас знает, что было с элеватором до 17 сентября, а с 17-го я был сам там вместе с Хозяиновым».*

Он как бы ссылается на авторитет Красносельского и на Вас.

Но ветеран 35-й гв. сд Василий Полиенко, который, если Вы помните, был в Волгограде на празд-

новании 30-летия разгрома немцев под Сталинградом в январе-феврале 1973-го года (он жил в том же общежитии, что и мы, и посещал все мероприятия вместе с нами), так этот Полиенко в апреле 1973 г. писал Рукавцову: *«Я получил письмо от бывшего комиссара 3-го сб 100-го гв.сн Красносельского В.А. Он был возмущен решениями, принятыми на собрании ветеранов 35-й гв.сд в Чертково. Ему выслали протокол, где было принято решение: «Утвердить список защитников элеватора» в том числе: Красносельского, Павленко и других. Он (Красносельский) спрашивает: «Кому это нужно? Павленко? Так он там даже не был, и пусть он не врет. Кто он такой? Он многое себе приписывает. Ветераны его не знали ни по Сталинграду, ни по другим боям».*

Вот как отозвался о Павленко тот, на авторитет которого он ссылался. И что это за смехотворное утверждение списка участников боя за элеватор? Видно, много у них претендентов.

Вот так обстоят дела с вопросом: кто участвовал в обороне здания элеватора.

Сперва я тоже считал, что 35-я гвардейская участвовала в ней. Но, вникнув в вопрос поглубже, я пришел сейчас к твердому убеждению, что с 17-го сентября элеватор оборонялся группой Полякова из 10-й сбр. Они располагали небольшими силами (несколько больше 20-ти человек, т.к. начинали атаку 27 человек, а ведь были и потери, вероятно, не менее 7 человек).

В ночь на 19 сентября (перед утром) в гарнизон элеватора влился Ваш взвод. Я считаю, что он был основой обороны, т.к. по количеству людей у Вас было почти равенство с группой Полякова, а по вооружению Ваш взвод был гораздо сильнее группы Полякова. Но дело не в этом, а в том, что никаких полков

35-й гв. сд в элеваторе не было. Им хватало работы на рубеже консервный завод — Волга, который приказано было оборонять этой дивизии.

Конечно, в составе гарнизона элеватора могли быть бойцы и командиры других соединений, в т.ч. и 35-й гв.сд (они могли быть задержаны заградотрядом 10-й сбр и направлены в группу Полякова, могли выходить из окружения и примкнуть к защитникам элеватора, могли остаться наблюдатели и мед. работники медпункта, располагавшихся до этого в элеваторе; после захвата немцами элеватора они могли укрываться в подвале или в близлежащих помещениях, а потом, когда появились наши, они вышли из укрытий). Но все это отдельные лица, а не подразделения, представляющие свои части и соединения. Если они и сражались за элеватор, то под флагом группы Полякова и взвода Хозяинова. Они не имели сколько-нибудь решающего значения. Возможно, и взвод Павленко был послан на помощь (в чем я сомневаюсь). Но это пока не доказано. Наоборот, многое из известного нам исключает такой факт, а большая лживость заявлений Павленко усиливает недоверие к нему и его утверждениям.

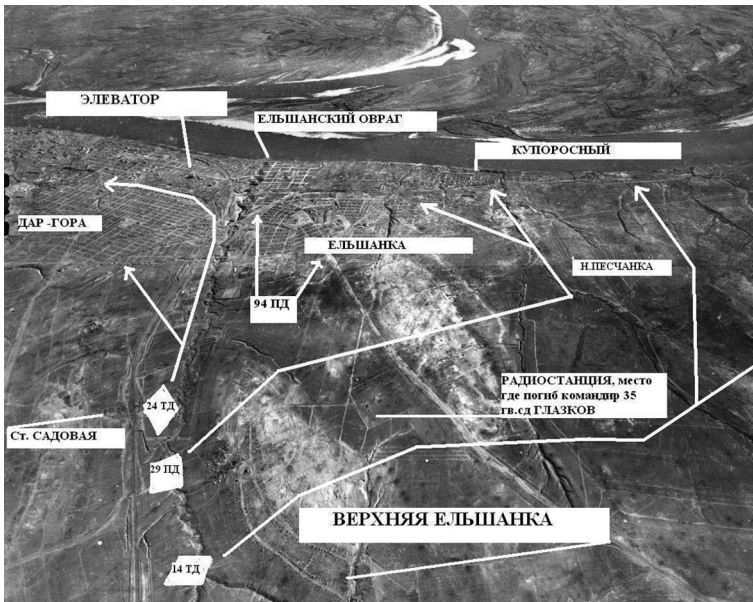
Андрей Осипович, Вы хоть помните этого Павленко? Можете Вы уверенно сказать, что видели его в элеваторе?

На этом закончу рассуждения об элеваторе и о Павленко...

В данном рассказе Николай Федорович Емельяненко, увлекаясь критикой Александра Андреевича Павленко, забывает, что тот честно выполнял свой долг солдата, находясь на правом берегу. А.А. Павленко не прятался за спины товарищей как начальник артиллерии 92-й ОСБр Петр Семенович Кереселидзе и др.

*Переправа артиллерии на десантных лодках А-3.
Осень 1942 года*

*Направление ударов немецких дивизий 4-ой та Гота с 8.9 по
14.9.42 в районе Верхняя Ельшанка- Купоросное*

Рассказ танкиста

Выдержки из книги Израила Зинделевича Посталовского «Мгновения войны. Сталинград и далее»

Июль—сентябрь 1942 года, Калач—Сталинград

В июле 1942 несколько наших танков были брошены в станицу Калач. Наши разведчики узнали, что через станицу на Сталинград хочет прорваться большая стая немецких танков. А чтобы легче это было сделать, враг решил сперва разбомбить Калач. Так и случилось. Но как только улетели немецкие бомбовозы, появились мы. У нас был строжайший приказ: замаскироваться и отбить врага. Над станицей еще стоял дым пожарищ, смешанный с тучами пыли, а мы уже маскировались. Сделать это было нетрудно. Развалили и обломков было полно. Быстро обложили мы машину досками, обломками стен. Даже если близко подойдешь, и то не догадаешься, что здесь затаилась грозная для немцев машина. Конечно, перед пушкой и пулеметами убрали все, чтобы легче было стрелять. Сидим в машине и ждем. Стоит такая тишина, хоть уши затыкай. Так часто бывает перед боем. И вдруг рядом, совсем рядом, снаружи раздалось плачущее «мяу». Мы удивились: разве в этом аду могло что-нибудь живое выжить? Просящее, тревожное «мяу» повторилось уже с другой стороны танка. Наш радист, Володя Смилга, заерзал внизу на своем сиденье: «Командир, может, возьмем? Животное ведь». — «Я тебе дам кошку! Тут что — зоопарк?» И снова «мяу». На этот раз не выдержал наш водитель, Саша Серебряков. Ему тогда было всего 23, а был уже седым. От границы отступал. За год войны успел дважды гореть, заикался после контузии и, наверное, поэтому не любил говорить. На этот раз он выдавил из себя: «Командир, разреши!»

— Ну, хорошо, Володя, айн — цвай — и отгони от машины эту плаксу.

Эти два немецких слова наш командир говорил лишь в случаях, когда хотел подчеркнуть важность выполнения задания. Кажется, это были единственные немецкие слова, которые он вообще знал. «Айн — цвай» действительно получилось. А вот отогнать усатую плаксу не удалось. В переднем люке появился Володя с черным красавцем котом. Мы обомлели и рассматривали его, как выходца с другой планеты. «Может, оставим, командир?» — «Погибнет он с нами. Что ему в железной коробке делать? Мышей нет...» Володя на прощание прижал к себе кота, а тот вдруг лапками обхватил шею своего спасителя. Мы обомлели. «Родной мой, Черныш!» Судьба кота была решена. Каждому из нас казалось, что с Чернышом (так за ним это имя и осталось) к нам пришла частичка нашего нежного далекого дома. А тогда нам это нужно было больше всего. Пару дней Черныш страшно мучился. Особенно в первый день, когда немцы ринулись на нас, и пришлось много стрелять, а Черныш совсем не выносил стрельбы.

Спрятать его от начальства нам не удалось. Через два дня вечером на своем КВ к пункту сбора подъехал сам комбат Иванов, человек суровый и грубый. Он за что-то отчитал командира соседней машины и затем подошел к нам. О Черныше он, оказывается, уже знал. Иванов нагнулся над тряпками около гусеницы, на которых спал Черныш, совершенно измотанный прошедшим днем непрерывного боя. Я увидел, как он нежно погладил кота. Мы стояли вокруг, ожидая страшного «Убрать!». А Иванов встал и, помолчав, тихо сказал: «Жаль, пропадет он у вас». Мы поняли, что Черныш для него тоже не просто случайно подобранное, бездомное животное. Для нас всех этот кот не был

уже пустяком. Но что же делать с ним? На следующий день Черныш сам неожиданно подсказал ответ. Конечно, он об этом даже и не подозревал. А случилось вот что.

Мы стояли в Сальской степи, километрах в трех от 74-го разъезда Сталинград—Котельниково. Все помогали Серебрякову: что-то не ладилось с двигателем. Володя сидел на своей башне с верным другом Чернышом. Вдруг тот, как будто чем-то испуганный, вырвался из рук своего благодетеля, нырнул к нам в башню и забился в свою гильзу, где он обычно прятался во время стрельбы. Володя сперва удивился поведению своего друга, но через полминуты из степи вынырнули три немецких «мессершмитта», расстреливая все живое вокруг. Стало ясно: Черныш как-то учуял появление самолетов до того, как они показались. Володя немедленно доложил нам об этом.

Через несколько дней соседние машины уже следили за нами. Красный флажок на башне означал: Черныш нырнул в убежище и надо ждать «гостей». Осечек не бывало. Была тревога и пехота вокруг нас. Все уже знали историю со странным котом. Черныш стал нашим постоянным вахтенным. Думаю, что многие солдаты обязаны ему своей жизнью. В короткие перерывы между атаками мы ломали себе голову над тайной поведения Черныша. Потом сошлись на одном: во время бомбежки в Калаче он (возможно, со своим хозяином) стал жертвой нападения «мессершмиттов». У этих немецких истребителей своеобразный свистящий звук двигателя. Кот слышал этот звук гораздо раньше людей. Видно, сильно досадил ему «мессершмитт» тогда, в Калаче. Звук самолетного двигателя стал для Черныша сигналом приближающейся смерти, ужаса. Вполне возможно, что так оно и было. Кошки ведь существа очень разумные, с тонкой психикой.

Шли дни с непрерывными боями. К Чернышу мы стали относиться не покровительственно, а как к своему боевому товарищу. Володя его вообще боготворил. Кот платил тем же. Когда Чернышу становилось особенно тоскливо, он прижимался к Володе. Мы завидовали обоим: такую любовь и преданность не часто встретишь. Конечно, было очень неприятно смотреть, как во время стрельбы из нашей пушки Черныш забивался в свою гильзу и дрожал там. Но мы его понимали. Ему просто не надо было скрывать своего страха перед смертью, как нам. В этом была вся разница. Но после боя кот успокаивался и ходил по машине, как по своему дому.

Весь июль и август мы воевали в одном экипаже с отважным Чернышом. Были подбиты и горели другие КВ из нашей бригады, а мы, как заколдованные, выходили невредимыми из ада танковых атак. Но все чувствовали, что долго так продолжаться не может и скоро настанет наш черед. Ведь войну не обманешь. Чувство предстоящей беды не покидало нас, особенно в страшные сентябрьские дни 1942 года. Володя попытался отправить Черныша в штаб с тыловиками, привозившими нам ночью воду, еду, снаряды и горючее для танков. Но было уже поздно. Город горел, а дорога к нам стала совсем опасной. Иногда снабженцы приползали к нам, таща за собой ящики со снарядами, мешки с едой. Многие не доходили. А потом... Потом случилось то, чего и следовало ожидать.

В ночь на 14 сентября немцы прорвались, и мы оказались в их тылу. Через сутки попытались отойти к переправе, но попали в засаду. Нас обстреливали. Снаряд угодил в переднюю часть КВ. Смилга, Серебряков и Черныш погибли сразу. Машина вспыхнула. Меня, раненого, и заряжающего вытащили из горящей машины

подоспевшие откуда-то пехотинцы и понесли с собой в сторону, где шел бой. Во главе группы стоял лейтенант. Группа остановилась в доме на перекрестке каких-то улиц и стала поспешно закрепляться. К утру дом был окружен немцами, которые пытались нас любой ценой уничтожить. Бой шел целый день. Из семнадцати человек к вечеру осталось семь. Боеприпасы закончились. Решено было прорываться к Волге. Под утро нам это удалось.

Много месяцев провалялся я в госпитале. Он находился на другом берегу, недалеко от города. Однажды в феврале, когда немцев наконец доби́ли в котле, отпросился я на сутки в Сталинград. Я уже встал на ноги и мог уже через месяц-полтора снова идти на фронт. Поэтому мне и разрешили съездить на могилу моих товарищей. Тем более что в город отправлялась госпитальная машина с врачами. Среди развалин в районе элеватора я с трудом нашел обгоревшую коробку нашего КВ. Постоял, погоревал. А потом рядом поставил заранее изготовленную в госпитале дощечку с надписью: «Люди, поклонитесь этому месту. Здесь погибли отличные парни: техник-лейтенант Александр Серебряков, сержант Володя Смилга и наш боевой друг Черныш». Пехотинец, который помогал мне устанавливать памятную дощечку, спросил: «А имя-то какое у Черныша? Не годится быть солдату без имени». Я отвернулся. У меня не было права на слезы. Ведь до конца войны было еще очень и очень далеко...

Немцы ворвались в город. Из нашей бригады, судя по рассказам проби́вшегося к нам разведчика, осталось машин 5-6. Разбросаны они по всему периметру прорыва немцев. На них опираются часто отдельные сопротивляющиеся группы пехоты. Ничего конкретного о судьбе наших товарищей разведчик не знает. Пробрался

он к нам с большим трудом. А как нашел в темноте — просто загадка. Он смеется: «У меня нюх на ваши КВ».

Впрочем, ему было лучше не смеяться. Он ранен в плечо, а напарник, с которым он полз к нам, был убит недалеко от места, где мы стоим. От разведчика узнаем много для нас полезного. С помощью осветительных ракет немцы пытаются сейчас создать впечатление, что их фронт — сплошной и что те из наших, которые остались у них в тылу и сопротивляются, все равно отрезаны безвозвратно. Но это не совсем так. Во всяком случае — на сегодняшнюю ночь фронт еще не сплошной. Устный приказ нашего комбрига Родина — действовать по обстановке. Главное — без приказа не отходить. Если нет снарядов, — просить, хоть немного, у наших артиллеристов. Одна батарея 76 мм орудий должна быть где-то рядом. Возможно, что в нашем районе имеются также подбитые «тридцатьчетверки». Забрать у них снаряды. Особенно рекомендуется беречь горючее. Понадобится для прорыва. К утру ждать сигнала атаки с целью деблокирования двух наших окруженных групп пехоты. Сигнал — серия зеленых ракет по линии фронта в направлении движения. Приказ был почти фантастическим и совсем не похож на то, что обычно приказывал наш комбриг. Как мы могли в темноте, наполненной немецкими частями, искать наших артиллеристов или подбитые «тридцатьчетверки»? Немецкие колонны непрерывно шли к передовой, а мы в своем могучем на вид «КВ» почти, безоружны. Ни одного снаряда, а на три наших пулемета — семь дисков. Но приказ есть приказ. Только никого и ничто мы уже не искали.

Это бесполезно. Мы ждали зеленых ракет. Не дождалось. Так мы еще на один день остались в нашем магазине. Да, в обычном магазине. Дело в том, что вчера вечером мы сменили свои позиции и задним ходом

вломилась в широкие окна какого-то здания. Нам повезло — оно было построено без подвального помещения и с нами не случилось то, что произошло с соседней машиной из первого батальона. Она провалилась в глубокий подвал, наполненный водой. Экипаж даже не успел открыть люки. Все утонули. Об этом мы узнали только вечером, когда помочь уже нельзя было. Впрочем, что значит «повезло — не повезло». Все это на войне относительно. Нам тоже не очень повезло — мы оказались в магазине, но только в обувном, а не в продуктовом, как нам нужно. Со всех сторон нас окружали полки с кирзовыми сапогами, летними сандалиями и обувным кремом. А мы, между прочим, уже второй день сидим голодными. Значит, судьба так захотела. Мы <должны> исправить ее промахи.

В обувном зале довольно уютно. Быстро замаскировали пролом, сделанный танком в стене, и тщательно замели гусеничные следы, которые могли бы навести на нас немцев. На втором этаже лейтенант приказал устроить что-то вроде наблюдательного пункта. Первым пошел туда Володя.

Его задача — обо всем важном, что происходит вокруг, немедленно докладывать. Все остальные члены экипажа должны спать. Но через 15 минут наш наблюдатель появился и разбудил нас всех. В его руках была корзина со всякой снедью, которую он нашел на втором этаже. Из корзины торчали также две бутылки водки. Лейтенант, прежде всего, вынул бутылки и выбросил их в люк. От принесенного вскоре почти ничего не осталось.

Одну буханку хлеба молча отложили как неприкосновенный запас, на всякий случай. Володя снова ушел наверх. Спали мы всего час-полтора.

Незадолго до утра мимо нас по улице прошла толпа беженцев. Некоторые были с тачками, набитыми по-

клажей. Много женщин с детьми на руках. Шли они молча, сосредоточенно, как на похоронах. Даже совсем маленькие дети на руках матерей молчали, будто боялись плачем выдать свое присутствие. Люди шли в сторону переправы. Минут через 15 мы услышали пулеметные очереди из того направления, куда ушли беженцы. Назад никто не возвратился. А мы сидим в своем «КВ» и молчим. Сон как рукой сняло.

Мы тоже боимся выдать себя. Но на это у нас приказ. Наш час еще придет. Как только какой-нибудь захудалый «фриц» нас обнаружит, мы помчимся, возможно, тоже навстречу своей смерти. Безропотно мы к ней не пойдём.

Все-таки у нас семь пулеметных дисков и широкие гусеницы, которыми не раз давили не только самих пришельцев, но и сталь их орудий.

Мимо промчалась колонна немецких бронетранспортеров, а за ними, как на параде, с открытыми люками шли средние танки. Их — штук 15. Где-то впереди идет бой. Судя по сигнальным ракетам — километра два от нас. Это уже ближе к Волге, чем было вчера. Санитарные машины идут с передовой наполненные своим грузом. Нет, нелегко достаётся фрицам Сталинград, очень нелегко. В сторону фронта мимо нас мчится новая колонна танков. Среди них замечаем также тяжёлые. Сегодня под вечер или завтра утром немцы, судя по всему, сделают попытку наконец прорваться к Волге. С передовой два трактора тащат несколько исковерканных бронетранспортеров. За ними — небольшая группа санитаров. Их — человек <>

Во главе два офицера. Они останавливаются напротив нас. Слышу — один из офицеров обращается ко второму: «Господин майор! Может, осмотрим этот трехэтажный особнячок? Тут мы сможем оборудовать перевязочный пункт». Майор молчит. Представ-

ляю себе, как он окидывает оценивающим взглядом наше здание, которое выделяется на фоне горящего где-то дома.

Если бы он знал, что в эти секунды решает не только нашу, но и свою судьбу! «Нет, дом выделяется среди других. Русские батареи с того берега его быстро засекут. Поищем дальше». Второй офицер, наверно не очень доволен отказом. Дурачок! Ему бы молиться на своего майора! После моего перевода диалога наш командир, наконец, решается: «Если к вечеру нас не обнаружат, то в 10 часов уходим. Ориентир — элеватор. Вечером наши Илы отбомбились в 500-600 метрах от него. Там — передовая». Мы молчим. Значит, скоро снова будем играть в лотерею войны, почти всегда проигрывающую, во всяком случае, здесь, в Сталинграде.

Часов в 9 вечера. Темь с отблесками ближнего пожара. Володя докладывает: «По улице идет одинокая фигура. Видимо — солдат или офицер». Наш лейтенант решает: «Надо захватить. Нам нужны дополнительные данные о передовой». На эту операцию направляется наш водитель. Кулак у него тяжелый. Когда человек проходит мимо нас, Серебряков бросается на него, глушит и тащит в обувной зал, где в дальнем углу, за машиной, мы уже ждем свою добычу. Горит свеча. На солдате униформа вермахта, но без всяких отличий. Человек приходит в себя, хотя, видимо, совсем не осознает, в чьи руки он попал. Мы ведь все в комбинезонах и танкошлемах. Допрашиваю я. Пленный почти кричит и не слушает моих вопросов.

Перевозжу: «Я — доброволец. Подносчик патронов. Я верен нашему фюреру. Не убивайте меня. Я свой». Странный, очень странный акцент. «Ты — немец?» - «О нет. Я русский. Я — из Рязани. Но я доброволец». Володя не выдерживает и кричит: «Так говори же по-

русски, сволочь». Мы ошарашены. Сам пленный тоже только сейчас начинает понимать — кто мы. Лейтенант уже по-русски уточняет с ним, где проходит линия фронта.

Выясняется еще, что недалеко отсюда, квартала три-четыре, обороняется одна группа наших солдат. Этой ночью с ними решено покончить.

Лейтенант вдруг теряет всякий интерес к пленному и мимоходом говорит водителю: «Пристрели эту мразь из Рязани». Через минуту в пистолете Серебрякова становится на один патрон меньше.

10 часов вечера. Мы снимаем доски и створки вырванных дверей, которыми прикрыта передняя часть «КВ» в проломе стены. По предложению Володи мы набрасываем для маскировки на дуло бесполезного уже орудия большой кусок ткани, найденной в магазине. В темноте наша машина похожа теперь на какое-то непонятное лязгающее гусеницами чудовище. Менее всего в нем можно угадать контуры «КВ». Пока немцы разберутся, что перед ними, мы, возможно, выиграем время и сделаем то, что должны сделать. Медленно, как будто нехотя, двигаемся с открытыми люками туда, куда указал «доброволец из Рязани», к дому, который еще сражается. По дороге не трогаем группу немцев, видимо связистов, идущих нам навстречу со стороны передовой. Они с удивлением смотрят на нашу зачехленную громадину с необычно широкими гусеницами. Подъезжаем к дому, где засела наша пехота. Часть его уже в огне. Немцы ведут интенсивный обстрел трассирующими пулями. Из второго и третьего этажей изредка раздаются ответные пулеметные очереди. По подвалу бьют ранцевые огнеметчики. Дом обстреливается со всех сторон. Сбрасываем маскировку и, стреляя из всех пулеметов, делаем круг вокруг осажденного дома, давя по пути все, что только по-

падает. Под гусеницами оказываются несколько машин с запасами горючего для огнеметов и мелкие группы немцев, ошалевших от неожиданного нападения из темноты. Многие в панике убегают. Стрельба прекращается. Осажденные сперва ничего не понимают, а потом выбираются из дома и бегут к нам. Лейтенант кричит: «Где раненные? Сколько их?» — «В подвале. Их много». Немцы, кажется, приходят в себя. Откуда-то из темноты по машине начинает бить пулемет. Пока пули несутся только над нами. Но скоро пристреляются. Надо спешить. Взрыв снаряда.

Еще минут пять, и мы отсюда уже не уйдем. Лейтенант кричит: «Кто может — на броню. Уходим!» Позади, за башней и на ней — человек 8-10. Это много, слишком много. Удержатся ли на броне? Мы вырываемся в темноту и проносимся по какой-то узкой улочке. Потом с грохотом пересекаем перекресток. Мы все сейчас, видимо, думаем об одном: «Раненых оставили. Могли бы мы поступить иначе?» А ведь у меня еще остался целый диск для ДТ. Немецкие ракеты то впереди, то сзади. Идет ожесточенный ночной бой, да еще в горящем городе Вспышка справа. Сидящих на броне сметает на землю. Вторая вспышка уже внутри машины. Автоматически фиксирую — попадание в передний правый борт. Теряю сознание от страшной режущей боли в правой ноге. Скоро прихожу в себя. Огонь рвется из передней части, а уйти от него наверх не могу. Что-то держит мою левую ногу. Ее уже гложет огонь. Кричу от боли. Какой-то солдат вырывает меня из западни и выталкивает через люк. Другой человек подхватывает меня и несет от машины. Рядом со мной ведут моего заряжающего. Он, видимо, контужен и шатается. «Где лейтенант? Неужели Володя и Серебряков погибли?» Эти вопросы в голове. Несущего меня солдата спрашиваю: «Куда идем?» —

«Сейчас узнаешь, дружище. Командир, подойди!» Мелодичный спокойный голос. Говорящего не вижу. «Хорошо, что ты пришел в себя, танкист. У нашего взвода боевое задание — оборонять дом на том углу. Сейчас мы спешим туда. Тебя и твоего друга мы вытащили из горящей машины. Оставлять вас там нельзя было — там уже немцы. Мы решили вас взять с собой, в наш дом. А завтра, если выживем, отправим за Волгу. Так что ни о чем больше не спрашивай. Мы наш дом будем оборонять до конца. И тебя с твоим другом заодно. Договорились?»

Через тридцать минут мы прибыли в какой-то полуразрушенный четырехэтажный дом. Он стоял на углу двух не очень широких улиц. Рядом горящее строение освещало все вокруг. Нас вытащили на второй этаж, в комнату, где размещалось ядро группы. Немедленно началось «благоустройство» новой позиции. Командовали всем лейтенант и его помощник — старшина. Их слушали беспрекословно. Выставлены были караулы. Окна, выходящие на улицу, забаррикадировали мебелью и всяким домашним хламом, могущим задержать пули. Два солдата были посланы в разведку в подвал. Они пришли минут через двадцать и доложили, что подвал в одном месте полузатоплен, но у одного окна подвала, выходящего на улицу, есть хорошее сухое место для единственного в группе противотанкового ружья. Солдаты также узнали, что в подвале соседнего дома, прячется небольшая группа женщин и детей. Они не успели уйти.

Настало утро. А потом началось... Лучшие не вспоминать, как прошел этот проклятый день. Его итоги мы подвели вечером, оглохшие и вконец измученные непрерывной стрельбой и взрывами. Выбить нас из дома немцам не удалось. Собственно говоря, и дома-то уже не было. От него остался один наш подвал, с огром-

ной кучей битых кирпичей над ним. Но подвал остался нашим. Перед домом стоял чадящий немецкий танк, подбитый нашим ПТР еще днем. Из 17 человек, пришедших ночью в этот дом, осталось только 7.

Остались лейтенант, раненый в левую руку, старшина, эвенк и еще несколько солдат, не считая, конечно, нас — остатков экипажа «КВ». А эвенк оказался просто замечательным парнем. Из обычной линейной винтовки он выбивал немцев даже на расстоянии полкилометра. Когда немцы попытались применить пехоту с ранцевыми огнеметами, он просто расстрелял их до того, как они успели сделать первый выстрел. Помогал он и мне, когда немцы стали нажимать в секторе моего окна, где я лежал с автоматом. Всего враг потерял около дома за один день солдат 28-30. Но патронов уже почти не осталось. Было решено ночью пробиться к своим. Самой большой проблемой оказался я, со своей ногой. Пришлось тащить. Под утро мы все-таки пробились к нашим. Нас дошло 5 человек. В самом конце, когда уже виднелась Волга, погиб эвенк. Автоматная очередь прошила его грудь.

Стрелявшего немца тут же прикончили. Но нам стало совсем скверно без нашего эвенка.

Повсеместно вспыхивают султаны взрывов от наших батарей, которые хорошо пристрелялись к немецким позициям и не дают им покоя. Не будет им покоя, не будет у них Победы...

Командир танка КВ-1 Владимир Смилга согласно ОБД погиб 16 сентября 1942 г.

15 сентября немецкие войска подошли к никем не занятому элеватору. Однако данные о захвате элеватора в этот день не были отражены в немецких донесениях и картах

Немецкие пехотинцы 295 пд на южных склонах Мамаева кургана. Сентябрь 1942 г.

О 131-й стрелковой дивизии

(ф. 131 сд, оп. 1, д.3, лл. 2-5 об.)

В составе 1-й резервной армии (зам. командующего генерал-лейтенант В.И. Чуйков) 131 дивизия 12 июля из Тульской области выбывает под Сталинград, где с 19 по 24 июля 1942 года (в составе 64-й армии) находясь в резерве Сталинградского фронта вблизи г. Калач, приступает к оборонительным работам на рубеже: Калач — Аверинский.

С 7 августа 131-я СД переходит в состав 62-й армии Юго-Восточного фронта, где ведет упорные оборонительные бои на правом и левом берегах Дона на подступах к Сталинграду и в итоге 8 сентября оказывается вблизи юго-западной окраины города южнее станции Воропоново в районе Песчанки и Стародубовки. Правым соседом является 35 гв. СД, защищающая ст. Воропоново. После отхода 35 гв. сд полоса правее 131 сд никем не прикрывалась, противник имел возможность беспрепятственного выхода к Волге в районе пристани Купоросное.

Для прикрытия от проникновения противника в южном направлении дивизия имела незначительный заслон в количестве 50-60 активных штыков на полтора-два километра, поддержанных артиллерией дивизии /10 орудий/. Артиллерия своим огнем воспрепятствовала продвижению противника в восточном и южном направлениях.

В конце дня 9.9.42 г. противник танками и мотопехотой прорвал линию фронта на стыке с соседом слева 204-й сд.

743 сп и правофланговый полк 204 сд в результате сложившейся обстановки были окружены в р-не южнее Стародубовка. Из окружения вышли лишь отдельные группы бойцов и командиров.

482 и 593 сп в течение 9.9.42 г. и в ночь на 10.9.42 г., находясь в полуокружении, вели упорные оборонительные бои с наступающим противником, поддержанным танками и авиацией.

К 10.00 10.9.42 г. 432 и 593 сп с боем вышли из полуокружения и сосредоточились в районе свх. Горная Поляна, Бекетовка.

Противник после прорыва обороны 35-й гв. СД и после отхода частей 131-й СД из района Песчанка, Стародубовка к исходу 9.9.42 г. овладел Купоросное и вышел на берег Волги, разрезав фронт между 62 и 64 армиями. 131 сд оказалась отрезанной от состава 62 армии.

432 сп дивизии, пополненный за счет спецподразделений и артполка до 350 активных бойцов и штыков, после тщательной разведки в ночь на 11.9.42 г. атаковал прорвавшегося в район Купоросное противника. В результате ожесточенного боя с 3-м батальоном 71-го пп 29-й мд противника Купоросное было занято.

К исходу 11.9.42 г. 432 полк перешел к обороне по линии ж.д. зап. Купоросное, установил стык 62-й и 64-й армий и вошел в тесную связь с частями 62-й армии — 100-м сп 35-й гв. сд и 126-й сд.

В ночь на 13.9.42 г. 131 сд сдала обороняемый рубеж у Купоросное частям 35 гв. СД и к 6.00 13.9.42 г. заняла оборону: зап. окраина Ельшанки, Ниж. Ельшанка с задачей: не допустить противника в Сталинград.

Бои 131-й СД на южной окраине Сталинграда

С 13 по 15.9.42 г. 131 сд продолжала упорно оборонять рубеж в районе Ельшанки.

Противник танками и пехотой неоднократно переходил в атаки на передний край дивизии и, не-

смотря на превосходство в живой силе и технике, не имел успеха.

С утра 15.9.42 г. противник возобновил атаки, бросая в бой танки и автоматчиков... Сражение постепенно перешло в ожесточенные уличные схватки. Особенно ожесточенные бои 593-го сп дивизии совместно с частями 10-й СБр и 244-й СД развернулись восточнее ст. Садовая в районе кожзавода. В итоге противник занял ст. Сталинград II и вдоль ж.д. вышел к мосту через р. Царица. В районе кожзавода попали в окружение остатки 593 сп /40-50 чел./ вместе с командиром и штабом полка, на Дар-горе оказались в окружении части 244-й СД.

В этот же день штабу 131-й СД пришлось непосредственно отбивать атаки на КП дивизии вблизи лесопильного завода.

16.9.42 г. остатки 131-й дивизии — 482 сп и 409 ап в составе 60-70 активных штыков отошли в район элеват ора, где продолжали вести упорные уличные бои, сдерживая натиск противника, не допуская его продвижения в глубь Сталинграда.

22.9.42 г. 131 сд сдала занимаемый рубеж обороны 92-й морской бригаде и вышла в резерв фронта. Последние самые напряженные бои 131 сд вела под командованием замкомдива 131 подполковника Русина Леонида Константиновича, который по приказу замначальника штаба 62-й армии комбрига Елисеева в ночь на 23.9.42 г. эвакуировал раненых с правого берега и переправил остатки дивизии на левый берег.

24 сентября 1942 г. по представлению начальника ОО НКВД 131 СД лейтенанта госбезопасности Ханиса Наума Львовича Л.К. Русинов был осужден ВТ 62 армии на 10 лет ИТР и согласно его УПК ЦАМО РФ вышел из заключения ровно через 10 лет — 25 сентября 1952 года.

Из воспоминаний Русинова Леонида Константиновича

(Фонд музея-панорамы «Сталинградская битва».

Волгоград. Инв. № 2799 н/вдо п.561)

Русинов Леонид Константинович, род. 1 декабря 1898 г в г. Путивль, Курская обл. Сын офицера из крестьян. В 1916 г. после окончания Полтавского реального училища пошел добровольцем на фронт, откуда был направлен на учебу в Михайловское артиллерийское училище, которое окончил 15 февраля 1917 и в чине прапорщика поступил в действующую армию... В Сталинградской битве беспартийный подполковник Русинов участвовал с 25 июля по 24 сентября 1942 г. в должности заместителя командира 131 стрелковой дивизии.

...Дивизия формировалась в Кирове (Вятка) и при- была на западный берег излучины Дона, где 62-я армия приняла первый удар немцев. Я в этих боях не участвовал, а прибыл в дивизию в момент отступления дивизии к Калачу и переправе ее через Дон. Я прошел весь боевой путь этой дивизии от Дона до Волги. За это время полнокровная дивизия неоднократно пополнялась, но к 22 сентября в ней оставалось всего несколько сотен бойцов. По приказу 22.09.1942 г. командования, части дивизии, оборонявшие южную окраину Сталинграда, сменила прибывшая в Сталинград морская бригада, а 131 сд была выведена на левый берег Волги для переформирования.

Дивизией командовал полковник Песочин, убитый в конце Отечественной войны. Комиссар дивизии старший батальонный комиссар Нестеров также не дожил до победы. Начальником особого отдела был Ханис Наум Львович 1915 г.р., он сейчас подполковник запаса, живет и работает в Днепропетровске. Т.к. воспоминания писались в 1958 году, память не сохранила фамилии многих сослуживцев, а архив СА в

присылке документов мне отказал. И так, писал лишь то, что помню. Никого из 131 сд я затем не встречал, и хотел бы встретить лишь тех, кто до последнего времени защищал Сталинградскую землю, а не прятался под тем или иным предлогом в обозе за Волгой. Пусть судьей им будет история и их совесть.

Главная военная прокуратура в 1959 году проверяла работу Ханиса и не нашла достаточных оснований для привлечения его к уголовной ответственности...

В июле сорок второго выйдя из Сталинградского госпиталя, я отправился за Волгу в отдел кадров фронта, где получил назначение заместителем командира 131-й сд полковника Песочина. В дивизию приехал во время ее переправы через Дон у Калача — наши войска отступали, старались не попасть в окружение.

Противник старался вклиниться между нашими частями. Немецкий воздушный флот непрерывно бомбил нас, пытаясь прижать к земле. При отступлении к Сталинграду штаб нашей дивизии с его начальником и комиссаром попали в окружение, но на вторую ночь штаб самостоятельно вышли на участок соседей. На подступах к Сталинграду под поселком Ельшанка командный пункт со штабом дивизии расположился в балке. Дивизия таяла, несмотря на пополнения, у нас уже не было непрерывного фронта. Один из наших полков расположился впереди вправо, а два других — впереди влево. Перед штабом был наступающий противник. Немцы подтягивали силы, обстреливали нас минометным, артиллерийским огнем и бомбили с воздуха. Особенно нагло вел себя двухфюзеляжный самолет-разведчик, прозванный «рамой».

Перед наступлением темноты немцы возобновили атаки, прорвались к Волге на стыке нашего право-

флангового полка с полком НКВД. С наступлением темноты я отдал приказ штабу отходить за наш левый фланг, что граничил с 64-й армией — в общем направлении на Бекетовку. На рассвете в лесу мы встретили отходящие остатки нашего левофлангового полка. Основная его часть с командиром и штабом была окружена и попала в плен. Теперь в дивизии оставалось два стрелковых полка, один из которых отошел на южную окраину Сталинграда в свою 62-ю армию, а другой — с командованием, штабом дивизии попал в 64-ю армию.

*Замкомандира 131-й сд
подполковник Русинов Леонид
Константинович в ночь на 23.9.42
вывел остатки дивизии на левый
берег, эвакуировал всех раненых.
24.9.42 г. ОО НКВД 131-й сд был
осужден на 10 лет ИТЛ*

Больной командир дивизии созвал совещание, на котором согласился с моим предложением: всеми силами пробиваться в свою 62-ю армию. Я принял командование дивизией. Полк перешел в наступление во фланг прорвавшемуся противнику, оттеснил его от берега Волги, выбил из поселка Купоросное и занял позиции на южной окраине Сталинграда. Вслед за полком туда же перешел штаб дивизии. 131 сд опять заняла свое место на левом фланге 62-й армии, но уже без одного полка. *Песочин вновь вступил в командование.*

Трудно вспомнить весь ход боев. От полнокровной, неоднократно пополняемой дивизии на передовых позициях оставалось едва 2000 человек. «Линия

фронта» была занята отдельными опорными пунктами. Штаб дивизии расположился в блиндаже неподалеку от берега Волги. Враг обстреливал и бомбил с раннего утра до позднего вечера. С наступлением темноты авиабомбежка прекращалась, но обстрел продолжался. Однако наше сопротивление нарастало с каждым днем. Противник шел уже с опаской: побомбит, постреляет, попытается продвинуться. Встретив сопротивление, остановится, опять бомбит и обстреливает. И так изо дня в день — круглые сутки. Немцы сбрасывали такое количество авиабомб, что их стало не хватать. Тогда начали сбрасывать с самолетов рельсы, бочки из-под бензина с проделанными в них отверстиями. Такая бочка летела со страшным ревом. Их бомбардировщики перед бомбежкой выстраивались в круг, производя бомбометание с пикирования. Перед пикированием включалась сирена, и самолет с воем шел в пике, затем следовал бомбовый удар. Если это в 1940-м году сломило слабонервных французов, то никакой вой в 1942-м на нас уже не действовал. С рассветом появлялись над нашим расположением эти «свистуны» или «музыканты», и так каждый день до позднего вечера. Единственно, чего мы боялись — это наших зажигательных снарядов, так называемых «катюш». Они стреляли с левого берега, и кое-когда по ошибке попадало и нам...

Через несколько дней я был послан в штаб 62-й армии, который помещался на северо-западной окраине города. Пришлось проехать на автомобиле через весь город. Вдоль улиц стояли обгоревшие стены домов, лишь кое-где уцелели отдельные небольшие постройки. Город был пуст. Переправа была забита! На ней было много женщин с детьми и домашним скарбом. Окраины города сохранились лучше. *Кое-где среди обгоревших домов торчали очаги (печи), вок-*

Жительница Сталинграда топит печь в своем разрушенном доме на окраине города. Трофейное немецкое фото

руг которых копошились их хозяева. Люди на окраинах жили в примитивных «убежищах», которые никак не могли спасти от прямого попадания самой маленькой бомбы или снаряда.

Когда наша дивизия с юга подошла к окраинам города, то большинство домов там было еще цело, хотя весь центр города был уже выгоревшим.

Во время движения дивизии от Дона к Волге дивизия потеряла 80% первоначального состава, мне пришлось несколько раз быть на командном пункте 62-й армии. За этот небольшой промежуток времени сменились несколько командармов. Первым из них

был генерал-майор Колпакчи, тогда еще молодой, веселый, стройный. Его я встретил на переправе через Дон, когда мы с членом Военсовета Гуровым инспектировали оборонные мероприятия — это было еще до боев. Колпакчи делился со мной своими оперативными планами «предмостной обороны». Моста не было, вместо него ходил паром.

Армии пришлось, понеся большие потери, отойти за Дон. Колпакчи сменил генерал-майор (Лопатин - В.Ш.), фамилии которого я не помню. Когда я был у него в штабе, то он был какой-то растерянный. В.И. Чуйков в своих мемуарах не называет фамилию своего предшественника, но отмечает: «этот генерал хотел отвести армию за Волгу, за что и был отстранен от командования». *Генерал-майор Крылов, начальник штаба армии, на моих глазах вступил во временное командование армией, лично от него я получил приказ на контрнаступление.* После выхода 131-й сд в резерв для формирования, я был с докладом у вновь назначенного командующего 62-й армией генерал-лейтенанта В.И.Чуйкова. Его КП помещался в обрыве оврага недалеко от западного берега Волги на севере Сталинграда.

Немцы вышли к Волге к северу и югу от города, нарушив «плечевую связь» 62-й армии с ее соседями. 131-я стрелковая дивизия составляла левый фланг армии. В развалины города на южную его окраину начали просачиваться автоматчики противника.

Огромные потери нашей дивизии не могли возместить пополнения, которые с таким трудом получал начальник 4-го отделения штаба дивизии, энергичный майор. *Получилась очень большая диспропорция между некомплектом в полках на передовой и полным комплектом в тылах дивизии за Волгой. В этих условиях командир дивизии решил произвести*

«чистку тылов» за Волгой, поручив ее мне. Нажим со стороны немцев все возрастал. Комдив, полковник Песочин, был нездоров, мне часто приходилось его замещать. В этих условиях я не считал возможным ехать за Волгу и чистку тылов поручил заместителю по тылу.

Противник продвигался шаг за шагом, сжимая полукольцо и стремясь сбросить нас в Волгу. Его автоматчики, пользуясь отсутствием у нас сплошной линии фронта, заняли ряд обгорелых зданий и развалин в нашем расположении. Мне часто тогда думалось: будь мы на месте немцев — давно сбросили бы врага в Волгу! А немец осторожен: засыпает нас минами, непрерывно бомбит, обстреливает, забрасывает листовками.

Все думает, как бы потерять меньше, все выгадывает — хитрит! Много лет спустя, читая «Поход на Сталинград» немецкого генерала Дерра, я понял, почему «хитрил» немец — у него не было резервов для наращивания ударов, он охватил необъятное. Я знал, что немцы воюют «цепочкой»: без достаточных резервов. Но чтобы это носило характер такой авантюры я все же не мог себе представить.

В середине сентября (18 — зачеркнуто) мне с подполковником, помощником комдива по артиллерии, и дивинженером майором Никитиным, пришлось проверять организацию обороны полков. После окончания этой работы я отправил артиллериста и инженера в штаб дивизии для доклада комдиву, а сам решил еще раз побывать на участке правофлангового полка, которым командовал майор Егоров — у него я был ночью — так как на его участке с рассветом немцы начали наступление — разгорался бой.

В этом бою Егоров был ранен, и мне пришлось принять командование полком. До полка Егоров был на-

чальником разведотделения штаба дивизии, он был хорошим штабным офицером, как командир полка он также был на своем месте. Полк, несмотря на многократное превосходство противника, держался стойко, хотя нес большие потери.

Полоса нашей дивизии в глубину теперь измерялась сотнями метров, а в тылу у нас была глубокая и широкая Волга.

Мне запомнился такой эпизод: огонь немцев был так силен, что нельзя было приподнять голову, а в это же время солдат во весь рост несет на своих плечах раненого. Мы долго наблюдали эту картину, пока они оба не скрылись в прибрежных постройках. Особенно сильным был нажим на наш правый фланг и на нашего правого соседа — противник рвался к центру города. По телефону я доложил обстановку в штаб дивизии и сообщил о ранении Егорова. К часу дня на мой командный пункт явился капитан Стариков — начальник штаба артиллерии дивизии. Он имел предписание вступить в командование полком вместо Егорова.

Сдав командование Старикову, я перешел на командный пункт нашего артиллерийского полка. Полком командовал подполковник Большаков, там же был и комиссар полка. Наблюдательный пункт был тут же, на втором этаже уцелевшего здания школы. С него отлично было видно наступление немецкой танковой части. Действие нашей артиллерии подавлялось непрерывной бомбежкой.

Бессонная ночь давала себя знать. Позавтракав у артиллеристов, я под весь этот грохот проспал два часа. Меня разбудил командир полка, доложив: *«несены огромные потери, наша пехота отходит. Коман-*

Гражданское население Сталинграда в самодельных укрытиях в районе Ельшанки. Осень 1942 года

дир дивизии Песочин перенес свой командный пункт к самой Волге. Со штабом дивизии связь пока есть, мы — штаб артполка, также будем сниматься». Я взял телефонную трубку. Песочина в штабе уже не было. Начальник штаба мне сообщил: «Командир и комиссар уже на берегу, сейчас переходит туда штаб». Я проинформировал его об обстановке и больших потерях, сообщил что капитан Стариков вступил в командование полком, а также о том, что теперь считаю целесообразным отправиться во второй эшелон «чистить тылы», чтобы пополнить остатки наших полков. Начальник штаба со мной согласился и обещал доложить об этом командиру дивизии. К вечеру части дивизии отошли к элеватору, командный пункт был оборудован в трубе под полотном железной дороги. Наступила темная сентябрьская ночь...

В этом месте Волга текла по двум руслам: старому и новому, с островами между ними, ширина каждого русла было около километра, фарватер реки проходил около города, у островов была отмель. Берега

островов поросли густым лозняком, который переходил в лес. Течение реки у города было быстрым с водоворотами, чем ближе к островам, тем спокойнее становилась река. В городе по берегу валялся лесоматериал: бревна разных размеров.

Моя охрана состояла из двух автоматчиков, один из которых был опытным сплавщиком. Он соорудил из бревен плот... К утру мы, со значительным сносом, добрались до острова. На противоположном берегу город был окутан облаком дыма и пыли, на него с воем и свистом пикировали вражеские бомбардировщики, слышно было разрывы бомб, мин, снарядов, пулеметную и ружейную трескотню.

На островах было спокойно, начало осени во всей ее прелести: тронутые золотым багрянцем деревья. Щебет птиц. Так разителен был контраст жизни здесь на острове и смерти там в городе. На этом острове наших тылов не было. Пришлось переплывать через проток на следующий остров, южнее нашего. Этот остров находился против берега Волги, занятого немцами. В бинокль было видно, как привольно они себя там чувствовали. В поселке на острове располагался второй эшелон дивизии. В одном из домиков квартировали: заместитель командира дивизии по тылу, дивизионный инженер и начальник артиллерии дивизии (фамилию не помню). Они доложили мне, что тылы уже «почищены», и все. Все, кого только можно было собрать, отправлены в город. Отдохнув после двух бессонных ночей, я с одним автоматчиком отправился в обратный путь. Второй сержант был оставлен на острове с тем, чтобы постирать белье и запастись продовольствием. Он должен был через сутки также возвратиться. К 17 часам подошла лодка с ранеными. Среди них был адъютант командира дивизии, который доложил: *«атака немцев от-*

бита, наши части заняли прежнее положение. Убит подполковник начальник штаба дивизии, а он, адъютант, ранен. Второе ранение получил сейчас при переезде через Волгу в лодке».

Этой лодкой мы с автоматчиком поплыли обратно в Сталинград. Еще до начала темноты наша лодка причалила к Сталинградскому берегу, где у элеватора занимала оборону 131 стрелковая дивизия. Своим левым флангом дивизия, вернее ее остатки, упиралась в Волгу, а правее оборонялся прежний наш сосед, полк внутренних войск НКВД, тот самый, что был правее нас у Ельшанки. Я застал командира дивизии полковника Песочина и комиссара дивизии старшего батальонного комиссара Нестерова на командном пункте в трубе под железной дорогой. Там же были командир и комиссар артполка. *Уцелевшие орудия полка были уже за Волгой.* Глубина обороны дивизии измерялась сотнями метров и упиралась в Волгу. Песочин и Нестеров обрадовались моему прибытию. *Песочин сообщил: «Есть приказ Военного Совета армии вывести нашу дивизию за Волгу для формирования».* Песочин и Нестеров торопились, темнота быстро наступала, обстановка усложнялась, лодка грузилась ранеными и ее могли угнать.

В городе был слышен упорный бой — противник рвался к реке. На ходу к берегу Песочин сказал: **«Как только части дивизии будут сменены частями морской бригады, уже прибывшей в город, выводите все что осталось на восточный берег. Принимайте командование дивизией. Связь с армией пока есть. Нам с Нестеровым нужно ехать в Военный Совет, чтобы подготовить кадр к отправке на формирование».** *(По всей видимости, это было 18 сентября. Комдив и политрук дивизии спешили любой ценой уехать*

Вид на элеватор и расположенный севернее квартал многоквартирных домов на берегу Волги. На переднем плане частная застройка на Дар-горе. Осень 1942 г.

на левый берег. За подобный проступок 25 сентября были расстреляны командир 92-й бригады подполковник Тарасов и комиссар Андреев. — В.Ш.) Они вскочили в лодку и через несколько минут скрылись в темноте. Молодой лейтенант связи, это все что осталось у меня от штаба дивизии, доложил: «Связь со штабом армии прервана, немцы правее нас вышли к Волге».

В это же время усилилась автоматная стрельба на участке полка НКВД — враг пытался расширить прорыв. Мы были в полукольце, упершись в реку. **Командир и комиссар артиллерийского полка попросили у меня разрешения уехать за Волгу, так как никакой связи со своими орудиями они не имели и о своем отъезде они, как видно, договорились с Песочиным. Я разрешил.** Наступила ночь. На нашем участке было сравнительно спокойно. Мне рассказали все, что здесь произошло днем:

После авиационной, артиллерийской и минометной подготовки, немцы перешли в атаку. Наш полк побежал к реке. Из железнодорожной трубы — командного пункта дивизии — выскочили начальник штаба, который тут же был убит. За ним бросились к реке комдив Песочин и комиссар дивизии Нестеров с адъютантом. В это время навстречу бегущим с револьвером в руке бросился заместитель начальника особого отдела, фамилию которого я не помню, а с ним — три автоматчика с автоматами наперевес. С криками «Куда? Назад!» они повернули в контратаку бегущих. «Ура!» и превосходящий в силе противник побежал обратно, бросая своих убитых и раненых. Наши части заняли свое прежнее положение у элеватора. В этом бою были ранены: проявивший героизм заместитель начальника особого отдела и адъютант командира дивизии. Их эвакуировали. После этого никого из контрразведки при командовании дивизии не осталось, все были вместе со своим начальником Ханисом на восточном берегу Волги. Вступив в командование, я послал распоряжение Ханису прибыть на мой командный пункт, но он это распоряжение не выполнил. Так я стал единоначальником всех находившихся в полукольце войск на южной окраине Сталинграда.

Ночь тянулась. На нашем участке противник не наступал. В городе шел ночной бой. Мы располагали лишь легкими огневыми средствами, даже к батальонным минометам у нас не было мин. Весь наш район находился под сильным артиллерийским и минометным огнем, а с утра и до вечера еще и бомбился.

Раненых сносили в две уцелевшие постройки на берегу. Не было не только врача или фельдшера, но даже медицинской сестры или санитаря, способного оказать им первую помощь. Люди умирали не только от ран, но и от гангрены. Когда я посетил раненых, то услышал

мольбы об эвакуации, мольбы не бросать их. «Лучше пристрелите». У меня нет таланта описать эту душераздирающую картину, но это самое страшное, что я видел в жизни! А за Волгой был наш медико-санитарный батальон в полном составе, его возглавлял военврач III ранга Данилов. Там же за рекой находился и начальник медицинской службы, врач по фамилии Могила. Конечно, не фамилия и место красят человека, но фамилия начсандива, даже для многих легкораненых, оказалась роковой здесь раненые говорили: «Нам поможет только доктор Могила» — какая печальная игра слов!

Горсточка бойцов, оставшаяся от полнокровной 131 стрелковой дивизии, продолжала еще несколько дней отстаивать каждую пядь Сталинградской земли, поливая ее своей кровью.

За ночь противник выйдя к берегу Волги еще и в центральной части города, прервал нашу сухопутную связь с армией, а водную взял под перекрестный обстрел. Таким образом, связь с тылом была прервана. Бомбежка и обстрелы до того усилились, что многие не выходили из укрытий даже по естественным надобностям. Немцы подошли к нашему расположению на 100 метров и кричали в рупор: «Рус, рус, капут, Волга! Переходи к нам!». Но все их попытки перейти в атаку отбивались нашим огнем и контратаками.

Немецкие самолеты сбрасывали не только бомбы, рельсы, бочки, но и листовки. Падая с небольшой высоты, листовки ложились на землю пачками и использовались для курения, для естественных надобностей и конечно читались. На листовках был «пропуск в плен». За чтение таких листовок, особенно за их хранение, при других обстоятельствах, полагался расстрел. В большинстве листовки были грубы, похабны и не могли оказать никакого вли-

яния на советских людей, но попадались и остроумные.

Итак, впереди в ста метрах враг, позади глубокая, быстрая и широкая река, которую немцы обстреливали перекрестным огнем. С каждым днем боеприпасов становилось все меньше и меньше, а наш ответный огонь слабее. Затем они подошли к концу. Медикаменты и продовольствие кончились раньше. В таких условиях мы держались еще трое суток. Когда мы потеряли всякую надежду, неожиданно пришла помощь. **Это было около 12 часов дня. Передовые части морской бригады Северного флота сбили вышедшего к Волге врага, и берег реки правее нас оказался опять в наших руках. Восстановилась связь со штабом 62 Армии. Вскоре на мой командный пункт явился командир батальона морской пехоты и доложил, что ему приказано сменить наши части, другой батальон моряков принимал участок сильно потрепанного полка НКВД. Замену частей я назначил с наступлением темноты.**

Но к вечеру противник опять перешел в наступление и начал яростные атаки, опять прорвался к Волге в центре города, опять отрезав нас и полк НКВД от соседей и штаба армии.

Замену частей пришлось отложить. Имея подтверждение штаба 62 Армии о выводе нас на формирование, командный состав собрался на совещание в блиндаже командира полка войск НКВД. Это было *под вечер 22 сентября 1942 года*. Замена остатков наших частей моряками к тому моменту была закончена. Горели прибрежные постройки. Немецкие автоматчики пытались наступать на нас вдоль берега с севера на юг.

На совещании присутствовали: командир, комиссар и начальник штаба полка НКВД, командир пол-

ка нашей дивизии капитан Стариков, исполнявший должность комиссара полка старший политрук (фамилию не помню), старший уполномоченный особого отдела полка Филин, командир саперной роты, лейтенант-командир роты связи, исполнявший также обязанности моего начальника штаба по совместительству. Как старший по должности на совещании председательствовал я.

Совещание решило: с наступлением темноты, когда противник будет ослеплен горящими на берегу постройками, попытаться достать на восточном берегу лодки. В первую очередь эвакуировать за Волгу всех раненых 131 стрелковой дивизии, полка НКВД и морской пехоты. В 24 часа полку НКВД, на участке которого немцы вышли к Волге, сделать попытку прорваться вдоль берега на север. Вслед за этим полком или переправляться на восточный берег, в зависимости от обстоятельств и наличия к тому времени переправочных средств. В случае неудачи осуществить прорыв, полк НКВД переправляется через Волгу вслед за 131 дивизией, для чего я обязался доставить в его распоряжение с восточного берега все лодки.

С наступлением темноты я получил в свое распоряжение несколько лодок. Саперы приступили к изготовлению из подручного материала плотов. Эвакуация раненых началась немедленно. В 24 часа, когда мы заканчивали погрузку последней партии раненых, на участке полка НКВД усилилась автоматная и пулеметная стрельба. Вскоре прибежал наш офицер связи доложил: «После короткого боя полк НКВД прорвался на север». Я приказал комиссару полка лично проверить, все ли раненые погружены в лодки. Старший политрук проверил и доложил: «Остались лишь умершие от ран». Выставив заслоны, я начал погрузку остатков дивизии сначала на плоты. Лодки с ранеными отплыли на восток, за ними двинулись плоты.

Лодки делали рейс за рейсом. Когда чуть забрезжил рассвет, я вошел в последнюю лодку. Лодка была настолько перегружена, что вода чуть ли не достигала бортов. На западном берегу никого из нашей дивизии не оставалось. Яркий свет от догоравших прибрежных построек стал меркнуть. Перегруженная лодка тронулась. Каждая, даже вблизи разорвавшаяся мина могла быть для нас роковой. Противник вел по реке неприцельный огонь. Я спустил с плеч шнель и снял оружие. Снять сапоги мне было стыдно.

Когда наша лодка причалила к берегу острова, уже порядочно рассвело. Утро 23 сентября. **На острове нас встретили автоматчики, пулеметчики, минометчики, боеприпасы, продовольствие, даже медицинская сестра с медикаментами. На мой вопрос «Что вы здесь делаете?» получил ответ: «Мы прибыли к вам на пополнение, но несколько дней не можем переправиться на западный берег».**

Если мы смогли переправиться на восточный берег, то конечно можно было все это пополнение переправить на западный. Но зачем посылать пополнение, если дивизия идет на формирование в глубокий тыл? Остров встретил нас чудным сентябрьским утром золотой осени.

На противоположном берегу над развалинами го-

*Командир 131-й сд полковник
Песочин Михаил Александрович
(1907-1945)*

рода стоял дым и пыль, слышались разрывы, а также вой сирен пикирующих бомбардировщиков врага. А здесь было тихо, щебетали птицы, ощущалась вся прелесть жизни! **Можно было, «находясь на фронте», получать звания, ордена и «выслугу» по разному: там, в этом окутанном дымом и пылью городе, от которого остаются одни развалины, и за Волгой, среди замечательной русской природы, в это лучшее время года, когда собираются плоды земли.**

Устарела русская пословица: «Или грудь в крестах, или голова в кустах», как устарели и кресты. Мертвым не нужны ни ордена, ни медали. Да и кто из нас о них думал, если не знал, будет ли жив сейчас? Раненых эвакуируют и в большинстве забывают о них и их подвигах. Да и разве есть время и возможность запомнить всех, кто проявил героизм, при таких огромных потерях? Среди командиров взводов, рот, батальонов были такие же большие потери, как среди солдат. А здесь за Волгой все имело свой строгий учет: и выслуга, и заслуга, и «проявленный героизм».

Сталинград остался позади. 131 стрелковая дивизия, прибывшая на фронт и занявшая оборону на западном берегу Дона в составе свыше 13000 человек, теперь тянулась через островок к старому руслу Волги, насчитывая всего лишь несколько сот человек.

Через такое же широкое русло Волги нас перевезла баржа, буксированная пароходом. За Волгой в лесу у села Батраки или Бобыли нас встретил комиссар дивизии Нестеров с колонной автомашин.

Час спустя я сидел в блиндаже начальника особого отдела Ханиса. Блиндаж был оборудован по всем правилам инженерного искусства, в три наката. В блиндаже было просторно. Вокруг, среди молодого леса, были разбиты палатки второго эшелона дивизии.

В блиндаже, кроме хозяина, был командир диви-

**ДОНЕСЕНИЕ о численности и боевом составе
131 СД на 20.9.42 г. (ф. 131 СД, оп. 1, д.22, л.13)**

:Нач.состав:Мл.начсост:Ряд состав: Итого

: по штату: факт: по штату: факт: по штату: факт: по штату: факт

Упр. :	82	:	58	:	30	:	14	:	71	:	29	:	183	:	101
див. :	:	:	:	:	:	:	:	:	:	:	:	:	:	:	:
593 сп:	239	:	11	:	746	:	12	:	2395	:	38	:	3380	:	61
743 сп:	239	:	14	:	746	:	3	:	2395	:	15	:	3380	:	32
482 сп:	239	:	11	:	746	:	18	:	2395	:	43	:	3380	:	72
409 ап:	117	:	13	:	213	:	10	:	800	:	25	:	1130	:	48
97 отд:															
зен.арг:	7	:	-	:	17	:	-	:	55	:	2	:	79	:	2
бат-н :															
492 разв:	6	:	-	:	15	:	-	:	91	:	3	:	112	:	3
рота :															
218 отд:	23	:	3	:	25	:	2	:	180	:	13	:	228	:	18
сап. б-н:															
154 ОБС:	23	:	3	:	35	:	2	:	120	:	9	:	178	:	14
76 авто:															
рота :	13	:	12	:	20	:	16	:	60	:	37	:	93	:	65
225 :															
МСБ :	30	:	31	:	19	:	18	:	54	:	44	:	103	:	93
407 пхп:	4	:	3	:	6	:	2	:	86	:	43	:	96	:	48
869 :															
ДВЛ :	3	:	3	:	-	:	-	:	8	:	4	:	11	:	7
штабная:															
батарея :	6	:	-	:	11	:	-	:	56	:	2	:	54	:	47
НАД :															
96 рота :	26	:	-	:	66	:	-	:	120	:	-	:	212	:	-
химзащ:															
182 :															
ИПТД :	30	:	4	:	61	:	7	:	150	:	4	:	241	:	15
Заград. :															
бат-н :		:		:		:	1	:		:	4	:		:	5
Учебн.:															
бат-н :	43	:	-	:	64	:	-	:	493	:	-	:	600	:	-
ИТОГО:	1138	:	170	:	2832	:	116	:	9563	:	347	:	13353	:	633

У элеватора в конце сентября 1942 г. Едва закончились бои, к громадному зернохранилищу потянулись местные жители. Его продукция, как и продукты расположенного рядом консервного завода, позволила пережить жестокую зиму 1942—1943 годов многим жителям Сталинграда

Немецкие пехотинцы на перекуре. Сталинград, сентябрь 1942 г.

зии Песочин, комиссар Нестеров, вскоре туда прибыл новый заместитель Ханиса, он же старший следователь Зурахович. Стол был уставлен бутылками, кроме водки были вина, закуска тоже не оставляла желать лучшего. Играл патефон.

После моего доклада, Песочин приказал мне: взять всех людей, которые прибыли со мной, включая пополнение, и везти их обратно, но уже на северную окраину Сталинграда. Там сдать людей, включая командира полка капитана Старикова на пополнение дивизии, номер которой я забыл. Вскоре нам, только что прибывшим из-за Волги, были вновь поданы автомашины и мы поехали на переправу.

Через несколько дней кадр 131 стрелковой дивизии был посажен в ж.д. вагоны и отправлен в Вологодскую область на формирование, после чего 131 стрелковая дивизия воевала уже на Ленинградском фронте в составе 55 армии...

Выдержки из УПК с отметками за 1942 год:

1. ФИО - *Русинов Леонид Константинович*, 2. Родился - *1 декабря 1898 г.*, 3. национальность - *русский*, 4. какими языками владеет и в какой степени - *слабо немецким и французским*, 5. место *рожд. г. Путивль Курской области*, 6. Соц. полож. профессия до призыва в воор. силы - *учащийся, сын офицера из крестьян*, 7. партийность - *б/п*, 8. образование военное - *Михайловское Артиллерийское училище 1917 г. в г. Петроград, курсы при 4-м управлении штаба РККА 1930 г. в г. Москва*; 9. присвоение воин. зван. - *подполковник, ЮЗФ, приказ № 029 от 9.1.42 г.*, 10. Участие на фронтах Отеч. войны: 1) *с 2 июля 1941 г. по 9 января 1942 г. командир 178 армейского запасного стр. полка Юго-Западного фронта*, (этот полк участвовал в защите Киева, затем в боях под Харьковом - В.Ш.), с

25 марта по середину июля 1942 года исполнял должность зам. командира 248-й стр. дивизии 23-й армии; с 19 июля по 24 сентября, будучи заместителем командира на самом деле руководил 131-й стр. дивизией 62-й армии Сталинградского (Юго-Восточного) фронта; 24 сентября 1942 г. арестован лейтенантом госбезопасности начальником ОО НКВД 131 сд Ханисом Наумом Львовичем (вх. № ГУК 030060 от 22.10.42 г.) после чего отсутствовал в СА до 25.9.1952 г.

В конце УПК Русинова Л.К. от руки вписано, что считался заместителем командира 131 СД вплоть до 25 сентября 1952 г. (то есть, находясь в ИТЛ, служил в армии) и от руки же написано мелким 1942 г. почерком: «считать уволенным из кадров СА в запас с 25.9.52 г. по ст. 59 п. «б» (по болезни)».

В графе 11 об участии в гражд. войне сказано: «участвовал в боях с немцами, с Деникиным, с белополяками, бандитизмом с 1918 по 1921 г., 4 ранения: в 1918, 1921 и 1942 г.»

Небольшое послесловие

1. С первых дней войны вместе с майором Л.К. Русиновым стал воевать и его 14-летний сын Георгий Леонидович, ушедший добровольцем на фронт. Отец и сын принимали непосредственное участие в боях при обороне города Киев, в весеннем наступлении 1942 г. на Харьков и в обороне Сталинграда.

За этот период Георгий получил три ранения. После обороны Сталинграда был направлен в Забайкальский военный округ и после освобождения г. Киева приехал к себе на Родину.

В 1950 году закончил институт, в 1954 — аспирантуру и стал работать в Укргипроречтранс в должности главного инженера проектов портов. Его дочь (внучка Л.К. Русинова), закончив школу с золотой медалью поступила в университет».

2. Выдержки из УПК ЦАМО РФ на **Ханиса Наума Львовича**: *родился 11 апреля 1915 г. в г. Николаев, в РКП (б) с 1939 г., образование: 9 классов в 1933 г., школа переподготовки руковод. состава МГБ СССР г. Харьков, вечерний универс. марксизма-ленинизма ВВ г. Киев 1949 г., владение ин. языками: слабо немецким. Воинские звания: л-т госбезопасн. - 2.4.1942 г., ст. л-т госбезопасн. — 26.1.43 г, майор (без приставки госбезопасности) — 26.1.43 г., подполк. — 19.2.47 г.,*

Нач-к ОО НКВД 131 сд, 62 А
л-т госбезопасности Ханис
Наум Львович

Прожхождение службы: ст. оперуполн. ОО НКВД МВО прик. НКВД № 2930 от 7.12.41, нач-к отдела ОО НКВД 131 сд прик. НКВД ЮЗФ № 31 от 3.3.42 г., нач-к отделения ОО НКВД 2 резервн. армии — с 3.10.42 г., нач-к отделения Окр СМЕРШ 63 А — с 6.1.43 г., врид нач. 2 отделения Окр СМЕРШ КВО — с 27.10.44 г.. Приказом нач-ка контрразведки МГБ в/ч — 49430 № 414 от 6.9.52 г. из органов МГБ уволен по сокращению штатов с передачей в кадры СА.

Далее: *Замнач. политотдела 36 полка воздушного наблюдения с 11.9.52 г., зам по политчасти начальника склада авиационно-технического имущества 54 ВА ДВО — с 30.11.55 г. Приказом Главкома ВВС от 14 августа 1957 г. уволен из кадров СА в запас по ст. 59 «В» — (по сокращению штатов).*

Кто из офицеров 10-й ОСБр стоял во главе отряда, защищающего элеватор с 17 по 22 сентября 1942 года

Теперь, имея на руках некоторые материалы о 35-й гвардейской и 131-й дивизиях, мы можем более объективно рассмотреть дошедшие до наших дней сведения о 10-й отдельной стрелковой бригаде и ее командире майоре С.С. Лотоцком.

Пользуясь информацией из ЦАМО СССР, бывший начштаба 92-й ОСБр майор Н.Ф. Емельяненко пришел к выводу: до прихода в элеватор вечером 18 сентября 1942 г. моряков 92-й бригады во главе с мл. л-том А.О. Хозяиновым зернохранилище защищала группа бойцов 10-й стрелковой бригады под командованием ст. л-та М.П. Полякова. Эти данные Николай Федорович почерпнул при чтении архива МО СССР (ф. 8 гв. А, оп. 5487, д.10) и поделился ими с самим А.О. Хозяиновым. К сожалению, мы не знаем (и, наверно, никогда не узнаем) ответ Андрея Осиповича на критические и хорошо аргументированные замечания полковника в отставке Емельяненко в адрес 35-й гв. СД. Ведь у А.О. Хозяинова к тому времени уже были получены процитированные нами ранее письма из Алма-Аты от Бориса Аркадьевича Степанова, в которых командир роты автоматчиков из 10-й СБр утверждал, что именно его рота заняла элеватор и держала его с самого начала без всякого подкрепления до прихода А.О. Хозяинова «со своими морячками». При этом честно сообщалось, что самого Андрея Осиповича Борис Степанов плохо запомнил, но давалась яркая характеристика двух ребят, детали обороны: станковый пулемет на втором этаже, ведущий огонь по наблюдательному пункту

немцев на водокачке: «Вот Вас вспомнить никак не могу, туманно отдельные эпизоды наших с Вами разговоров и действий, а вот отдельных Ваших бойцов помню, и кажется, узнал бы при первой встрече. Хорошо помню раненого снайпера-матроса и его снайперскую винтовку с разбитым прикладом. Он был ранен в лицо, кажется, на третий или четвертый день после Вашего прихода.

Бывший командир 10-й ОСБр с 01.9 по 20.9.42 г. майор Лотоцкий Семен Сергеевич (1907-1976)

Как сейчас помню высокого русоволосого матроса-пулеметчика, который все старался побольше отвернуть лацканы армейской шинели, чтобы было видно тельняшку, а бескозырку держал на груди под шинелью. Умирать собирался матросом — форма парадная. Вспоминается станковый пулемет на втором этаже, и кажется, мы с вами стояли у окна, через которое он вел огонь по НП фрицев на водокачке».

А это строчки из письма Степанова за 19 января 1968 г.: «Вот Вы пишете, что в путеводителе исторических мест Волгограда есть и «Элеватор» и фамилия. Ну я долго вспоминал эти фамилии и не могу припомнить. **Кажутся знакомыми фамилии Назаров, Михайлов...**» Далее Борис Аркадьевич уточняет (см. процитированную выше полную версию письма), что Назаров и Михайлов не были в элеваторе в момент его обороны бойцами роты Степанова и взвода Хо-

зяинова, а пришли туда позднее. (Возможно, Б.А. Степанов вместе с Назаровым и Михайловым шел из штаба бригады в элеватор, а потом, будучи раненым, отстал от них. — В.Ш.)

Далее Б.А. Степанов утверждает, что в элеваторе вместе с ним и Хозяиновым был командир взвода с украинской фамилией, начинающейся на «По» из его роты автоматчиков. С этим офицером лейтенант Степанов был вместе еще под Воронежом.

Далее Б.А. Степанов, прочитавший присланный ему А.О. Хозяиновым путеводитель, сообщает, что часть указанных фамилий была из войск НКВД.

Остался в памяти Б.А. Степанова и такой момент (из письма за 10 марта 1970 г.): *«Да, Героem ты удиви-вил, и откуда он взялся, от каких войск? Может быть, это герой из войск МВД, которые там дей-ствовали вокруг элеватора?»*

В элеваторе их не было. В элеватор первый с ротой попал я, а затем подошел ты с морячками...»

Тот факт, что Борис Аркадьевич, проведший полгода в изоляторе под Сталиногорском, недолюбливал внутренние войска следует из доверительно рассказанного им А.О. Хозяинову эпизода: *«Я помню очень хорошо фамилию Фарбер — это в Воронеже был у меня политруком, когда пришли в Сталинград и заняли оборону, то он ушел в тыл проверять старшину, и через недели две я его увидел, он уже был в командирской роте политруком и предлагал мне пойти в эту роту командовать взводом комендантским при военном трибунале. Конечно, я отверг все его предложения. И мне сейчас кажется, что этот герой жив (подчеркнуто) (конечно, если случайно за спиной не погиб)...»*

Как и в рассказе подполковника А.А. Герасимова академику И.И. Минцу в повествовании Б.А. Степанова присутствуют мелкие характерные подробнос-

Советские пехотинцы отражают немецкую атаку на подступах к Сталинграду. Сентябрь 1942 года

Пулеметный расчет меняет позицию во время боя на подступах к Сталинграду. Сентябрь 1942 года

Верхняя Ельшанка, впереди пригород Минина и Средняя Ельшанка, где 15 сентября в районе сада больницы дрался 390-й сп 10-й ОСБр при поддержке остатков 2-го батальона 271 сп 10-й СД НКВД

Немецкие пехотинцы на подступах к элеватору с юго-западной стороны. Приблизительно 15 сентября 1942 года. За сараями ближе к элеватору с 17 сентября начнут держать оборону бойцы 10-й СБр и 131 СД

ти, чего нет в составленных за р. Волгой документах майором Лотоцким.

О расположении 390 сп 10-й СБр на 15 сентября

Нач-ку 1 отделеления штаба 10 СД НКВД подполк. т. Хитрову Донесение о положении 271 сп 2 р. ведет бой в окружении на старом месте. Связь прервана в 13.40.

Оставшиеся 20-25 чел. 2 б-на дерутся в составе 390 сп РККА в районе сада больницы.

1 р. (берег Волги) утром наседавшего противника контратакой отбросила — положение восстановлено.

Приняты меры к задержанию всех бежавших и направлению их на передовые линии.

Район КП простреливается просочившимися отдельными автоматчиками противника на берегу Волги. <...>

Зам. командира полка майор Романенко.

15.9.42 г.

То есть 15 сентября одна рота 272 сп 10-й сд НКВД вместе с 390-м сп 10-й СБр защищала 7-ю больницу в Средней Ельшанке, а другая — берег Волги.

Части 10-й СБр с 13 по 16 сентября тоже были разбросаны в разных местах. У командира соседней справа 244-й сд Афанасьева (Боевое донесение 21 штадив 244, виадук южн. трампарка им. Фрунзе 16.9.42 г. «10.00») складывалось впечатление, что находящаяся на его левом фланге 10-я СБр:

«в количестве 70 человек сдерживает наступление противника из направления консервный завод и на 9.00 занимает оборону: водокачка, элеватор, р. Волга».

А теперь рассмотрим сохранившееся в ЦАМО РФ составленное в декабре 1942 г. в штабе вновь созданной 9.10.1942 г. 160-й стрелковой бригады:

Краткое описание б/д 160 (10) ОСБр за период с 24.8 по 20.9.42 г. по защите Сталинграда

(ф. 62 А, оп. 5487, д.56, лл. 1-27)

1. Справка о формировании

На основании приказа Военного Совета Сталинградского фронта № 003145 от 23.8.42 на базе 10-й Запасной СБр была сформирована в роще, что восточнее 2 км с. Красная Слобода, 160 (10) ОСБр в составе:

Командир бригады полковник ДРЯХЛОВ И.Д., военком бригады — ст. бат. комиссар Белорусский Д.А.

Нач штаба — майор Косенко И.П., военком штаба — бат. комиссар Зубов И.М.

Зам. командира бригады по артиллерии — полковник Телегин М.А., замкомбриг по тылу — интендант 2 ранга Воропаев В.Н.

Нач. политотдела — ст. бат. комиссар Храпов В.А.
63 (11) СП — ком. полка подполковник Головин, военком полка — бат. комиссар Бенгус З.Г.

85 (390) СП — ком. полка подполковник Черномырдин, военком полка — бат. комиссар Носков.

Отдельный пулеметный батальон — комбат — л-т Семенов, военком — политрук Титов.

Отд. рота связи — ком роты — ст. л-т Сумский, военком — ст. политрук Бухаров.

Отд. саперная рота — ком. роты — ст. л-т Джабиев, военком — ст. политрук Куликов.

Отдельная разведрота — командир роты мл. л-т Олешко, военком — политрук Дворник.

Отдельная медсанрота — ком роты — военный врач 3 ранга Чуйченко, военком — политрук Скачко.

Отдельный артдивизион и авторота подвоза сформированы не были за неимением матчасти.

Бригада также была недоукомплектована за счет минометов, гранат и других боеприпасов и полнос-

Утро 15 сентября. Танки PzKpfw 24 td III группы «Эдельсхайм» у Верхней Ельшанки выезжают к железной дороге для атаки в направлении Максимовского развезда, где держала оборону 10-я ОСБр

тью отсутствовала полковая и противотанковая артиллерия и противотанковые ружья.

К 18.00 24.8.42 года бригада была сформирована и в ночь на 26.8.42 г. переправилась на правый берег Волги в районе Сталинграда и сосредоточилась в районе свх. Горная Поляна, где поступила в распоряжение 64 армии Юго-Восточного фронта.

<...>

В период с 28.8.42 г. по 1.9.42 г. бригада по приказу замкомандующего ЮВФ генерал-лейтенанта Голикова, усиленная 504 ИПТАП, 3/85 гв. ГАП, 176 и 173 ОАПБ, вела оборонительные бои в районе Варваровка, Нариман, (иск. Ивановка), имея передний край обороны по северному берегу р. Червленая, с задачей: не допустить мотомехчастей и пехоты противника в направлении Бекетовка, Сталинград. <...>

2.9.42 г. бригада распоряжением командарма 64 сосредотачивается в резерве армии в районе Бекетовка, Старая Отрада. Участок обороны передается частям 36 гв. СД.

Насыпь у консервного завода. Вдали слева Волга. Справа выделен подбитый 15 сентября KV-1 из 133 ТБр. Фото из «Военного альбома»

В этот день командование бригадой принял майор Лотоцкий С.С., полк. Дряхлов командармом 64 освобожден от занимаемой должности.

Потери за дни боев в районе Нариман составляют: убитыми, ранеными и пропавшими без вести 2420 человек.

Потери материальной части: винтовок — 2153, пулеметов — 84, ПТР — 4, минометов 50 мм — 6, минометов 82 мм — 18, пушек 45 мм — 2. <...>

3. Бои в районе ст. Садовая и западной окраины пригорода Минина

<...>

К исходу дня 8.9.42 г. бригада получила приказ командарма 62 выйти в район пересечения Воропоновского шоссе с высоковольтной линией с задачей — перейти в наступление в направлении ст. Садовая, Верхняя Ельшанка.

Бригада в 8.00 выступила в новый район и к утру 9.9.42 г. одним полком (11 сп) вышла в указанный район.

Противник в течение 8 и 9.9.42 г. незначительными силами демонстрировал наступление в направлении ст. Садовая.

<...>

14.9.42 г. бригада на основании распоряжения командарма 62 в 12.00 перегруппировалась и заняла рубеж для обороны — ж.д. полотно 1 км восточнее ст. Садовая, шоссе — западная окраина пригорода Минина.

63 (11) СП в течение дня вел огневой бой с противником и уничтожал мелкие группы автоматчиков, просочившихся в тыл.

85 (390) СП к исходу дня, имея 60 штыков, ведет бой с двумя батальонами противника, удерживая занимаемый рубеж.

15.9.42 г. противник к исходу дня до ПП с танками прорвал передний край обороны в направлении ст. Сталинград 2 и вдоль шоссе на восток от западной окраины пригорода Минина.

В 17.00 прорвавшиеся группы противника захватили элеватор, распространяясь по шоссеиной дороге в город и к р. Волга. *(В немецких сводках за 15 сентября ничего не сказано о занятии элеватора. — В.Ш.)*

Бригада до 16.00 удерживала занятый рубеж, ведя борьбу с превосходящими силами противника, имея всего 210 штыков. К исходу дня, понеся большие потери от авиации, мин. огня и огня автоматчиков, ведя непрерывно бой, была отведена в район элеватора *(на тот момент уже занятого немцами? — В.Ш.)*, не имея связи с соседями.

За время боев бригада получила **пополнение в количестве 200 человек и батальон от 55 (4) СП в количестве 200 штыков.**

Потери бригады за период боев в районе ст. Садовая: убитыми, ранеными и пропавшими без вести составляют около 950 человек...

Бои 10-й ОСБр в районе элеватора

После упорных боев в районе ст. Садовая и на западной окраине пригорода Минина бригада, понесла большие потери, отошла в район элеватора и от штарма 62 получила задачу — оборонять полосу: справа ж.д. (ст. Садовая, ст. Сталинград 2), слева р. Волга.

К исходу дня 15.9.42 г. заградотряд во взаимодействии с 63 (11) СП контратаковал противника, занявшего элеватор, овладел им и устроил там опорный пункт. *(Два противоречия: 1) Послание представителя ОО НКВД Селивановского в Москву гласит, что на 24.00 15.9 элеватор находится у противника; 2) Донесения и карты противника за этот день ничего не говорят о занятии немцами элеватора. То есть и про атаку, и про заградотряд майор Лотоцкий выдумал задним числом. — В.Ш.)*

Бригада **16.9.42 г.**, распоряжением штарма 62, подчинена 35 гв. СД и заняла район обороны: сад — 200 м севернее элеватора, элеватор, имея соседа справа 270 СП в составе несколько десятков штыков.

Противник делает попытку прорваться к ж.д., идущей к депо.

В 4.00 противник предпринял атаку в стык полков. Атака была отбита. В 13.30 автоматчики противника предприняли атаку на элеватор, но контратакой положение было восстановлено. Весь район обороны в течение **16.9.42 г.** подвергался сильному арт-мин обстрелу со стороны противника.

В течение **17.9.42 г.** противник пытался несколько раз переходить в атаку, но каждый отбрасывался с большими потерями.

В ночь на **18.9.42 г.** противник несколько раз пытался захватить элеватор, но каждый раз отбрасывался на исходные позиции.

В 12.00 противник повел наступление в нескольких направлениях, но все его атаки были отбиты.

В боях за **18.9.42 г.** совершенно выведены из строя из-за убийства личного состава: рота связи, разведроты, саперная рота и заградотряд.

19.9.42 г. противник перед фронтом бригады продолжает сосредотачиваться под прикрытием авиации и арт. мин. огня пытался несколько раз прорываться к элеватору, но все его попытки не увенчались успехом.

Численность бригады к утру 19.9.42 г. составляет 200 человек вместе с полученным пополнением, ощущается недостаток в боеприпасах.

В 23.00 19.9.42 г. участок обороны бригады был передан 92 МСБ, но ввиду напряженной обстановки и открытого правого фланга, распоряжением командира 35 гв. СД, остатки личного состава бригады оставлены в боевых порядках.

(В данном абзаце Лотоцкий опять сказал неправду: 1) актов передачи у него нет, 2) распоряжение командира 35 гв. СД об оставлении остатков 10-й СБр у элеватора он не видел, т.к. поспешил переехать на левый берег 20.9. Не знал Лотоцкий, что распоряжение № 8 написал комбриг Елисеев 21.9 из Дворца Пионеров. — В.Ш.)

Бои 10-й ОСБр 20 сентября

20.9.42 г. в течении дня, остатки бригады с двумя стрелковыми взводами, ротой ПТР и 5 станковыми пулеметами 92 МСБ, вели упорные бои с превосходящими силами противника, поддерживаемым массированным огнем минометов и артиллерии, имея открытый фланг от линии ж.д. западной до берега р. Волга. К исходу дня противник, при поддержке двух танков и одной бронемашин, просочился и занял берег р. Волга от второго моста северо — восточнее элеватора до дамбы с причалами. *(Про два стрелко-*

вых взвода, роту ПТР и 5 станковых пулеметов 92-й бригады Лотоцкий опять выдумал, потому что, зная такие подробности, он должен был указать место совместных боев. А этого места у сбежавшего не левый берег командира 10-й бригады как раз и не указано. Зато указан невнятно «открытый фланг от линии ж.д. западной до берега р. Волга». — В.Ш.)

Потери за время боев в районе элеватора убитыми и ранеными составляют 345 человек.

За эти же дни противник потерял более 600 солдат и офицеров, несколько станковых и ручных пулеметов, уничтожено несколько машин и повозок с пехотой и боеприпасами. (Похоже, писал все Лотоцкий, находясь в прострации. При этом не указал два подбитых немецких танка, появившиеся в других его донесениях за этот же период. — В.Ш.)

Бои в районе элеватора носили особенно ожесточенный характер. В этих боях особенно ярко выявилась стойкость и упорство наших бойцов и командиров.

Группа бойцов, под командованием мл. лейтенанта ПОЗДНЕВА из 63(11) СП, прикрывая левый фланг обороны у элеватора, отразила две атаки противника, при этом уничтожила до 30 гитлеровцев.

Под натиском превосходящих сил противника, группа бойцов была вынуждена оставить **один из обороняемых домов**. Коммунист МОНИН мобилизовал небольшой отряд бойцов, вместе с ними с лозунгами "Нам отступать больше некуда, позади Волга", "Вперед за Сталина, за Родину, за Сталинград" — бросился в атаку. В течении 30 минут группа смельчаков выбила противника из занятого дома. (Лотоцкий опять не указал мест совершения подвигов Позднеева и Монины и необходимых подробностей. — В.Ш.)

Внутри элеватора оборонялась группа в количестве 40 человек под командованием старшего лейтенанта

ПОЛЯКОВА. (Почему только 40 человек, а где 130 человек из группы лейтенанта Листопадова, который, также, как и А.О. Хозяинов, не фигурирует в отчете Полякова. — В.Ш.)

Противник неоднократно пытался захватить элеватор, ведя непрерывный огонь прямой наводкой из артиллерии, минометов и танков. Автоматчики противника окружали элеватор со всех сторон. Но все атаки противника **в течении 7 дней** отбивались с большими потерями для противника. (В разных местах своего описания Лотоцкий говорит: то о 5-ти, то о 6-ти, а то даже о 7-ми днях защиты элеватора. — В.Ш.)

Далее Лотоцкий говорит о красноармейце Хвостикове, старшине Каталюке и писаре 1 батальона 85 (390) СП — комсомольце Бирюкове, уничтоживших множество фашистов и заканчивает свое повествование: **«20 сентября 1942 года бригада вышла из боя и дислоцируется в хуторе Красном.**

Приложение: эпизоды отдельных боев на 5 листах, схемы на 7 листах. Командир 160 (10) ОСБр майор. /Подпись/. Лотоцкий. Начштаба майор /Подпись/. Сафонов. 5 декабря 1942 г. хутор Красный».

При внимательном анализе конца повествования получается, что под вышедшей 20 сентября из боя бригадой, которая передислоцировалась на х. Красный, Лотоцкий подразумевает 3-х человек: себя, политрука Харина и утонувшего вместе с документами бригады писаря. Ведь согласно Боевого донесения № 36 на 7 час. утра 21.9.42 г., приведенного на стр. 126, ни одного человека из 10-й СБр не вышло к назначенному полк. Дубянским на 6 час. 30 мин месту сбора.

Далее в «Кратком описании» идет отдельный рассказ о боях за элеватор ст. л-та Полякова Михаила Петровича, который выложен в интернете.

Отчет М.П. Полякова «Из опыта боев за элеватор в г. Сталинграде 17-22.9.42 г.»

1. Захват элеватора.

Получив приказ о занятии элеватора, захваченного противником, было принято решение выслать разведку для выяснения состава противника, его вооружения и слабых мест обороны.

Разведка доложила, что силы противника в элеваторе незначительны, но имеются ручные пулеметы, автоматы и ротные минометы.

После доклада разведки, имея в своем распоряжении 27 бойцов, я принял решение атаковать элеватор тремя группами с тыла и флангов. В каждую группу входило по одному ручному пулемету, 5 ручных гранат, винтовки и автоматы.

Первая группа под командованием лейтенанта Сатановского отвлекала противника на себя.

Вторая группа под командованием лейтенанта Степанова пошла в обход с тыла и третья группа под моим командованием зашла с фланга.

Выждав удобный момент, группы под прикрытием огня автоматов и винтовок, броском достигли элеватора и забросали противника гранатами через окна нижнего этажа.

Противник был вынужден оставить нижний этаж, не успев выйти из второго этажа и 17.9.42 утром, оставшиеся на втором этаже немцы, были нами уничтожены.

Выбив противника из элеватора, закрепились в нем, выставив прикрытия с флангов — по несколько бойцов в разрушенных домах.

Оборона верхнего этажа элеватора была организована круговая. Вне элеватора были выставлены секреты.

С 18 по 22 сентября 1942 г. элеватор был отрезан от наших войск.

*Немецкие регулировщики на шоссе, проходящем к западу от ж.д., разделяющей Ворошиловский район на две части. Вдали за ж.д. уже занятый противником элеватор.
Фото сделано после 22 сентября 1942 г.*

2. Оборона элеватора.

Противник в течение 18-22.9.42 года по несколько раз в день предпринимал атаки на элеватор, подтянув артиллерию и танки (в том числе и огнемётные), ведя огонь прямой наводкой по окнам элеватора. Пехота противника, под прикрытием огня, неоднократно штурмовала элеватор, но все попытки врага разбивались о стойкость наших бойцов и командиров.

Врагу наносились большие потери, так в боях за элеватор, противник с 16 по 21 сентября потерял убитыми 300 солдат и офицеров, две автомашины и 7 повозок с боеприпасами и продовольствием. Нами захвачены трофеи: 5 ручных пулеметов, несколько винтовок, боеприпасы.

21.9.42 г. были подсланы немцами парламентареры из гражданского населения (Поляков не называет число парламентареров. Похоже, он сам не видел, а только слышал о них. — В.Ш.) с целью уговорить бойцов, оборонявших элеватор, сложить оружие и сдаться в плен.

Этих парламентареров, после того, как они отказались взять оружие и сражаться с нами против немцев, мы расстреляли.

Фото с немецкого самолета южной части города. Вдали посреди Волги остров Голодный. Прямо недалеко от берега роковой элеватор. Внизу - противотанковый ров, за ним разрушенное здание НКВД

К исходу 21.9.42 г. противник предпринял круговое наступление на элеватор пехотой и танками. Атака была отбита. Противник потерял в этом бою большое количество пехоты, два танка и одну повозку с боеприпасами.

3. Выход из окружения.

В 20.00 21.9.42 г. противник, подтянув вплотную к элеватору танки и огнеметы, открыл огонь прямой наводкой по окнам элеватора.

Из-за отсутствия боеприпасов и малого наличия бойцов мы решили, прорвав окружение пробиться к р. Волга на соединение с нашими частями.

Пробиваясь через вражеское окружение, мы нанесли врагу чувствительные удары, так при выходе из окружения, нами было уничтожено: 19 гитлеровцев, одно тяжелое орудие и одна противотанковая пушка.

(Непонятно, как среди ночи ст. л-т Поляков смог подсчитать потери противника? — В.Ш.)

24.09.42 г. я с группой бойцов в количестве 15 человек, прибыл в свою часть.

Капитан Поляков "5" 12. 1942 г.

В рассказе капитана Полякова: 1) масса невнятно-стей: в главе 1 «Захват элеватора» не сказано: кто и когда конкретно отдал приказ, не указана дата, время и направление удара - непонятно: где фронт, а где тыл (похоже, Поляков не знает, где находился его отряд перед штурмом!); 2) ничего не сказано и о подмоге в 130 штыков л-та Листопада и о 18 моряках А.О. Хозяинова; 3) не знает Поляков и дату окружения элеватора противником, поскольку говорит о 18-м сентября, хотя на самом деле это произошло 20-го.

Теперь процитируем лл. 22-23 д. № 56 (ф. 62 А, оп. 5487 ЦАМО РФ) с воспоминанием майора Непокрытых из той же 10-й ОСБр (схемы 5,6 и 7 из отчета приведены на вставке как схемы 16, 17, 18).

Отчет майора Непокрытых «Борьба с автоматчиками противника 18-19 сентября 1942 года»

18.9.42 года в 8.00 из прибывшего пополнения была выделена одна стрелковая рота 100 человек и одна минометная рота — 60 человек в резерв командира бригады.

Вооружение этой группы: 5 автоматов, 10 винтовок СВТ, три 50 мм миномета. Остальные бойцы были вооружены обыкновенными винтовками. Кроме того минометная рота имела 8 шт. 82 мм минометов без мин.

Командир бригады приказал: возглавить указанный резерв и занять район обороны севернее КП бригады 500 м за оврагом (см. сх. 16 приложения - В.Ш.) в готовности контратаковать противника в направлении элеватора и КП бригады. (Здесь видна неувязка схем 16 и 17 с рассказом Полякова и отчетом Лотоцкого, который утверждают, что 18 сентября элеватор уже был окружен немцами. А схема 18 показывает, что еще и 19 сентября линия обороны 10-й СБр проходила южнее элеватора. — В.Ш.)

Сталинградский Дворец Пионеров на Сталинской набережной, где в сентябре 1942 г. находились штабы разных соединений 62-й армии. Отсюда 21 сентября 1942 г. замначальника штаба 62-й армии комбриг Н.С. Елисеев послал в штаб 62-й А внятное боевое донесение № 8 о том, что 100 бойцов 10-й ОСБр во главе с капитаном Назаровым и политруком Носаревым остались в рядах 92-й ОСБр в районе элеватора

Занимать район пришлось с боем, так как группа немецких автоматчиков 30-40 человек, пользуясь разрывом между 10 ОСБр и 244 СД просочилась в район сада и пыталась проникнуть по оврагу к р. Волга. Огнем из винтовок немецкие автоматчики были отброшены в сад и в дома, что в 1 км севернее элеватора, потеряв при этом 6 человек убитыми.

Указанный рубеж обороны был занят взводами (59 человек). Один взвод по приказанию командира бригады был выделен в распоряжение ст. л-та Кузменкова для ликвидации немецких автоматчиков, проникших в район кухни АХО штаба бригады.

Минометная рота была расположена за линией ж.д., проходящей по берегу Волги.

Сталинградский Дворец Пионеров после освобождения города от фашистов. Фото 1943 г.

В 14.00 18.9.42 г. немецкие автоматчики группами в два-три человека стали появляться в тылу нашего расположения, пытаясь проникнуть оврагами к берегу Волги. Огнем из автоматов и огнем снайперов фашисты потеряли 4-5 человек убитыми и <были> вновь отброшены за дома.

В 16.00 того же дня немецкие автоматчики в количестве 25-30 человек, пользуясь прикрытием домов, обошли наше расположение с севера и заняли мастерские, расположенные вблизи ж.д., подвергая последнюю обстрелу.

Получив приказание ликвидировать эту группу, мною был выделен один стрелковый взвод и минометная рота (в качестве стрелков) под общим руководством командира роты.

Вследствие нерешительных действий командира минометной роты группа автоматчиков не была уничтожена, а, потеряв несколько человек убитыми, отошла в район сада.

С наступлением темноты 18.9.42 г. значительная груп-

на немецких автоматчиков со станковым пулеметом и 50 мм минометами сконцентрировалась в районе сада.

Первый и третий взвод резерва по моему приказанию занял полуразрушенные дома (см. схему 17 - В.Ш.), второй взвод и минометная рота оставались на прежних позициях за линией ж.д.

Во второй половине ночи с 18 на 19.9.42 г. противником был открыт ружейно-пулеметный огонь трассирующими пулями, велась стрельба из минометов, местность непрерывно освещалась ракетами.

Эта демонстрация имела целью создать видимость окружения и морально воздействовать на войска.

Часть бойцов резерва, в особенности первого взвода, поддавалась этой «демонстрации», проявив малодушие, и под прикрытием ночи отошла к линии ж.д. (командир взвода был убит).

Таким образом соседние с моим командным пунктом дома были первым взводом освобождены (наверно, точнее сказать: «оставлены»? — В.Ш.) и оказались в руках немецких автоматчиков.

С рассветом 19.9.42 г. немецкая пехота тремя группами, до взвода каждая, начала наступление, имея целью пробиться к берегу Волги (см. схему 18 - В.Ш.).

Огнем из автоматов и снайперами нажим этих групп сдерживался до 8.00 19.9.42 г.

Для обеспечения продвижения этих групп противник открыл огонь по КП. Отдельные снайперы противника пристрелялись по окнам дома, где был расположен КП (имеется в виду КП майора Непокрытых. — В.Ш.). Создалась угроза быть окруженным в этом полуразрушенном доме. После этого КП был перенесен к ж.д. мосту.

Остатки стрелковой и минометной рот заняли оборону вдоль насыпи линии ж.д. В 9.00 осколками мин я был ранен в правую руку и ногу.

До 17.00 19.9.42 г. подразделения резерва занимали оборону вдоль насыпи ж.д.

Выводы:

1. Немецкие автоматчики, пробравшиеся в тыл, не вступали в открытый бой, а применили обходные методы.

2. Вынужденные отходить, они используют тот же путь, по которому пришли, перебегая по 1-2 человека. Организуя на пути отхода засады отдельных бойцов, можно истребить значительное количество гитлеровцев. Так снайпер Михайлов уничтожил 7 гитлеровцев.

3. Для ликвидации групп немецких автоматчиков необходимо выделять бойцов, уже бывших в боях, действовать быстро и решительно.

*Майор /Подпись/ Непокрытых
«5» декабря 1942 г.*

И в конце «Краткого описания» (л. 27) приведен отчет лейтенанта Проходова о боях 10-й СБр за 13 сентября.

Отчет лейтенанта Проходова «Оборона консервного завода 10-й СБр 13.9.42»

13.9.42 г. саперной роте было приказано занять оборону по окраинам консервного завода с задачей: не допустить противника к заводу....

Оборона была организована следующим образом:

В цехе, что находился на берегу Волги был установлен пулемет ДП под прикрытием 3-х автоматчиков. В стене здания прорубили амбразуру и поставили пулемет. Автоматчики были расположены на втором этаже.

Задача пулеметчикам: вести огонь по чердаку здания, где находился ст. пулемет противника, и обстреливать берег Волги в случае наступления противника.

На западной стороне завода находилась огневая точка противника. Там же находились и автоматчики.

К началу дня 14.9 противник в количестве двух взводов предпринял наступление на нашу оборону, ставя своей задачей овладение консервным заводом, с направлением удара на наш опорный пункт — элеватор.

Наступление было приостановлено ружейно-пулеметным огнем.

В 9.00 14.9 противник предпринял второе наступление и подошел к балке (южная сторона завода), пошел в атаку на нашу оборону.

Рота, выйдя в контратаку при поддержке двух пулеметов ДП и автоматчиков, отбила атаку немцев с большими для них потерями. Противник оставил на поле боя более 30 трупов солдат и офицеров.

Лейтенант /Подпись/ Проходов «5» декабря 1942 г.

Из рассказа лейтенанта Проходова вытекает, что уже 13-14 сентября противник проник на западную часть консервного завода.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

после прочтения направленного в штаб 62-й армии «Краткого описания б/д 10 СБр с 24.8 по 20.9.1942 г.»

1. Все оперсводки и боевые донесения 10-й СБр за период с 24.8 по 20.9.42г. штабом бригады были потеряны, иначе не пришлось бы их составлять задним числом заново.

2. Судя по названию «краткого описания» уже 20 сентября 1942 г. сам майор Лотоцкий и его ближайшее окружение поспешили уехать на левый берег.

3. Все исходные данные о прибытии пополнений и потерях отсутствуют, поэтому в «кратком отчете» цифры измеряются «сотнями», в лучшем случае «полусотнями» с приставкой «около».

4. В своем «кратком описании» майор Лотоцкий скрыл от штаба 62 армии факт участия в защите элеватора и прилегающей к нему территории военного

комиссара 10-й СБр ст. батальонного комиссара Белорусского Дмитрия Афанасьевича, погибшего 22 сентября при выходе из зернохранилища. Похоже, что именно военком бригады Белорусский Дмитрий Афанасьевич, военком 11 полка бат. комиссар Носарев Александр Михайлович 1914 г.р., начальник НО-1 бригады капитан Назаров Яков Яковлевич, политрук роты Михайлов Борис Натанилович 20 сентября проникли

Назаров Яков Яковлевич, начальник НО-1 штаба 10-й Сбр 21.9.42 был оставлен комбригом Елисеевым во главе группы из 100 бойцов в районе элеватора в подчинении 92-й ОСБр, где и погиб. (1914-22.9.1942)

через тогда еще не очень плотные позиции противника к элеватору для более стойкой организации защиты здания. При этом сопровождавший их лейтенант Б.А. Степанов, попав под огонь противника, сначала был ранен в ногу, а потом при попытке добраться до зернохранилища оврагом получил еще и ранение в позвоночник. В итоге был спрятан местными жителями в подвале здания, где и отлеживался несколько дней, а после был переправлен через Волгу на левый берег. УПК Степанова Б.А. гласит, что он находился на вражеской территории с 20.9 по начало октября 1942 г.

А Белорусский, Назаров, Носарев, Михайлов смогли благополучно добраться до элеватора и еще более

суток держали там оборону, подбадривая остальных защитников. При попытке прорыва кольца окружения поздним вечером 21 сентября Д.А. Белорусский, Я.Я. Назаров, А.М. Носарев были убиты, Б.Н. Михайлов попал в плен. Гибель всех выше указанных лиц была хорошо известна Лотоцкому, но он замолчал факт их участия в обороне элеватора, потому что **ему надо было протолкнуть «наверх» свою версию защиты зернохранилища группой старлея Полякова.** От этого, собственно, зависела жизнь Лотоцкого, который сбежав на левый берег 20 сентября, оставил в выходящем к Волге овраге пришедшее утром 18-го пополнение в 160 человек. При этом, представил 20.9 перед полковником Дубянским свою бригаду в количестве трех человек: себя, замполита Харина и писаря с мешком документов, заявив: *«Остатки 10 СБр частью находятся в боевых порядках 92 сбр, а частью разошлись по тылам. Матчасть также не сдали».*

Очень похоже, что для оправдания перед военным трибуналом потери двух рот пополнения в 160 человек 20.9.42 г. Лотоцкий и написал 5 декабря «сагу о защите элеватора» ст. л-м Поляковым, который «вывел из элеватора 15 человек». Однако при этом не была указана ни одна фамилия бойца (кроме самого Полякова), которым за геройскую защиту тоже полагались награды. Это означает, что бойцы из «взвода Полякова» не были в элеваторе и скорее всего являлись собранными по тылам дезертирами.

5. Вместо «Краткого описания б/д 10 СБр» Лотоцким дано «краткое описание» не существующей в природе в сентябре 1942 г. 160 (10) СБр.

Вместо внятного написания: «10-я бригада», бывший секретарь сельсовета ставший майором Лотоцкий в силу какой-то «сельсоветской хитрости» в свой «описании» употребил новый термин: «160 (10) бри-

гада»; вместо «11-й полк» — «63 (11) полк; вместо «390 полк» — «85 (390) полк», как-будто вновь созданная в октябре 1942 г. 160-я бригада с ее вновь созданными 63-м и 85-м полками могла иметь какое-то отношение к боям уничтоженных противником прославленных 11-го и 390-го полков.

Цель такой «подмены» видится только одна — запутать следы пропажи 10-й стрелковой бригады, от которой при переезде на левый берег остался лишь во время покинувший правый берег сам майор Лотоцкий и его ближайшее окружение в лице замполита В.А. Харина и писаря. Ведь согласно приказа комбрига Елисеева переезд на левый берег Лотоцкого должен был состояться вместе с остатками своей бригады, после того, как «остатки» передадут свои позиции подразделениям 92-й морской бригады, составив соответствующий акт приема-передачи, на котором должна стоять и подпись командира 10-й бригады.

Этой, прикрывающей от трибунала «бумажки» у Лотоцкого с Хариным не было. Вместо «бумажки» от 20.9.42 г. было составлено 05.12.42 г. «Краткое описание б/д не существующей в природе 160(10) бригады».

6. Для получения же настоящего акта приема-передачи позиций надо было еще какое-то время оставаться на правом берегу. Но Семена Сергеевича на левом берегу ждали срочные дела, ради которых он перед полковником Дубянским оболгал бойцов своей бригады: *«Остатки 10 СБр частью находятся в боевых порядках 92 сбр, а частью разошлись по тылам. Матчасть также не сдали...»*

7. **В итоге в штаб 62-й армии пришло (ф. 8 гв. А, оп. 5487, д.56) фальшивое «Описание б/д 160 (10) СБр с 24 августа по 20 сентября 1942 г.» вместе с фальшивым отчетом ст. л-та Полякова «Из опыта боев за элеватор в Сталинграде 17-2 сентября 1942**

г.», в котором: 1) Поляковым ни слова не сказано о прибывших вечером 18 сентября на помощь защитникам здания 18 моряках под руководством мл. л-та А.О. Хозяинова и о находящейся там с самого начала боев роте автоматчиков родного Полякову 11-го полка под командованием хорошо известного ему лейтенанта Бориса Аркадьевича Степанова.

2) Написан явный вымысел о потерях противника: *«Врагу наносились большие потери, так в боях за элеватор, противник с 16 по 21 сентября потерял убитыми 300 солдат и офицеров, две автомашины и 7 повозок с боеприпасами и продовольствием. Нами захвачены трофеи: 5 ручных пулеметов, несколько винтовок, боеприпасы»*. Возникает вопрос, как могли находящиеся в окруженном элеваторе защитники подсчитать потери противника?

При этом описанный в наградном листе на «защитника элеватора Полякова» подвиг, достойный звания Героя Советского Союза, далек от реальности. Поэтому никто в штабе 62-й армии тогда, осенью сорок второго, не поверил в описанные там фантазии, в итоге М.П. Поляков был награжден только медалью «За отвагу».

Единственная зацепка за нахождение ст. л-та Полякова поблизости от элеватора — это расстрел 20 сентября посланных немцами парламентаров. При этом Поляков: 1) не указывает их точного количества, 2) не знает, что немцами на переговоры были посланы военнопленные. Получается, что сам Поляков этих парламентаров не видел, иначе бы смог подсчитать их количество и, конечно же, определить в них сдавшихся в плен наших солдат.

Главное, неоспорим факт — никакой ведущей роли в защите элеватора и его окрестностей Поляков не играл, и не мог играть, потому там находились: сна-

чала л-т Б.А. Степанов, потом военком Белорусский и другие значительные люди: капитан Назаров, батальонный политрук Носарев и т.д. (Об этом говорит донесение немецкого 48 тк 4 та на 21.9.42 г. *«Насчитывающему едва ли одну роту боевому составу так упорно обороняемого в течение дня бетонного здания сдать мешают только лишь комиссар...»*)

8. Выбор майором Лотоцким Полякова на роль героя защиты элеватора объясняется только тем, что ст. лейтенант привел с собой в распоряжение штаба бригады 15 бойцов. Это было все, что удалось собрать по тылам за период с 21-го по 24-е сентября. При этом ни один «боец отряда» Полякова не подходил на роль защитника элеватора, иначе был бы назван по фамилии.

9. Вышедший на день позднее (вечером 22 сентября) из района элеватора подполковник Русинов уже утром 23 сентября вместе с несколькими сотнями своих бойцов оказался на левом берегу.

Почему же ст. лейтенанту Поляков с 15-ю бойцами на ту же самую операцию потребовалось трое суток? Очень похоже, что переправа самого ст. л-та Полякова на левый берег происходила полулегально, на подручных средствах в обход заградотрядов. Поэтому плот группы Полякова снесло далеко вниз по течению, из-за чего и пришлось так долго добираться до хутора Красный.

Ко всему прочему

Ко всему прочему при переправе через Волгу штабом 10-й стрелковой бригады оказались потерянными почти все карты, боевые донесения и оперсводки, так и не отправленные в штаб 62 армии. Поэтому в дальнейшем при расследовании деятельности руководства 10-й ОСБр нельзя было установить по числам ни мест нахождения штаба бригады, ни точ-

ных данных о потерях и трофеях. Главное, невозможно было понять, куда пропало прибывшее вечером 17 сентября пополнение в количестве 100 пехотинцев и 60 минометчиков без минометов, которые были использованы в качестве стрелков.

Утром 19 сентября это пополнение еще вело бои с немецкими автоматчиками в овраге, выходящем к волжскому берегу. К вечеру же 19 сентября от этих, 160 плохо обученных бойцов перестала поступать информация. Что, похоже, только обрадовало сидящих под железной дорогой в своем убежище Лотоцкого и Харина, которые тут же поспешили к командиру сводной группы из остатков 10-й бригады, 131-й и 35-й гв. СД полковнику Дубянскому с докладом: *«Остатки 10 СБр частью находятся в боевых порядках 92 сбр, а частью разошлись по тылам. Матчасть также не сдали»*. То есть 160 человек пополнения, утром 18 сентября оставленного майором Лотоцким в своем распоряжении, в докладе Дубянскому были названы *«разошедшимися по тылам вместе с матчастью»*.

Сам спешащий в тыл В.П. Дубянский дал «добро» остаткам 10-й бригады, состоящим из майора Лотоцкого, политрука Харина и бригадного писаря с чемоданом документов, на переезд на левый берег. После чего «тройка» заскочила в заранее подготовленную лодку и от устья р. Царицы помчалась в сторону о. Голодного. При этом, похоже, что «средство переправы», не доходя сотню метров до острова Голодный, перевернулось «от разорвавшегося рядом снаряда». Лотоцкий и Харин чудом остались живы. А не умеющий плавать писарь ушел ко дну вместе с документами.

Поэтому из-за пропажи всех документов историю боевой жизни бригады с 24 августа по 20 сентября бывшему секретарю сельсовета Лотоцкому пришлось составлять заново.

При этом в отчетности вместо четкого написания номера бригады — «10» Лотоцкий везде нацарапал иероглиф — «160(10)». В итоге вместо всем понятного выражения «10-я бригада» получилась двусмысленность: «160 (10) бригада». Все вроде бы просто и ясно, но... только для секретаря сельсовета Лотоцкого. Для обычного же человека никакой ясности не было.

Конечно, четко проследить боевой путь того или иного соединения по боевым донесениям или оперсводкам трудно, но там, как правило, есть зацепки — места и даты написания боевых донесений и оперсводок, с описаниями деталей боев, потерь и трофеев. Здесь же получилось, что самые яркие три дня боев 10-й ОСБр и 92-й отдельной морской бригады: с вечера 19 сентября по вечер 21 сентября командование 10-й бригады в лице майора Лотоцкого и замполита Харина провело на х. Красный вдали от линии фронта. При этом, именно в эти три дня враг был поражен мужеством и стойкостью защитников элеватора.

Дубянский Василий Павлович (1892-1978), бывший в сентябре 1942 г. командиром 35-й гв. СД

Тот факт, что 5 декабря 1942 года, составляя свое «Краткое описание б/д 160 (10) СБр...», С.С. Лотоцкий уже знал откуда-то о гибели в ночь с 21 на 22 сентября у стен элеватора цвета 10-й бригады: военкома бригады Белорусского, начальника НО-1 Назарова, военкома 11-го полка А.М. Носарева и т.д. на

сегодня не оставляет сомнений. Знал Семен Сергеевич к этому времени и о проходящем спецпроверку в Сталиногорске лейтенанте Б.А. Степанове, одном из немногих, кто мог пролить свет на его аферу с защитником элеватора старлеем Поляковым. Но 5 декабря 1942 г. лейтенант Б.А. Степанов был совсем не опасен майору Лотоцкому.

Возражения Николаю Федоровичу Емельяненко

Именно наличие массы казусов и несоответствий заставило автора не поверить в «Краткое описание боевых действиях 160 (10) СБр с 24 августа по 20 сентября 1942 г.», составленное бывшим командиром 10-й бригады майором С.С. Лотоцким 5 декабря 1942 года.

Проведение автором описанного выше расследования позволило выявить еще ряд деталей, указывающих на недостоверность представленных майором Лотоцким в штаб 62-й армии в декабре 1942 г. сведений. А ведь это «Краткое описание», начиная с конца 60-х годов, все время являлось определяющим фактором в составлении исследователями Сталинградской битвы списка реальных защитников сталинградского элеватора. При этом некоторые историки до сих пор не теряют надежды найти в архивах ЦАМО РФ более подробные отчеты о защите Сталинградского элеватора героем произведения Лотоцкого ст. лейтенантом Поляковым.

Не избежал увлечения старлеем Поляковым и один из авторов книги «Моряки верны традициям» (Волгоград, 1979) бывший начштаба 92-й морской бригады полковник в отставке Николай Федорович Емельяненко. Поэтому я, проводя анализ приводимых здесь фактов, как бы вел некий спор с Николаем Федоровичем и даже написал свои доводы в письменном виде:

Судя по отчету Дубянского на 7.00 21 сентября и «Краткому описанию» Лотоцкого, уже 20 сентября С.С. Лотоцкий и В.А. Харин оказались на левом берегу в х. Красный и с ними ни одного человека личного состава бригады. Убегая на левый берег, они в докладе Дубянскому обвинили своих бойцов в оставлении позиций без приказа, а, по сути, сами удрали, не удосужившись установить связь с подразделениями, которые 1) сражались в элеваторе и его окрестностях, 2) вели бои с автоматчиками противника, пытающимися через выходящий к Волге овраг выйти в тыл обороняющихся соединений.

Поэтому очень обрадовал комбрига Лотоцкого и полтрука Харина прибывший в хутор 24 сентября ст. л-т Поляков с группой в 15 человек неизвестно где подобранных бойцов. Вскоре стало известно еще и о 12 перевезенных на левый берег раненых 10-й бригады, в числе которых находился покалеченный л-т Листопад.

Тут же у Лотоцкого и Харина появился повод написать представления к наградам «вышедшим из окруженного противником элеватора защитникам». Однако в число награжденных попали только: ст. л-т М.П. Поляков, л-т В.М. Листопад и старшина Д.Х. Каталюк и, возможно, кто-то еще, пока не найденный в архивах ЦАМО РФ...

Боевое донесение № 8 из Дворца Пионеров утром 21 сентября комбриг Елисеев вынужден был написать от своего имени по причине отсутствия к тому времени на правом берегу как командира 10-й бригады майора Лотоцкого, так и его зама по политчасти бат. комиссара Харина. Командир и парторг бригады 20 сентября, не дожидаясь сбора личного состава, переправились на другую сторону реки.

Однако, прибыв на левый берег без воинства, майор Лотоцкий понял, какую ошибку он совершил под влия-

нием страха. Теперь его главной задачей стал поиск хотя бы одного живого человека из своей бригады...

Беспокойство майора было вызвано тем, что его вранье полковнику Дубянскому от 20 сентября: «Остатки 10 СБр частью находятся в боевых порядках 92 сбр, а частью разошлись по тылам. Матчасть также не сдали...» могло быть разоблачено штабом 62-й армии. Ведь кто-то из 160 бойцов брошенного Лотоцким пополнения мог чудом вырваться из того оврага, и весть об этом могла дойти до самого В.И. Чуйкова, беспощадного к трусам и паникерам.

Поэтому бросившему на западном берегу свою бригаду майору Лотоцкому очень было нужно появление хотя бы самого маленького, самого захудалого взводика его солдатиков с правого берега... И бог внял его молитвам - 24 сентября 1942 г. к штабу 10-й стрелковой бригады в х. Красный старший лейтенант М.П. Поляков подвел 15 собранных по тылам измотанных бойцов, чем вдохнул надежду в майора С.С. Лотоцкого и его комиссара В.А. Харина.

От М.П. Полякова Лотоцкий узнал, что при выходе из зернохранилища в ночь с 21 на 22 сентября погибли или пропали без вести офицеры 10-й бригады: военком Белорусский, капитан Назаров, лейтенант Б.А. Степанов, политруки Носарев и Михайлов.

О пропаже этих офицеров 10-й СБр с активным участием Семена Сергеевича в октябре 1942 г. были совершены записи во вновь заполняемые учетно-послужные карты на этих офицеров, которые и поныне хранятся в ЦАМО РФ.

При этом, очень похоже, что при заполнении новых УПК на погибших и пропавших без вести скорбные даты гибели или пропажи этих людей проставлялись Лотоцким по своему усмотрению...

Некоторые подробности о трех наградных листах

О 10-й отдельной стрелковой бригаде, сражавшейся в Сталинграде с 24 августа по 20 сентября 1942 г., в ЦАМО РФ практически нет никаких первичных документов. В штатме 62 сохранился лишь документ, в котором сказано, что на 25 сентября 1942 г. общий численный состав 10-й СБр вместе с тыловыми подразделениями с левого берега составляет 191 человек.

Это означает, что весь боевой состав бригады остался на правом берегу Волги за исключением самого командира бригады майора Лотоцкого, замполита ст. бат. комиссара Харина и 16 человек группы старшего лейтенанта Полякова, прибывших накануне, 24 сентября, в штаб бригады. При этом все 16 человек, с легкой руки майора Лотоцкого и замполита Харина, были отнесены к вырвавшимся из окружения защитникам элеватора.

В этот же день, 24 сентября 1942 г., Лотоцкий и Харин срочно составили и подписали три наградных листа на воинов 10-й СБр. Это: 1) командир батальона 11-го сп 10-й СБр ст. л-т Поляков Михаил Петрович 1911 г.р., 5 классов образования, (жена проживает в Орджоникидзевском крае); 2) начальник штаба 2-го батальона 390-го сп 10-й СБр лейтенант Листопад (в документе написано неправильно — Листопадов) Василий Михайлович 1920 (написано по ошибке 1922) г.р. из Сталинградской области, гражданское образование — 10 классов, военное — академия им. Фрунзе в 1941 г. 19.9.42 л-т Листопад получил тяжелое ранение в плечо разрывной пулей, в результате которого у него был ампутирован глаз; 3). старшина роты 390 сп СБр старшина Каталюк Дмитрий Харитонович 1900 г.р. из Ивановской области.

Место проживания жены ст. л-та Полякова и сведения о его образовании взяты из УПК ЦАМО РФ. Правильная фамилия, точный года рождения и сведения об образовании и ранении л-та Листопада взяты из Представления его к ордену Красной Звезды в 1947 году Алма-Атинским горвоенкоматом.

В предыдущей главе мы уже разобрали хранящееся в документах штарма 62 «Краткое описание боевых действий 160(10) СБр с 24 августа по 20 сентября 1942 года, которое вместе с сочиненными Лотоцким наградными листами и заново перерисованными картами и по сей день запутывает исследователей своими двойственными данными, из которых даже нельзя понять о какой конкретно бригаде идет речь.

Получается нечто похожее на послевоенную повесть Э. Казакевича «Весна на Одере» и снятый по ней художественный фильм, раскритикованный Сталиным, где известные командующие фронтами Жуков, Рокоссовский, Конев и т.д. фигурируют под вымышленными именами.

Понятно, что за неимением других документов о защите и защитниках элеватора, полковник Емельяненко ухватился за подсунутое С. Лотоцким художественное произведение «Краткое описание б/д 160 (10) СБр», найдя в нем подтверждение известной ему, начштаба 92-й бригады, истины — 35-я гвардейская дивизия не участвовала непосредственно в защите элеватора. Но при этом Николай Федорович не заметил, что придуманный Семеном Сергеевичем Лотоцким в декабре 1942 г. «образ командира Полякова», руководившего взятием и защитой элеватора, «шит белыми нитками».

До этого мы только говорили о наградных листах на ст. л-та М.П. Полякова, л-та В.М. Листопада, Д.Х.

Каталюка, сравнивая описанные в них подвиги и взятые трофеи с взятыми из головы данными, которые приведены С.С. Лотоцким в «Кратком описании б/д 160(10) СБр». Отсюда вполне естественен факт, что плоды фантазии в труде Лотоцкого, никак не могли совпасть с плодами фантазии в труде старлея Полякова.

Конечно, внимательный читатель труда Лотоцкого заметит, что Семен Сергеевич в своем «Кратком описании», сначала отдает «пальму первенства» в занятии зернохранилища уже не придуманной им группе Полякова, а уже не существующему заградотряду. При этом Лотоцкий надеется, что сам Поляков не увидит это, посланное в штаб 62-й армии сочинение.

А потом, понимая, что обязан жизнью старлею Полякову, в нужное время собравшему по тылам бригады 15 хлопцев, майор Лотоцкий лебезит перед ним в «кратком изложении подвига» при представлении его к Правительственной награде 24 сентября 1942 г.: *«При обороне Сталинграда 16.9.42 г. на КП батальона напала рота автоматчиков противника. Тов. Поляков, находясь на КП с двумя человеками, подавая ложные команды, как будто с ним целый батальон, чем привел в панику противника и отразил атаку, захватив в плен 4-х солдат и одного офицера и убил до 20 солдат и офицеров. В этот день в 18.00, с группой красноармейцев — 20 человек, получил приказ командира 11-го СП занять зерноэлеватор в г. Сталинграде — один из важных стратегических пунктов. Тов. Поляков приказ выполнил, через два часа элеватор был отбит у противника.*

Получив пополнение до 130 человек, тов. Поляков организовал круговую оборону, отражая ожесточенные атаки пехоты и танков противника. За 6 дней боя уничтожил два танка, пять повозок, убито до 150 солдат и офицеров. При полном окружении эле-

ватора, с боем прорвал кольцо противника и организовал выход бойцов из окружения.

Сам лично уничтожил 3 офицера и до 30 солдат противника, а также организовал вынос раненых бойцов в количестве 12 человек, находившихся в окружении.

Командир 10 ОСБр Военный комиссар 10 ОСБр майор Лотоцкий ст. бат. комиссар Храпов».

Здесь при описании подвига уже ни слова не сказано о том, что «элеватор брал заградотряд, а группа Полякова была дана этому заградотряду в придачу».

Но при этом в наградном листе Михаилу Петровичу Полякову Лотоцкий как бы ненароком навязывает свое потерянное в сталинградском овраге пополнение в 160 человек. Правда, из 160 потерянных им бойцов майор Лотоцкий отпускает в элеватор только 130 человек. Затем эти 130 бойцов у Лотоцкого перейдут в наградной лист тяжело раненого и отправленного в глубокий тыл начальника штаба 2-го батальона 390-го полка Листопада Василия Михайловича. Сам Василий Михайлович, наверно так и не узнал до конца своих дней о своем штурме сталинградского зернохранилища 17 сентября 1942 года.

Вот это, составленное Лотоцким, описание подвига лейтенанта Листопада: «17 сентября 1942 г. немцы вклинились превосходящими силами в район обороны нашего полка. Прибыв на подкрепление полка с ротой бойцов, лейтенант ЛИСТОПАДОВ В.М., увидев, что немцы заняли один из господствующих в обороне пунктов /элеватор/, оценив обстановку и создавшуюся угрозу, лейтенант ЛИСТОПАДОВ с группой бойцов стремительно контратаковал противника, выбил его из занятого пункта, нанося при этом противнику значительный урон в живой силе. Овладев важным пунктом обороны, тем самым исправил положение в обороне полка.

Тов. ЛИСТОПАДОВ энергичный, дисциплинированный молодой командир. В бою проявил героизм и отвагу». Далее подписи Лотоцкого и Харина.

Здесь возникает вопрос: в обороне какого полка исправил положение л-т Листопадов? Т.к. сам Листопадов был начальником штаба 2-го батальона 390 полка, то получается, что элеватор входил в полосу обороны этого, 390-го полка. Но с другой стороны, в элеваторе в этот момент находился ст. л-т Поляков со своим взводом из 11-го стрелкового полка. Причем, судя по описанию защиты элеватора Поляковым, *«немцы 17 сентября не занимали один из господствующих в обороне пунктов /элеватор/, поскольку он был занят накануне группой самого Полякова. Получается, кто-то из двух: Поляков или Лотоцкий при награждении Листопада, говорят неправду? А, может быть, оба врут?*

А это подвиг Каталюка Дмитрия Харитоновича: *«17 сентября 1942 г. немцы перешли в наступление, угрожая интересам наших частей. Очищая занятый участок от прорвавшихся захватчиков, особо отличился старшина стрелковой роты КАТАЛЮК Д.Х., который огнем и штыком лично уничтожил два пулеметных расчета противника, захватил 6 пленных, 5 из них расстрелял, одного привел, а также захватил два ручных пулемета. Своим подвигом тов. Каталюк воодушевил бойцов подразделения, которые стремительно выполнили боевую задачу, поставленную перед ними».*

Как уже было замечено ранее, подвиги, описанные С.С. Лотоцким, достойны звания Героя Советского Союза. Однако награждаемые получили только медали «За отвагу»! Значит, в штабе 62-й армии не поверили художественным вымыслам майора Лотоцкого.

Непонятно, почему во все это поверил майор Емельяненко?

О картах-схемах из отчета майора Непокрытых

А теперь несколько слов о том, почему при переправе на левый берег вместе со списками потерь и трофеев бригады Лотоцкий с Хариным «потеряли» свои боевые распоряжения за 17, 18, 19 и 20 сентября. Ранее было высказано предположение, что Лотоцкий заметал следы пропажи пополнения в 160 человек, которое, как пишет в приведенном выше отчете «Борьба с автоматчиками противника 18-19 сентября 1942 года» майор Непокрытых, командир бригады Лотоцкий без согласия полковника Дубянского направил в свой резерв. Вот этот текст: *«18.9.42 года в 8.00 из прибывшего пополнения была выделена одна стрелковая рота 100 человек и одна минометная рота — 60 человек в резерв командира бригады. <...>*

Командир бригады приказал: возглавить указанный резерв и занять район обороны севернее КП бригады 500 м за оврагом (см. сх. 5) в готовности контратаковать противника в направлении элеватора и КП бригады...»

При этом, рассматривая приложенные к отчету майора Непокрытых схемы 5, 6 и 7 (в цв. приложении это схемы 16, 17 и 18 - В.Ш.), находим еще одно интересное открытие. Оказывается, судя по приложенным картам, 18 и 19 сентября элеватор находился севернее полосы обороны бригады, то есть, в полном противоречии с текстами и Лотоцкого, и Полякова до 20 сентября еще не был окружен противником.

Это является еще одним доказательством ложности «Краткого описания б/д 160 (10) СБр» Лотоцкого, в котором говорится об окружении элеватора противником 18 (17) сентября. Неспроста проникшая в хранящиеся в ЦАМО РФ документы 62 армии фальшивка много лет ставила в недоумение исследователей истории Сталинградской битвы.

**О НЕСКОЛЬКИХ
САМЫХ ТРУДНЫХ ДНЯХ
62-й АРМИИ**

О боях 92-й морской бригады 20 сентября 1942 года

20 сентября гитлеровцы ввели в бой свежие силы пехоты и танков и при поддержке большого количества минометов, артиллерии и авиации вновь перешли в наступление.

По свидетельству начштаба 92-й бригады Н.Ф. Емельяненко, бой как обычно начался с активных действий авиации противника. Рушились окопы и стены уцелевших зданий, заваливая находившихся в них моряков, горели деревянные постройки. Сильным бомбовым ударам подвергся и командный пункт соединения. Многие воины из охраны штаба, связисты, а также некоторые командиры штаба были убиты или ранены. Затем открыли огонь вражеские минометы и артиллерия. На позициях моряков бушевал огненный смерч, их заволокло сплошными облаками дыма и пыли, через которые ничего не было видно даже в нескольких метрах. Люди задыхались, не хватало воздуха. Телефоны замолкли, проводные линии связи были искромсаны осколками бомб, и восстанавливать их в таком аду было бессмысленно. Управление два дня осуществлялось по радио и связными. *(Здесь начштабриг умалчивает, что штаб 62 к вечеру 20 сентября под предлогом недопущения попадания частот связи противнику в момент, когда фашисты перешли в решающую атаку, заблокировал радиосвязь с 92-й бригадой. — В.Ш.)*

В этот день главный удар немцы нанесли севернее вокзала Сталинград-II, в стык 3-го и 2-го стрелковых батальонов. Впереди, широким фронтом, непрерывно строча из автоматов, перебежками двигались немецкие пехотинцы. Их поддерживали огнем танки, которые

действовали рассредоточено, прикрываясь постройками. Фашисты явно рассчитывали на то, что после мощных ударов их авиации и артиллерии на позициях моряков мало кто уцелеет. Но они просчитались.

Как только пехота противника поднялась в атаку, застрочили наши пулеметы, заухали минометы, заговорили противотанковые пушки. Атака захлебнулась. Оставив на поле боя несколько десятков трупов и горящие танки, гитлеровцы отошли.

Во второй половине дня они опять перешли в наступление. Наиболее мощный удар пришелся по подразделениям 3-го батальона старшего лейтенанта И.Т. Коваленко (комиссар — старший политрук Е.В. Жемчужный). Здесь вдоль улиц Академической и Огарева наступало не менее трех пехотных батальонов. Пехоте и танкам гитлеровцев неоднократно удавалось врваться в расположение батальона. И каждый раз североморцы поднимались в контратаку и отбрасывали врага в исходное положение с большими для него потерями.

В тот же день был получен приказ о передаче остатков 10-й стрелковой бригады, 35-й гвардейской и 131-й стрелковых дивизий в состав 92-й отдельной стрелковой бригады. А из обескровленных в боях частей 244-й стрелковой дивизии создавался сводный (914-й) стрелковый полк, который переходил в оперативное подчинение командира 42-й стрелковой бригады. Штабы соединений, передавшие остатки своих частей стрелковым бригадам, ночами были переправлены на левый берег Волги и ушли в районы расположения своих тылов на реформирование.

Передача личного состава этих соединений не усилила 92-ю стрелковую бригаду, так как к ней переходили и оборонительные рубежи, которые те занимали незначительными силами...

Поскольку комбриг Тарасов опростоволосился с первым боевым донесением, следующее донесение пришлось писать знавшему положение дел начальнику штаба бригады майору Емельяненко, которым и была составлена прилагаемая к донесению рукотворная схема обороны 92-й ОСБр на утро 20 сентября 1942 г. (См. схему 7). Донесение подводит итог дня 19 сентября и отображает состояние дел бригады в ночь на 20 сентября 1942 г.

Боевое донесение № 03 штабриг 92 в штарм 62. Скаты на левом берегу р. Царица 300 м сев.западнее устья. 20.9.42 на 7.30.

Части бригады занимают оборону согласно прилагаемой схемы.

В течение ночи противник по всему фронту обороны пытался прорваться к Волге.

Все попытки противника отбиты.

Части бригады в течение ночи понесли потери, которые уточняются.

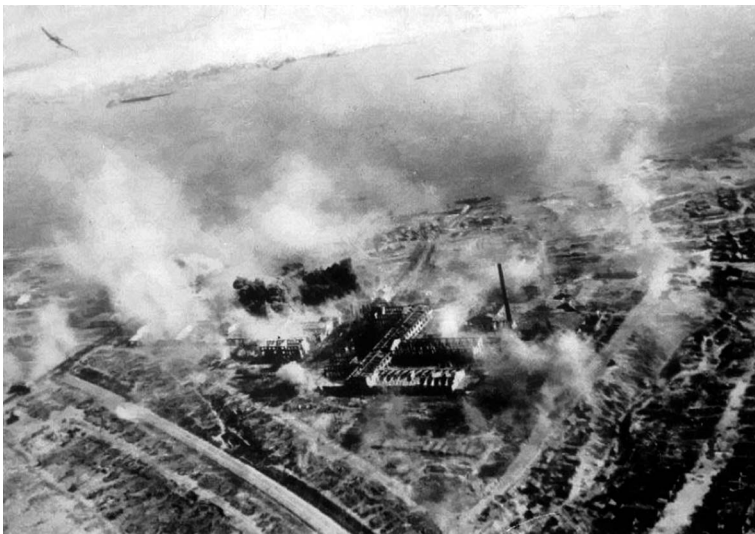
В районе элеватора подбит 1 танк пр-ка.

Подтверждение об этом подбитом немецком танке мы найдем из приведенного ниже письма мл. лейтенанта А.О. Хозяинова В.И. Чуйкову.

За командира 92 сбр расписался сам составитель донесения начштаба майор Емельяненко. За самого майора Емельяненко стоит неразборчивая подпись.

Судя по представленной Емельяненко карте, бригада действовала двумя эшелонами: 1-й, 3-й и 2-й батальоны в 1 эшелоне и 4-й — во втором. Батальон автоматчиков был оставлен в районе впадения р. Царицы в Волгу в резерве командования бригады...

Ближе к концу дня 20 сентября штарм 62 направил в штаб Юго-Восточного фронта следующее послание, в котором опять ни слова про злополучный элеватор.

Бомбардировка консервного завода. На этом рубеже остатки советских частей сдерживали три немецкие дивизии до 18 сентября. Вдали за рукавом Волги остров Голодный

Оперсводка № 162 шторм 62 к 17.00 20.9.42

1. Армия, отбив неоднократные атаки прот, удерживает занимаемые позиции, частью сил продолжая контрнаступление в общем направлении выс. 102.0, МТС.

<...>

Потом идет речь о центре города о 23 тк, 137 тбр, 95-й, 112-й и 13-й гвардейской дивизиях. Все написанное серым карандашом зачеркнуто и сверху опять-таки невнятные записи карандашом синим. Понятно — положение архитяжелое. Немцы лезут на Мамаев курган.

Потом тексты четырех пунктов (с 10-го по 13-й) опять перечеркнуты чем-то синим. И сквозь разводы зачеркнутого проступают слова: «10 сд НКВД с 92-й сбр на левом фланге обороняют ж.д. с ж.д. мостом, занимая позиции 112 сп». И далее: «92 сбр ведет

Противотанковое ружье было главным оружием истребления немецкой бронетехники. Бронебойщики Г.С. Баренник и Я.В. Шептицкий в окопе Сталинграда

Немецкая штурмовая группа в районе завода Баррикады. Октябрь 1942 г

бои с полком пехоты противника вдоль правого берега р. Царица к ж.д. мосту...» И в конце: «92 сбр с остатками 244 сд действуют западнее вокзала...», «35 гв. сд, удерживает позиции от элеватора до берега Волги».

После прочтения подобных донесений любому ясно, что с вечера 19 сентября штаб 62-й армии потерял 92-ю бригаду, ведущую бои с одной стороны «вдоль правого берега р. Царица к ж.д. мосту...», которая с другой стороны «с остатками 244 сд действуют западнее вокзала...»

Кстати В.И. Чуйков и не скрывает этого факта в своих мемуарах...

Хранящиеся в ЦАМО РФ боевые донесения и оперсводки штаба 62 армии, посылаемые в штаб фронта (ф. 345, оп. 5487, д. 39), говорят о том, что штаб 62-й армии, начиная с вечера 19 сентября, плохо представлял ситуацию в соединениях, находящихся к югу от реки Царицы.

При этом и В.И. Чуйков, и его штабисты во главе с начштабром Н.И. Крыловым в донесениях командующему Юго-Восточным фронтом Еременко вынуждены были сочинять еще что-то и о «поддержке 62-й армией начавшегося наступления соседнего Сталинградского фронта».

...Начиная же с утра 21 сентября в написанных очень неразборчиво карандашных донесениях и оперсводках 62-й армии в штаб фронта 92-я ОСБр либо вообще не фигурирует, либо все написанное о бригаде является вымыслом. Очень похоже, что существование 92-й ОСБр уже не интересует штаб 62 армии. С вечера 19 сентября главные события армии Чуйкова начинают разворачиваться вокруг выс. 102.0 на Мамаевом кургане.

Еще через пару дней 92-я бригада, которую в ночь

на 18 сентября перед отправкой на правый берег даже «забыли» покормить прожорливые снабженцы, под предлогом отсутствия информации о местоположении ее частей и штаба совсем выпадет из армейских сводок.

Нереальность защиты отведенного штабом 62 армии для 92-й СБр протяженного района обороны с юга города с самого начала была очевидна командирам и комиссарам всех уровней, имеющим доступ к поступающим из штарма приказам. Было ясно, что не сможет бригада численностью пять тысяч штыков без серьезной поддержки боеприпасами и продовольствием удержать участок обороны, занимаемый перед этим тремя боевыми соединениями: 10-й стрелковой бригадой, 131-й и 35-й гвардейской стрелковыми дивизиями.

Поэтому штаб 62-й армии 20 сентября приготовился к тому, что ведущие от элеватора к Волге улицы Иловлинская и Львовская, по которым 19 сентября проходила линия обороны 92-я СБр, уже на следующий день станут находиться в глубоком тылу противника.

Если в оперсводке № 161 штарма 62 к пяти утра 20.9.42 (также как и во всех предыдущих сводках) вообще не фигурирует элеватор, но еще каким-то образом отражены планы 62-й армии:

«11. 92 СБр обороняет рубеж непосредственно вдоль ж.д. от ж.д. моста через р. Царица до ст. Сталинград 2-ой, развилка ж.д. 1 км южнее станции и далее по Иловлинской и Львовской ул. до берега Волги.

12. 35 гв. СД с остатками 131 СД, 10 СБр — сдает свои рубежи обороны 92-й СБр и выходит во второй эшелон...<...>

14. Ясно. Видимость 6-10 км. Прошедшие местные дожди на проходимость дорог не повлияли», то ближе

*Немецкие офицеры у трамвайных путей в районе станции
Сталинград II. Вдали справа абрис здания элеватора.
Сентябрь 1942 г.*

*Бегущий в атаку боец в районе завода Баррикады.
Справа будущий «остров Людникова».
Сентябрь 1942 г.*

к полудню этого дня Василию Ивановичу Чуйкову уже очевидно, что 92-я бригада с оставленными в ее расположении остатками 10-й бригады, 131-й и 35 гвардейской дивизий не смогут удержать указанные штабром 62 позиции.

Поэтому элеватор и не указывается, чтоб не отобразить в следующих донесениях факт занятия зернохранилища противником.

А приведенные оперсводки и боевые донесения 92-й ОСБр в штаб 62-й армии говорят о том, что поредевшие батальоны и роты 92-й ОСБр день назад отвоеванные территории с 20 сентября начали с боями сдавать противнику.

Никто в штабе 62-й армии не может сказать, сколько времени еще продержатся остатки боевых групп к югу от р. Царицы. Однако все понимают, что эти, по сути разбитые, части и соединения уже никем из вышестоящих военачальников не воспринимаются как боевые единицы, и поэтому на помощь людьми, боеприпасами и продовольствием с левого берега Волги рассчитывать не могут.

Поэтому **штаб 62 армии**, на всякий случай, по своей инициативе и **отключает радиосвязь с 92-й ОСБр, объяснив это сменой частоты радиопередатчика, которую окруженные противником радисты могут передать в руки противника.**

При этом 20 сентября (без указания времени) командующему фронтом Еременко из штабром 62 посылается явно вымышленное Боевое донесение:

92 СБр на участке ж.д. моста была атакована пехотным полком противника. Атака отбита. Положение в районе моста остается напряженным..

272 сп имеет 3-чу наступать вдоль ж.д. полотна в направлении ж.д. моста и 92 СБр своим правым

*Бои у завода Баррикады в районе улиц Мезенская-Тувинская.
Сентябрь 1942 г.*

флангом наступать по правому берегу р. Царица к ж.д. мосту.

*К 14 час 272 сп и правый фланг 92 СБр, находясь под воздействием сильного ружейно-пулеметного огня пр-ка, **медленно продвигаются вперед.***

Положение остается без изменения.

Чуйков, Гуров, Крылов.

Фраза «медленно продвигаются вперед» нужна Чуйкову для передачи наверх наступательного духа вверенных ему частей и соединений, точного места нахождения которых штаб его армии не знает, но которые, «находясь под воздействием сильного ружейно-пулеметного огня противника», должны «хоть и медленно, но продвигаться вперед».

Сей факт подтверждает **оперсводка № 163 к 5.00 21.9.42 штаба 62 армии в штаб фронта:**

«...42 сбр с остатками 244 сд, 92 сбр, 10 сд НКВД, 35 гв. сд с остатками 131 сд и 10 сбр в течение ночи

ведут уличные бои с противником на прежних рубежах... Крылов»

Интересно, какие «прежние» рубежи представлял в своем воображении начальник штаба 62 армии, составляя это обязательное ежедневное творение, когда накануне завизировал приказ о сдаче 35-й гв. СД с подчиненными ей остатками 131-й СД и 10-й ОСБр своих рубежей обороны 92-й бригаде и выходе во второй эшелон?

Ведь 2-й ОСБ 92-й бригады, судя по карте, составленной в штабе 62-й А старлеем Барановским, к вечеру 20.9 с «прежних рубежей» — из окрестностей элеватора (Балхашская, Белорусская, Иловлинская и Львовская улицы) — переместился вдоль ж.д. на северо-восток до берега Волги в район пакгаузов.

Чтоб уточнить расположение 2-го батальона 92-й ОСБр на 20 сентября 1942 г. обратимся к **воспоминаниям участника тех боев Н.Ф. Емельяненко:**

Противнику, вводившему в сражение новые силы удалось прорваться через поредевшие боевые порядки левофланговых подразделений 3-го батальона и выйти к улице Рабоче-Крестьянской. Пришлось срочно вводить в бой 4-й отдельный стрелковый батальон старшего лейтенанта Я. Н. Козлова (комиссар — батальонный комиссар С.Я. Миньков), и продвижение врага было остановлено.

Подвиг взвода ПТР 4-го батальона под командованием мл. лейтенанта Волкова

Обеспечивая ввод в бой своей части, на танкоопасном направлении недалеко от речного порта действовала рота противотанковых ружей этого батальона.

День 20 сентября бронбойщики провели в жестких схватках с противником. Несколько раз моряки взвода младшего лейтенанта Аркадия Волкова отбра-

сывали врага. Фашистов было в шесть-семь раз больше, их поддерживали авиация, артиллерия, минометы и танки. У краснофлотцев же не было такой поддержки. К тому же боеприпасов было очень мало, их приходилось экономить. Несмотря на это, приказ «ни шагу назад!» моряками был выполнен.

К концу дня от роты осталось 9 человек: замполит-рука Михаил Слепнев, младший сержант Георгий Табанин, краснофлотцы Василий Шушкарев, Яков Пасечник, Андрей Коротков, Виктор Королев, красноармейцы Александр Воробьев и Дмитрий Грибов. Возглавлял эту группу командир взвода мл. лейтенант А. И. Волков. На горстку храбрецов враг бросил до роты пехоты с танками. В первые же минуты боя в ногу был ранен Королев. Преодолевая нестерпимую боль, он тщательно прицелился и выстрелил по танку. Черный смолистый дым застлал поле боя. Затем вспыхнул огонь, и танк занялся жарким пламенем. Кто-то из соседнего окопа крикнул: «Молодец. Витя! Бей их, гадов!» Виктор не отвечал: заметив танкистов, покидавших горящую машину, он сменил противотанковое ружье на автомат и открыл по ним огонь.

— Королев! Танк слева! — раздался громкий голос командира взвода Волкова. — Огонь!

Прогремел выстрел. Но бронебойная нуля, ударившись о наклонную поверхность брони, срикошетила. Почувствовав, что взяты на прицел, немецкие танкисты быстро ушли в укрытие. Волков сам лег за противотанковое ружье. Он подбил еще один танк. А когда в атаку поднялась вражеская пехота, бронебойщики разили ее метким огнем из автоматов и ручными гранатами, пока та не отошла в исходное положение.

Более полутора суток маленькая группа удерживала важный рубеж. Она вывела из строя несколько гитлеровских танков и до 80 солдат и офицеров. За

этот подвиг младший лейтенант А.И. Волков был награжден орденом Ленина, краснофлотец Яков Пасечник орденом Отечественной войны II степени, а остальные, в том числе В. Королев, — орденами Красного Знамени.

Об этом бое 20 сентября сохранилось послание замполитрука Михаила Слепнева в штабриг 92:

***Начальнику штаба 92 бр от мл. политрука роты ПТР 4-го батальона Слепнева Михаила Алексеевича
Рапорт***

20 сентября 1942 г как только выбыл из строя политрук роты т. Логинов, ком-е 4-го бат-на, бат комиссар Меньков поставил передо мной боевую задачу: на берегу Волги южнее Сталинграда занять линию обороны, сдержат натиск прот. и не допустить на Волгу. Наше подразделение роты ПТР занимая линию обороны в теч. целого дня, вело упорные бои с превосход. силами прот, уничтожая его боевую силу и технику. Дело доходило неоднократно до рукопашной схватки. Теснили прот. несколько раз и обращали в бегство, не имея с нашей стороны достаточного подкрепления.

Несмотря на наши большие потери, оставшаяся небольшая кучка краснофлотцев не покинули боевого оружия. Ни шагу назад! Приказ был выполнен.

Необходимо отметить, что особо в этом неравном бою отличились следующие товарищи, которые ком-м 4-го бат отмечены и представлены к правит. награде: мл. л-т Волков, краснофлотцы Табакин, Королев, Коротков, Воробьев, Пасечник, Шишкарев, Грибов и я, мл. политрук роты Слепнев Михаил Алексеевич.

Меня интересует такой вопрос, поступало к вам это отношение от штаба 4-го бат или нет? Я имею сведения, что все оформленные документы во время переправы через р. Волгу секретарем партбюро ст. по-

литруком тов. Коробовым потоплены в Волге, и поэтому прошу Вас этот вопрос уточнить, с тем, чтобы не оставлять эти подвиги наших краснофлотцев не отмеченными.

30/IX 42 г.

*Политрук взвода разведки
мл. политрук /подпись/ Слепнев*

К счастью, письмо политрука взвода Михаила Слепнева дошло до начальника штаба 92-й бригады Н.Ф. Емельяненко и оставшиеся в живых бойцы получили заслуженные награды.

Наступление противника 21 сентября 1942 года

Утром 21 сентября немцы вновь перешли в наступление против войск 62-й армии.

Против 92-й стрелковой бригады действовали части 29-й моторизованной и 94-й пехотной дивизий противника.

Особенно трудно пришлось 2-му батальону. Вражеская пехота атаковала его при поддержке танков во много раз превосходящими силами. Противник пытался прорваться на этом участке сразу в двух направлениях: от элеватора на северо-восток и от консервного завода на север, вдоль берега Волги. Передешие после предыдущих схваток боевые порядки 2-й стрелковой роты этого батальона не отошли ни на шаг. Тогда гитлеровское командование ввело в бой новые силы.

Массированным огнем всех видов и гусеницами танков враг буквально стер с лица земли защитников позиций на флангах этого подразделения и устремился в глубину вашей обороны. Остатки 2-й стрелковой роты во главе с ее командиром лейтенантом З.Г. Зозулей заняли круговую оборону и стояли насмерть. В помощь Зозуле командир батальона бро-

сил в контратаку все, что мог. В этот же район была направлена часть 4-го стрелкового батальона и батальона автоматчиков. (Там же накануне погибла и рота пулеметного батальона майора В.Е. Яковлева)

По свидетельству начштаба бригады майора Н.Ф. Емельяненко, по озверевшим фашистам, рвавшимся к Волге и к реке Царице, нанес несколько огневых налетов дивизион 85-го гвардейского гаубичного артиллерийского полка резерва Верховного Главнокомандования — единственное артиллерийское подразделение, поддерживающее 92-ю бригаду с правого берега. С 20 сентября этот дивизион вел огонь по координатам своих наблюдателей, остававшихся в рядах моряков в течение нескольких суток.

Расхваленная же в послевоенных трудах ряда авторов, оставленная на левом берегу артиллерия самой 92-й бригады в течение сентябрьских боев так и не приступила к работе.

В итоге крупные силы фашистской пехоты и танков, прорвавшиеся в глубину нашей обороны, были остановлены.

Остатки 2-го батальона были выведены из-под фланговых ударов противника к дамбе речного порта, где они прочно закрепились, преградив гитлеровцам путь к Волге.

Некоторые документы из тех далеких дней

т. Тарасову, т. Емельяненко от т. Мальцева

Время 15.00 22.09.42 г. Донесение (л. 6)

Согласно донесения командира 2 роты противник после всех неудачных атак перешел к обороне благодаря чего начинает строить дзоты. В постройке линии обороны помогает местное население, прошу вашего распоряжения о постановки задачи артиллерии унич-

тожить начавшуюся постройку дзот, после чего надо нанести удар с правого фланга.

Ком. б-на автоматчиков Капитан Мальцев

Замкомроту связи л-ту Лелекову (л. 7)

Приказываю: выслать 2-х телефонистов лучших на КП комбрига — стан Ленинград, для дежурства

Приступно невыполнение приказа в восстановлении 2 линии на КП комбрига. К 14-00 требую восстановить.

Нач. связи /подпись/ ст. л-т Ханыгин. Передано через Соловьева

Нач. штаба 92 бр-ды от нач. штаба 1-го батальона

Сообщаю о том, что с расположения первой роты немцы, т.е. противник, захватили одного нашего языка, другого убили.

Первая рота расположилась около реки Царицы.

*Нач. штаба 1-го бат 92 бригады Гурьянов
23-IX-42 г.*

В штабриг от 4-го ОСБ 18.25 № 8 (л 10)

По сообщению из 1-й роты замечены: пехота пр-ка и бронемашина у белого и красного дома в конце площади Чайковского. Наблюдение велось вдоль улицы Аджарского и Кирсановской.

Правый фланг 4 осб — 1 стр. рота.

В конце отчета - рисунок площади Чайковского.

т. Тарасову, т. Емельяненко от Мальцева

Время 1 час 23.09.42 года. Донесение (л. 14)

Доношу, что за 22.09.42 г. по отдельному батальону автоматчиков имею следующие потери:

ранено рядовых — 19 чел.,

убито — 1,

отправлен в госпиталь по болезни 1 красноармеец.

В 1-й роте вечером 22.09.1942 г. дезертировал кр-ц автоматчик Песов с оружием, ранее судился за дезертирство.

За 22.09. уничтожено 30 фрицев, из них 2 офицера. Представить к правит. награде 6 чел.

На уч-ке занимаемом батальоном все без изменения. Комбат капитан Мальцев, комиссар.

Боевое донесение (л. 15)

22 сент. 42 г. Первый бат 92 отд сбр занимает рубеж обороны в районе реки Царицы по ниже перечисленным улицам и кварталам:

линия обороны проходит по улице КИМ между улицами Рабоче-Крестьянская и Казловская на протяжении 3-х кварталов.

С правого угла Козловской улицы линия обороны продолжается по Козловской улице до Бирской, от Бирской до Социалистической, от Социалистической по территории отдельного завода продолжается до реки Царицы. Левым флангом р. Царицы кончается линия обороны. Левый фланг упирается правому флангу 3 батальона. и правый реке Царица. Связь между соседями установлена...

Комиссар 1-го бат ст. политрук Харьков

К этому времени командир 1-го батальона дезертировал вместе с женой из расположения части.

В штабриг от 4-го ОСБ (л.16)

Задача, поставленная штабригом 4-му ОСБ на 22.09.42 выполнена. Подразделения достигли указанного рубежа и окопались согласно приложенной схеме обороны, ожидая дальнейших ваших указаний. Автоматчики ведут поиски в районе площади Чайковского. За истекшие сутки потери 39 человек. Из них убитых 10, раненых — 29.

Комбат Миньков

В этот день 22 сентября 1942 г. командир 4-го ОСБ ст. лейтенант Козлов Яков Никандрович был убит в бою. 1911 г.р., русский, уроженец дер. Липенка Нахоркинского с/с Островского р-на Ленинградской обл. Колхозник, член ВКП (б) с 1939 г. Образование общее 7 классов.

*Командир 4-го ОСБ гв. майор
Миньков Сергей Яковлевич
(1908-1943)*

Потом командиром 4-го батальона стал батальонный комиссар Миньков Сергей Яковлевич, награжденный за бои 20-22 сентября орденом Красное Знамя. Выдержка из наградного листа гласит:

В Красной Армии с 1930 года. Призван Абинским РВК Краснодарского края. Не награждался.

Домашний адрес: г. Алатырь Чувашской АССР, ул. Сурская наб. д. 2. Изложение подвига:

В боях за город Сталина отд. стр. б-н, где замполитом части был тов. Миньков уничтожил 2950 гитлеровцев, около 20 пулеметных точек прот., 4 мином. батареи, подбито 6 танков.

Тов. Миньков в тяжелых уличных боях после выбытия из строя комбата принял на себя командование батальона, был контужен, но не покинул поле боя.

Под его руководством батальон отбил несколько атак превосходящих сил противника. Сам лично уничтожил 10 гитлеровцев. Достоин правительственной награды ордена «Красное Знамя».

Бои на Мамаевом кургане в сентябре 1942 г.

При приближении немецких войск к городу господствующий над Сталинградом курган приобрел особо важное стратегическое значение. С его вершины отлично просматривается как панорама города в целом с важными объектами, так и заволжские степи на восточном берегу реки. До 12 сентября на вершине кургана располагался пункт наблюдения 62-й армии, но после прорыва немецких войск в центральный район города он был перемещен в другую часть города.

С первых чисел сентября 1942 г окрестности кургана с западной стороны прикрывали части 10-й дивизии войск НКВД. На северо-западном склоне действовала 112-я стрелковая дивизия. Бои за обладание Мамаевым курганом развернулись с 13 сентября. На следующий день германской армии удалось захватить вершину кургана. На помощь обороняющимся частям 62-й армии была направлена 13-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор А.И. Родимцев. Объединенными усилиями вершина Мамаева кургана была отбита у противника 16 сентября.

Спустя три дня участниками сражения стали бойцы 95-й стрелковой дивизии полковника В. А. Горишного. Ночью 23 сентября, успешно форсировав Волгу, в бой вступили части 284-й стрелковой дивизии под командованием Н.Ф. Батюка. Этим подразделениям удалось продвинуться вглубь правого берега Волги на расстояние более километра и закрепиться у метизного завода и высоты 102,0 (так в военных документах обозначался Мамаев курган).

**Выдержка из частного боевого приказа Чуйкова от
22 сентября 1942 г. 22.9.42 «9.45»**

(ф. 62 А, оп. 5487, д. 5, л. 371)

1. Противник, выйдя передовыми частями в район ПРИСТ., разобшил фронт армии, изолировав 92 СБр от 13 гв. СД, нарушил Центральную переправу.

2. Армия, отражая атаки противника, продолжает выполнять задачу по уничтожению противника, занявшего центральную часть города.

Приказываю:

<...>

2. 13 гв. СД — продолжить выполнять ранее поставленную задачу, уничтожить противника, действующего в центральной части города. <...> Установить тесное взаимодействие справа — с частями 112 сд и 95 сд, слева — с частями 284 сд.

Граница слева — ул. Халтурина, Островского, Голя.

3. 284 сд — наступать в полосе: справа — граница с 13 гв. СД, слева — р. Волга.

Задача: восстановить положение в районе Центральной переправы и в устье р. Царица, уничтожить действующие в этом районе части противника и выйти на рубеж: /иск/ вокзал, жел. дор. мост через р. Царица, прочно оседлав долину р. Царица фронтом на запад.

Установить тесное взаимодействие справа — с частями 13 гв. СД в районе вокзала, слева — с 92-й СБр в районе устья р. Царица. <...>

5. Начало наступления пехоты — в 10 час.00 мин 22.9.42.

6. Донесения о ходе боя представлять мне через каждые два часа.

Чуйков, Гуров, Крылов.

Подробности о боях 92-й морской бригады 21 и 22 сентября 1942 года

Однако опасность подстерегала 92 бригаду за пределами ее обороны. По свидетельству Н.Ф. Емельяненко, 21 сентября в 13 час. 30 мин. внезапно прервалась телефонная связь со штабом армии. Вскоре наша разведка обнаружила, что на причалах центральной переправы, которые находились немногим более километра севернее участка нашей обороны, хозяйничают вражеские автоматчики. Противник, нанеся удар по стыку 42-го гвардейского стрелкового полка полковника Елина 13-й гвардейской стрелковой дивизии и 272-го стрелкового полка 10-й дивизии НКВД, смял их боевые порядки и вышел к берегу Волги. Гитлеровцы захватили расположенные в тылу 42-го гвардейского полка причалы центральной переправы.

Вспоминая эти события, маршал Советского Союза В. И. Чуйков пишет:

«Дни 21 и 22 сентября были критическими для войск 62-м армии. Противник ценой больших потерь первый раз разрубил армию на две части: на участке 13-й гвардейской стрелковой дивизии он вышел на улицу 2-я Набережная, а его передовые подразделения — к центральной пристани».

В итоге остатки 92-й и 42-й бригад, а также 272-го полка оказались отрезанными от главных сил армии.

Командующий армией предпринял попытку выручить их. Он приказал только что прибывшей в Сталинград 284-й стрелковой дивизии: *«...Наступить в полосе: справа — ул. Халтурина — Островского — Голя; слева — река Волга.*

Задача — восстановить положение в районе центральной переправы и в устье реки Царицы, прочно оседлав долину реки Царицы».

Немецкий солдат скрывается за танком Pz.Kpfw III от огня противника. Сталинград сентябрь 1942 г.

Немецкие пехотинцы 305 пд в Верхнем поселке завода Баррикады 14-15 октября 1942 г.

Но приступить к выполнению этого приказа, к сожалению, не удалось. Скованная активными действиями врага, 284-я стрелковая дивизия увязла в затяжных боях в районе оврагов Долгий и Крутой. В результате бригады, отрезанные от главных сил, оказались в очень тяжелом положении, которое ухудшалось с каждым часом. Центральная переправа была выведена из строя, подвоз боеприпасов и продовольствия почти прекратился. Кое-что доставляли лишь изредка на небольших лодках.

С обеспечением воинов горячей пищей было еще сложнее. Из-за непрерывного массированного огня и частых бомбежек авиации противника кухни быстро выходили из строя. Иногда, правда, тыловикам некоторых подразделений удавалось доставить горячую пищу с левого берега в термосах...

На этом месте прервем майора Емельяненко и дадим слово в те годы юному сталинградцу Бабичеву Юрию Николаевичу: *«Когда я вспоминаю войну, то мне видится всех ярче день, когда папа ушел на фронт... Помню еще очень зримо, как недалеко от нас стояла полевая кухня. Еду возили на передовую в термосах. Они были большие, зеленого цвета, а внутри белые. Часто повар привозил еду назад и говорил нам: "Ешьте, детки, там кормить уже некого". Истинный смысл его слов я тогда не понимал...»*

...Но это случалось очень редко: в первую очередь к погрузке принимались боеприпасы. Бригада переживала трудности и с водой. Казалось бы ее много — рядом Волга. Но прибрежные участки реки оказались сильно загрязненными нефтью, вылившейся в нее из разбитых бомбами резервуаров. Чистой вода была лишь на стрежне реки. Доплыть же туда можно было только на лодке, а их и без того не хватало. До воды, загрязненной нефтью, тоже нелегко было доб-

раться — берег непрерывно обстреливался. Поэтому бойцы чаще всего питались всухомятку. Правда, иногда во время редких перерывов между боями, главным образом ночью, удавалось где-нибудь за уцелевшими стенами развести костер и приготовить суп или кашу из концентратов.

Но бывало и так.

— Однажды,— рассказывает телефонистка отдельной роты связи А. Н. Михеенкова,— мы разожгли в развалинах дома костер. Повесили над ним котелок с пшеничным концентратом. Не успела каша закипеть, как рядом разорвался немецкий снаряд. Кашеваров засыпало землей, а котелок отлетел в сторону и перевернулся, в нем оказались две большие пробоины...

Положение бригады осложнялось и тем, что людей и оружия становилось все меньше. Атаки, контратаки, рукопашные схватки, бомбовые удары и артиллерийские налеты гитлеровцев следовали один за другим. Наши подразделения таяли буквально на глазах. Например, **3-й батальон к утру 22 сентября потерял убитыми и ранеными 714, а 2-й—745 человек. Это составляло соответственно 80 и 82% личного состава.** Не лучшим было положение и в других частях. Пополнения же за все время боев бригада не получала. Это неизбежно снижало плотность, а следовательно, и прочность обороны. В боевых порядках частей стали возникать ничем не прикрытые промежутки.

Несмотря на многочисленные потери, отсутствие связи с командованием армии, прижатые врагом с трех сторон к берегу Волги, малочисленные подразделения 42-й и 92-й стрелковых бригад и 272-го полка 10-й дивизии войск НКВД продолжали удерживать свои рубежи.

22 сентября 13-я гв. СД выдержала сильный удар противника, и при этом практически была разбита. В

полках осталось по 100 человек. К Мамаеву кургану подошли свежая 284-я дивизия и 685-й полк полковника Дрогайцева из 193-й СД.

О серьезности положения говорит **Боевое донесение Сталинградского фронта за 22 сентября 1942 года** (интернет-портал «Память Народа»):

«Москва Ставка Верховного Главноком. т. Сталину. Генералу Армии Жукову.

Генерал-полковник Еременко

1. Противник частями 295, 71 пд, 29 сд при поддержке танков 24 и 14 тд и 94 пд с утра 22.9.42 перешел в общее наступление на г. Сталинград, развивая главный удар по оврагу Долгий, Донская улица, р. Царица и вдоль желдороги ст. Садовая на элеватор, элеватор занят противником. В центре города пр-к подошел вплотную к нефтебазе. Характер операций пр-ка направлен на разобщение наших боевых порядков и ему удалось рассоединить части 62 А в долине р. Царица.

2. Наступление Чуйкова — 137 тбр и 95 сд, 9 мсбр из района выс. 102 к вокзалу (неразборчиво) успеха не имело и под давлением противника остановилось и отошло на рубежи (неразборчиво). 284 сд к утру 22.9.42 заканчивала переправу на зап. берег р. Волги района Красный Октябрь, оказать помощь 13 гсд в районе вокзала и устье р. Царица до сих пор не смогла (отрезана сплошным огнем горящей нефтебазы).

<>

6. Ежедневные потери 62 и 64 армий измеряются цифрой в 3500-4000 человек, каждую ночь только на участке 62-й армии приходится переправлять на восточный берег р. Волга 1800-2000 раненых.

4. Наступление правым крылом 64 А с целью овладения приг. Минина желаемого успеха не имело.

7. Фронту необходимо немедленно три-четыре

стрелковых дивизии, 50 000 тысяч пополнения и 200-250 самолетов, и столько же танков».

Днем 23 сентября после нескольких ударов авиации и артиллерии пехота противника при поддержке танков вновь перешла в наступление на 92-ю морскую бригаду. Грохот орудий, треск пулеметных и автоматных очередей, разрывы снарядов, выкрики команд — все это слилось в какую-то какофонию. Казалось, что люди не выдержат такого ада. Но моряки выстояли.

Точными короткими очередями бил по фигурам фашистских автоматчиков станковый пулемет краснофлотца Павла Барановского. Ему помогал второй номер расчета Николай Медведев.

Вплотную к дому, в котором находились пулеметчики, подошел вражеский танк и стал почти в упор бить по окнам прямой наводкой.

— Бутылки, гранаты... Огонь! — крикнул Барановский.

Медведев бросил в танк сразу три бутылки с жидкостью. Следом за ним швырнул связку гранат под гусеницу Барановский. Танк остановился и замолк, объятый пламенем. Атака врага — которая уже за день! — была отбита.

За храбрость и стойкость в этом бою Барановский и Медведев были награждены орденами Красного Знамени.

Н.Ф. Емельяненко о пленении немецкого офицера

В ночь на 23 сентября на участке обороны 4-го отдельного стрелкового батальона по указанию штаба бригады проводился поиск. Поисковой группе, во главе с командиром взвода североморцев лейтенантом Б.А. Кондратьевым удалось захватить в плен фа-

шистского офицера. Направляясь с важной добычей в обратный путь и еще не выбравшись из расположения противника, они внезапно столкнулись между полуразрушенными домами с тремя гитлеровцами, проверявшими телефонную линию связи.

От неожиданности обе стороны на какое-то мгновение оцепенели. Первым пришел в себя Виталий Ушаков. Он дал длинную очередь из автомата, и два фашиста упали. Третий успел укрыться в ближайших развалинах и открыл по краснофлотцам беспорядочный ответный огонь. Внезапно возникшая перестрелка подняла на ноги всю вражескую оборону. Застрочили пулеметы и автоматы, загрохотала артиллерия. Прикрывая отход поисковой группы, заговорили и наши минометы.

— Бегом в свое расположение! — скомандовал Кондратьев матросам, несшим связанного «языка». Их отход он и Ушаков решили прикрыть огнем своих автоматов.

Укрываясь в развалинах и воронках, они медленно отходили, стремясь отвлечь внимание противника от разведчиков, уносивших немецкого офицера. Фашисты же пытались отрезать им пути отхода. Появился вражеский танк с десантом пехоты. Он шел прямо на Ушакова. Несколькими меткими очередями из автомата моряк уничтожил десантников. Но бронированная машина, завывая мотором и лязгая гусеницами, продолжала двигаться. Выбора не было, оставалось только вступить с ней в единоборство. Виталий быстро приготовил противотанковые гранаты. Когда же смельчак приподнялся для броска, его прошила пулеметная очередь. Раны были тяжелые, но Ушаков сознания не потерял. Он понимал, что силы его на исходе. Теперь надо было бить точно и наверняка. Виталий решил выждать, пока враг по-

дойдет к нему вплотную. Когда танк приблизился к раненому краснофлотцу на два-три метра, он приподнялся и в упор ударил гранатой по броне.

Раздался мощный взрыв, и грозная машина остановилась. Вместе с экипажем она была выведена из строя. Погиб и комсомолец Виталий Ушаков...

Донесение штабриг 92, 200 м сев. зап. устья р. Царица 22 час. 00 мин. 23 сентября 1942 г. (л.17)

В течение ночи на 23.9.42 части 92 ОСБр продолжали вести оборонительные бои с прот.

Ночь прошла спокойно. Противник вел редкий артиллерийский огонь.

По сведениям 914 сп замечена перегруппировка пр-ка на северную окраину Сталинграда.

К 22 час 23.9.42 части 92 ОСБр занимают следующее положение:

1-й ОСБ занимает оборону с передним краем справа — р. Царица по району отд. завода до ул. Социалистической, от Социалистической по Бирской, далее по Козловской поворачивая на КИМ к р.Волга, соприкасаясь своим левым флангом с 3-м ОСБ.

3-й ОСБ занимает оборону по ул. КИМ, имея на правом фланге 1-й ОСБ, на левом соприкасаясь с 4-м ОСБ.

4 ОСБ занимает оборону по ул.Пугачевская до развилки ж.д.

2-й ОСБ со 2-й ротой 4-го ОСБ занимает оборону в районе дамбы, имея на левом фланге 2-ю роту 4-го ОСБ.

б. В 23.00 23.9.42 пр-к начал наступление со стороны консервного завода вдоль ж.д. по р. Волга на левый фланг нашей обороны.

На правом фланге в р-не 1 ОСБ пр-к ведет ночные поиски. На левом фланге атаки противника отбиты.

Решил: прочно оборонять занимаемый район обороны. Тарасов, Андреев, Емельяненко.

О чрезвычайном происшествии

23.9.42

Командир 92 ОСБр Командарму 62
*ДОНОШУ, что в ночь на 22.9.42 командир 1 ОСБ
92 ОСБр капитан Береза, взяв два чистых листа бу-
маги и круглую печать, ушел вместе со своей женой в
неизвестном направлении, оставив батальон.*

*Все попытки разыскать его остались безрезультат-
ными. Есть предположение, что он переправился на
тот берег Волги.*

Командир 92 ОСБр /подпись/ Тарасов

По данным ОБД капитан Береза Александр Лу-
кьянович командир 1 ОСБ 92 ОСБр пропал без вес-
ти 22.09.1942 г. Однако в следующей найденной за-
писи указано: Береза Александр Лукич 1905 г.р., член
ВКП(б) приговорен к ВМН 27.01.43 г., ВТ Сталин-
градского фронта. Приговор приведен в исполнение,
лишен воинского звания. Основание: Самовольное
оставление поле боя.

Береза Татьяна Васильевна приговорена ВТ
27.01.1943 г. — к десяти годам ИТЛ.)

О серьезности положения 92-й и 42 бригад в эти
дни говорит сохранившаяся в ЦАМО РФ радиогра-
маа, переданная радистом 92-й ОСБр радисту 13-й
гв. СД, которую тот без указания даты переслал в
штаб 62-й армии. Вот текст:

Радиограмма в штаб 62-й армии
от 13-й гв. СД о положении 92-й ОСБр

*4. От 92 получена радиограмма от Тарасова и Ун-
закова*

*Наше хозяйство ведут упорные бои с прорвавшими-
ся танками и пехотой противника в районах ул. Со-
циалистической и улице Циолковского.*

Противник имеет целью выйти на Царицу и Волгу.

Противник занял баню, гостиницу, базарную площадь и переправу. Положение тяжелое, маневра нет. Сильный обстрел, бомбежка.

Связи ни с кем не имеем. Срочно сообщите, что дальше держаться тяжело, можем быть отрезаны.

Ст. л-т. /Подпись/

Как пишет в своей книге Н.Ф. Емельяненко, в боях южнее реки Царицы отважно действовал весь личный состав бригады. Особенно отличились капитан С.И. Захаров, политрук И.С. Озеров, младший лейтенант М.А. Шевченко, моряки А.П. Хиро, Л.И. Митин, В.И. Переломов, В.М. Елизаров, Н.М. Коваль, Ф.И. Рогожин, И.А. Исаков, П. Я. Климцов, К.А. Попов, А.С. Мирошниченко. В.П. Ядрихинский, П.М. Березин, В.Ф. Камышанов, И.А. Юганов, А.Е. Воронин. Показывая пример мужества и отваги, они в самые тяжелые минуты боевой обстановки воодушевляли своих подчиненных и товарищей на беззаветное выполнение своего воинского долга.

По свидетельству Николая Федоровича, однажды краснофлотцы заметили, что во время налетов на нашу оборону вражеских бомбардировщиков пехота противника показывает им цели для бомбежки разноцветными ракетами. Комсорг одной из рот 2-го батальона Николай Ландик решил перехитрить гитлеровцев. Изучив сигнализацию врага и собрав несколько десятков трофейных ракет, он при очередном налете воздушных пиратов организовал показ целей в расположении немецких войск. Опыт удался. С тех пор фашистская авиация стала частенько бомбить свои позиции.

В другой раз, 23 сентября, при отражении атаки противника во 2-й роте 4-го батальона у моряков оказались на исходе боеприпасы. А тут еще и под-

держивавший их миномет вышел из строя. Гитлеровцы наседали и вот-вот могли ворваться в наше расположение.

Терентий Орлюк не растерялся. Обнаружив большой запас ручных гранат на огневых позициях минометчиков, Орлюк успел вовремя раздать их своим товарищам. Загремели взрывы, и атака была отбита. А вскоре отважный краснофлотец заменил тяжело раненого командира взвода. Под его командованием воины в течение суток отразили шесть яростных атак фашистов. За смелость и находчивость Орлюк был награжден орденом Красного Знамени.

Не менее находчивыми оказались и воины минометной роты 4-го батальона. Когда вышла из строя центральная переправа и подвоз боеприпасов почти прекратился, они начали поиски мин на берегу Волги. Вскоре командир минометного расчета Сергей Белозеров вместе со своими товарищами обнаружил в полузатопленной у берега барже два 120-миллиметровых миномета и множество мин к ним. Батальон неожиданно получил мощную поддержку.

До полудня 25 сентября на участке обороны 92-й бригады никаких изменений не произошло. Как и в предыдущие дни противник неоднократно атаковал ее позиции то на одном, то на другом участке. Но все его упорные попытки смять боевые порядки наших частей и прорваться с запада к Волге, а с юга к реке Царице отражались краснофлотцами.

По свидетельству Н.Ф. Емельяненко, «отсутствие связи со штабом армии было самой тяжелой проблемой в положении бригады. Неоднократные попытки восстановить ее не удалось. В итоге стало невозможно оперативно информировать штаб армии о положении бригады, что исключало возможность исправлять

ошибки командования бригады, оказывать ему необходимую помощь в пополнении личным составом, поддержке огнем артиллерии, снабжении боеприпасами и продуктами. Согласование своих действий с действиями главных сил армии также исключалось...»

На самом деле командный пункт бригады, расположенный на левом берегу р. Царицы в двухстах метрах от впадения ее в Волгу, с 22 сентября начали регулярно обстреливать с левого берега наша тяжелая артиллерия и реактивные минометы. В завершение несколько контрольных залпов на добивание по штабу 92-й ОСБр из 23-мм пушек Ярцева сделали и наши прославленные Илы.

Донесение старшего лейтенанта И.Е. Яковлева в штаб 62 армии

При этом приведенное ниже донесение начальника 1-го отделения бригады ст. л-та Яковлева начштабу 62-й армии Крылову (ф.345, оп.5487, д.31, л.19) осталось гласом вопиющего в пустыне.

Начальнику штаба 62 армии генерал-майору Крылову

Доношу, что последние дни 22,23 и 24.9 «КП» 92 ОСБр, находящееся 200 м северо-западнее устья р. Царица неоднократно обстреливается «РС» и с воздуха нашей авиацией. Данное явление объясняется тем, что в штабе армии (левый берег Волги) не имеется данных (уточненных) о расположении КП и правого фланга района обороны 92 ОСБр во-первых. Во-вторых, приехавший нач. 4-й части бригады (Гагарин Леонид Михайлович — В.Ш.) с левого берега Волги сообщил, что со слов генерал-майора Анисимова вытекает, что русло и устье р. Царица (до Волги) заняты немцами.

Исходя, видимо, из этих данных и обстреливается

наше КП. Как, например: сегодня, т.е. 24.9 в 2 часа 30 мин с левого берега Волги по КП бригады был произведен выстрел «РС» и наши самолеты бомбардировали р. Царица. Прошу уточнить на тот берег сведения о нашей обороне и расположении КП и запретить нашей артиллерии обстрел и бомбежку русло и устье р. Царица.

24.9.42 г. начальник 1 части 92-й ОСБр ст. лейтенант /подпись/ Яковлев.

Однако начальник штаба 62 армии — будущий маршал Советского Союза Н.И. Крылов никак не отреагировал на «крик души» начальника НО-1, продолжая посылать «наверх» в штаб фронта обтекаемые фразы в прежнем духе:

«92 сбр, закончив полностью сосредоточение, занимает назначенный ей участок обороны...»

То есть Николай Иванович лишь предполагает, что 92-я бригада занимает какой-то назначенный ей участок, но при этом толком не представляет границ этого участка, искренно считая, что берега и русло р. Царицы уже заняты немцами. *(Об этом говорит приведенная во вкладке на схеме 1 карта штаба 62-й А за 20-21.9.42 г., согласно которой на левом берегу р. Царицы напротив штаба 92-й бригады находятся показанные синим цветом 2 немецких орудия - В.Ш.)* Значит, их нужно «обрабатывать» с левого берега, а во избежание получения новых частот радиосвязи противником эта связь должна быть отключена...

Конечно, спустя 70 лет после событий легко критиковать составляющих «Боевое донесение» штаба 62 Командующему фронтом № 123 от 19.9.42 к 21.30: *«92 СБр обороняет рубеж непосредственно вост. линии ж.д. от ж.д. моста через Царицу до ст. Сталинград 2-й и удерживает узел ж.д. 1 км южнее ст. Сталинград 2-й и далее до Иловлинской и Львовской лиц*

до берега р. Волга». В создавшемся хаосе никто из ставящих подписи под документом не может гарантировать, что их составленный два дня назад невнятный и невыполнимый приказ об очищении занятой противником территории в окрестностях элеватора морская бригада в состоянии выполнить. И В.И. Чуйков, и Н.И. Крылов и замполит армии Гуров знают, что морская бригада обречена — слишком неравные силы. Конечно же, жалко флотских, но что поделаешь — война без жертв не бывает. Да они и сами тоже не цепляются за жизнь. На сегодня главное отстоять город — не пустить врага к Волге. Однако странные они — солдаты вермахта. Сначала вечерами пели, играли на губных гармошках. А теперь присмирели. Вечер наступит — тишина над позициями...

Хорошо, что в штабе фронта сидят все понимающие люди: Никита Сергеевич Хрущев и Андрей Иванович Еременко, которые представляют реальное положение дел и прекрасно понимают и командарма 62, и замполита и начштаба с их, выдаваемыми «на гора» оперсводками и боевыми донесениями.

В момент, когда фронт находится в обороне, нельзя неосторожной двусмысленной репликой в донесении взволновать Верховного, который может неверно истолковать даже самую объективную информацию и принять репрессивные меры для «исправления ошибок».

Стараясь любой ценой удержать Мамаев курган, Василий Иванович Чуйков с самого начала своего появления на правом берегу не заботится ни о своей жизни, ни о жизни подчиненных ему людей. Его командный пункт расположен по сути у подножия этого кургана — в 800 (в октябре 400) метрах от немецких позиций. Целыми днями командарм 62 из

своего укрытия постоянно обозревает в бинокль эту стратегически важную точку.

Из воспоминаний В.И. Чуйкова:

Вечером 31 января 1943 года я, Гуров и Крылов опрашивали в моей землянке пленных немецких генералов. Видя, что они голодные и нервничают, беспокоясь за свою судьбу, я распорядился принести чай и пригласил их закусить. Все они были одеты в парадную форму и при орденах. Генерал Отто Корфес, беря в руки стакан чаю и бутерброд, спросил:

— Это что, пропаганда?

Я ответил:

— Если генерал считает, что этот чай и закуска содержат пропаганду, то мы особенно не будем настаивать на принятии пропагандистской пищи.

Такая реплика несколько оживила пленных и разговор наш продолжался около часа. Больше других говорил генерал Корфес. Генералы Пфедфер и Зейдлиц отмалчивались, заявив, что в политических вопросах они не разбираются...

Под конец беседы генерал Пфедфер спросил меня:

— Где находились вы и ваш штаб (62-й армии) во время боев за город до 19 ноября?

Я ответил, что мой командный пункт и штаб армии находились все время в городе, на правом берегу Волги. Последнее место командного пункта и штаба было здесь, где мы находимся.

Тогда генерал Пфедфер сказал:

— Жаль, что мы не верили своей разведке. Мы могли бы вас вместе со штабом стереть с лица земли...

Разбомбив Сталинград 23 августа, не оставив от городских строений камня на камне, немцы, сами того не понимая, создали идеальные условия для его

защитников. Защищать руины, предварительно заминировав их, оказалось возможным и небольшими подвижными группами.

Последние дни сентября 1942 года.

Реакция штаба 62 армии на происходящие события

К вечеру 24 сентября на КП 92-й бригады вышли раненые и отравленные газами работники штаба 272-го полка НКВД и сообщили, что линии обороны центральный вокзал — Комсомольский сад — железнодорожный мост больше нет, личный состав полка погиб в бою, немецкая пехота и танки прорвались за насыпь через прокол на улице Краснознаменной и наступают в сторону Волги.

Однако организованное сопротивление частей 62-й Армии в Ворошиловском районе продолжалось до 26 сентября. К этому времени моряки удерживали лишь небольшую полосу берега Волги, на которой располагались грузовые причалы, и устье реки Царицы, где у Астраханского моста был штаб 92-й ОСБр. Телефонная связь со штабом армии была потеряна еще 21 сентября, радиосвязь, как сказано выше, была отключена по инициативе штаба армии. В итоге бригада лишилась надежды и на поддержку заволжской артиллерии, более того — огонь своих батарей с левого берега Волги все чаще накрывал штаб бригады и позиции моряков.

Похоже, любая связь с 92-й ОСБр после 20 сентября была бы помехой в работе штаба 62-й армии, сосредоточившемся исключительно на Мамаевом кургане — иначе она была бы установлена имеющимися в распоряжении В.И. Чуйкова связистами.

Поэтому имеющиеся в ЦАМО РФ ежедневные вымышленные оперсводки и боевые донесения штарма

62 о 92-й ОСБр до того момента, когда меньше сотни бойцов 27 сентября 1942 г. переправилось на остров Голодный мы приводить не будем...

Начнем с итоговой оперсводки штарма 62 на 5.00 28.9.42 без номера:

1. Армия до исхода 27.9 продолжала вести ожесточенные бои с наступающими двумя пд противника с 150 танками. В течение ночи совершенствовала оборону занимаемых рубежей, приводила в порядок части.

2. Противник до наступления темноты продолжал развивать наступление в прежних направлениях. <...>

9. Остатки 92, 42 сбр и 272 сп НКВД, переправившись на остров (Голодный) и поступив на левый берег Волги приводятся в порядок для вывода их к исходу дня к переправе 62...

То есть жалкие остатки проявивших героизм на поле боя 92-й и 42-й морских бригад генералом Чуйковым снова без отдыха бросаются в пекло, как провинившиеся — отошедшие без приказа штаба армии на остров Голодный.

С 25 сентября для 92-й бригады начинаются несколько самых тяжелых дней за период всей Сталинградской битвы. Командир и бригадный комиссар, сообщив бойцам, что отбывают в штаб армии для обсуждения ситуации с командованием, по сути с частью штаба бегут на остров Голодный. На следующий день бойцы, узнав о бегстве командиров, бросаются к берегу Волги и начинают строить плоты.

Командование остатков бригады на правом берегу продолжает осуществлять начальник штаба майор Емельяненко, который на сужающемся пятачке территории из последних сил держит линию обороны, тщетно надеясь связаться со штабом армии, который в течение последних пяти дней не имеет понятия, что

происходит на левом фланге армии по берегам и южнее реки Царицы. Поэтому время от времени с левого берега на место КП 92-й бригады несутся хвостатые снаряды «катюш», залпы тяжелой артиллерии, удары штурмовиков в надежде, что там находятся немцы.

Дошедшие до наших дней карандашные сообщения Чуйкова, Гурова и Крылова без наличия их подписей, типа: «*На южном участке 42 сбр, 244 сд, 35 гв. сд, 131 тбр с остатками 10 сбр и 131 сд продолжают вести уличные бои в городе. Положение их уточняется...*» — говорят лишь о том, что плохи, очень плохи были дела в 62-й армии с 21-го сентября и в центре, и на левом фланге. Но закаленный в армейских и штабных битвах генерал-лейтенант Чуйков Василий Иванович одним своим присутствием вселял бодрость и уверенность в составляющих донесения штабистов, каждый раз заставляя к очередному посланию «наверх» приписывать дежурную фразу: «*наступление продолжается*», как бы тем самым давая понять, что «*ситуация под контролем*».

Конечно, в своей книге 1979 года выпуска (когда еще был жив Чуйков В.И. и др.) начальник штаба 92-й ОСБр Николай Федорович Емельяненко не мог сказать всего того, что мы позволяем себе говорить сегодня, спустя 75 лет после окончания Сталинградской битвы. Поэтому майор Емельяненко в 1979 г. как бы оправдывает вышестоящее руководство:

«Только теперь, из архивных документов, нам стало известно, что, получив (хоть и с большим опозданием) сведения о тяжелом положении бригад и не имея в своем распоряжении резервов для их усиления, **командующий армией обратился к командующему фронтом. 28 сентября в 9 час. 30 мин.** он направил ему боевое донесение № 147, в котором сообщал: "*Положение 92-й и 42-й*

стрелковых бригад, понесших свыше 70% потерь, крайне тяжелое. Необходимо срочное усиление этих частей для удержания занимаемого рубежа"».

Но само время боевого донесения командарма Чуйкова командующему фронтом Еременко — 9 часов 30 минут 28 сентября о событиях трехдневной давности говорит о формальной отписке Василия Ивановича Чуйкова перед вышестоящим руководством.

Тем не менее, Николай Федорович Емельяненко настойчиво в своей книге продолжает излагать в лицо еще здравствующему в почете и добре В.И. Чуйкову горькую правду о положении морской бригады в сентябре 1942 г.:

«А тем временем остатки бригады продолжали удерживать кромку сталинградской земли у берега Волги, отражая бесконечные атаки противника. В батальонах осталось по 25—45 человек. Плотность обороны снизилась до предела.

26 сентября враг атаковал наши позиции на берегу Волги особенно активно. Султаны разрывов мин, снарядов и бомб поднимались сплошной стеной. Горели и рушились прибрежные постройки, зияли пробоинами остовы порталных кранов, с треском валились деревья, сраженные осколками и взрывной волной, вспахивались бомбами и снарядами окопы. Казалось, не было уже живого места на позициях моряков. Но как только немцы поднимались в атаку, воины в тельняшках опять вставали перед ними. Одним стрелковым оружием они отразили в этот день девять яростных атак многократно превосходящих сил врага. Подпуская фашистов на близкое расстояние, моряки метким огнем уничтожили около 500 солдат и офицеров противника, подбили танк, вывели из строя пушку и пять немецких пулеметов...»

Как отреагировал на эту правду Василий Иванович Чуйков нам неизвестно, но, похоже, реакция была отрицательной — иначе написал бы (пусть и формальное через своего секретаря) письмо в поддержку авторов Н.Ф. Емельяненко и А.А. Рукавцова.

Однако продолжим.

«До этого я десять месяцев был в действующей армии. Был во многих местах, но такого не видел. Люди — каменная стена. Их волю, их дух не могут сломить ни постоянные бомбежки, ни танковые атаки, ни беспрерывный артиллерийский и минометный обстрел», — писал в эти дни домой помощник начальника политотдела бригады по комсомолу **Магомед Меджидов**.

Даже раненые, которые хоть немного могли двигаться, нередко принимали участие в отражении атак врага. Вот что пишет в своих воспоминаниях бывший **секретарь комсомольской организации 4-го стрелкового батальона М. В. Лисичкин**: *«Это были самые тяжелые для бригады и нашего батальона дни. Мы ежедневно отбивали до десяти атак фашистов, а они все лезли и лезли. Не хватало боеприпасов и продуктов питания. Центральная переправа была выведена из строя, поэтому в траншеях и блиндажах скопилось много раненых. Люди хотели пить, станковым пулеметам тоже нужна была вода. Рядом текла Волга, но подходы к ней находились под многослойным огнем противника. Мне не раз приходилось пробираться к реке под ливнем пуль, маневрируя между камнями и кучами бревен. Помню, под вечер 26 сентября зашел под железнодорожный мост через реку Царицу, где лежало до 50 раненых краснофлотцев и командиров. В это время немцы снова перешли в атаку: выстрелы и взрывы гранат становились слышны все отчетливее.*

Вдруг к медпункту подбежал батальонный комиссар Я.Л. Эйдель и крикнул:

— *Братцы-североморцы! Немцы рядом, они забросают вас гранатами. Кто может, выходи отражать атаку!*

И раненые заняли позиции вблизи медпункта и били фашистов кто из пистолета или автомата, кто из винтовки, а кто и гранатой. Это был редкий случай, когда атаку противника отбили раненые».

Кому нужна ложь политрука Власова?

Эти слова комсомольского секретаря М.В. Лисичкина об атаке немцев на раненых, располагавшихся под мостом через Царицу, взял из рукописи Лисичкина в музее «Сталинградская битва», и в переименованном, утрированном виде вставил в книгу Чуюнова (На стремнине века, М., 1976 г. с.190), как свой рассказ выше упомянутый политрук Б.С. Власов: *«Помощник начальника политотдела по комсомольской работе политрук Магомед Меджинов в одной из контратак был тяжело контужен, но, придя в сознание на лодочной переправе, вырвался из рук санитаров и вернулся в боевые порядки батальона. Комиссар 4-го батальона Сергей Миньков, комсорг этого же батальона Михаил Лисичкин буквально не знали страха в бою. Они поднимали бойцов в контратаки даже тогда, когда у самих оставалось по одному патрону в пистолетах. Командиру пулеметного батальона Василию Яковлеву, получившему ранение в грудь, срочно приказали отбить за Волгу, но он не подчинился и продолжал руководить боевыми действиями подразделений. Командир третьего батальона Владимир Немцов и его заместитель Василий Покровский были доставлены в медпункт на перевязку ран. Им сообщили, что батальону грозит окружение. Они собрали раненых моряков и организовали ночную контратаку так, что гитлеровцы, потеряв более сотни солдат, откатились назад...»*

Кому нужна эта ложь политрука Власова? Прожившему достойную русского офицера жизнь командиру пулеметного батальона Василию Егоровичу Яковлеву, который на самом деле через две недели после «описываемых» Власовым событий действительно был тяжело ранен? Или Сергею Яковлевичу Минькову, погибшему в сентябре 1943 г. от взрыва мины в г. Кобеляки, которого вместе с комсоргом Михаилом Лисичкиным унижил своей жалкой фантазией «про последний патрон в пистолете» никогда не ходящий в атаку политрук Власов? Не нужна эта ложь ни лейтенанту Покровскому, ни павшему вскоре в бою Владимиру Немцову. У обоих хватало своих реальных заслуг, которыми должны гордиться их потомки.

Итоги боев на реке Царице

По свидетельству Н.Ф. Емельяненко, в ночь на 27 сентября, получив приказ, моряки покинули позиции на правом берегу Волги и переправились на остров Голодный.

Период сентябрьских боев южнее реки Царицы кончился. В этих боях 92-я стрелковая бригада с честью выполнила поставленные перед ней задачи. Приняв на себя огромной силы удар врага, она в течение девяти дней стойко сдерживала их.

Выигранное время обеспечило поступление свежих сил для укрепления обороны города у Мамаева кургана и севернее его.

В 1979 году бывший начштаба 92-й ОСБр не мог написать, что на самом деле руководство 92-й и 42-й морских бригад за отвод штабов и отход остатков разбитых частей на остров Голодный подверглось репрессиям со стороны военной прокуратуры: командир 92-й бригады подполковник Павел Ильич Тарасов, замполит бригады старший батальонный комиссар

Георгий Михайлович Андреев, исполняющий обязанности командира 42-й бригады капитан Павел Антонович Унжаков и замполит бригады Филипп Моисеевич Лукин были приговорены военным трибуналом фронта к расстрелу. Приговор, подписанный командующим Сталинградским фронтом А.И. Еременко и членом Военного Совета фронта Н.С. Хрущевым, был приведен в исполнение в октябре 1942 года.

Докладная записка ОО НКВД ДФ в УОО НКВД СССР «О работе особых органов по борьбе с трусами и паникерами в частях Донского фронта за период с 1 октября 1942 года по 1 февраля 1943 года» 17 февраля 1943 г. (ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 912. л. 325-328) Зам. наркома внутренних дел Союза ССР комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Абакумову гласит: *«За время боевых действий войск Донского фронта массовое бегство военнослужащих с поля боя и отход частей без приказа командования были единичными случаями.*

...26 сентября 1942 года, в период наступления немецко-фашистских войск на участке 92 отд. стрелковой бригады, командир бригады подполковник Тарасов и военком бригады ст. батальонный комиссар Андреев не организовали обороны, а проявив трусость, без приказа командования армии перевели КП бригады с правого берега Волги на остров.

Таким образом, Тарасов и Андреев самоустранились от руководства боев, в результате части бригады самовольно отошли с занимаемых рубежей.

На допросе, будучи арестованным, Тарасов показал: "Признаю себя виновным в том, что в напряженной боевой обстановке самовольно, без приказа штаба армии оставил бригаду и переехал на остров".

Тарасов и Андреев военным трибуналом приговорены к ВМН.

Казакевич»

При вынесении приговора факт потери управле-

ния войсками в южной части Сталинграда командованием 62 армии с 21 по 26 сентября ОО НКВД не был принят во внимание...

В итоге испорченная судьба семьи политрука 92-й ОСБр Г.М. Андреева.

Министру Обороны — Маршалу Советского Союза т. Жукову Г. К.

От Андреевой Елизаветы Константиновны, проживающей на ст. Голицыно Московской обл. Полиграфический институт, дом 13.

Заявление

Прошу Вашего содействия в выяснении истинной причины смерти моего мужа Андреева Георгия Михайловича — старшего батальонного комиссара 111 Отдельной Стрелковой бригады — погибшего на Сталинградском Фронте в начале ноября 1942 года.

До ноября 1942 года я имела с ним регулярную переписку и вдруг 8.11.1942 года Устькаменогорский горвоенкомат отобрал у меня денежный аттестат, а Устькаменогорский председатель горисполкома выселил меня из города Устькаменогорска в село Предгорное того же района.

На мой вопрос, почему меня выселяют, председатель горисполкома ответил, что мой муж «враг народа» и мне не место в Устькаменогорске.

В августе 1946 года Устькаменогорский горвоенкомат вручил мне извещение о том, что муж пропал без вести, а в 1948 году Устькаменогорский облвоенкомат сообщил мне, что мой муж расстрелян, не объясняя причины.

До настоящего времени я нигде не обращалась и только после того, как был разоблачен Берия и его сообщники, я все время стала думать о том, чтобы написать Вам и узнать истинную причину гибели моего мужа.

Не мог он быть врагом народа. На протяжении 23-х

лет пребывания в рядах Советской Армии (с 1919 по 1942 гг) он честно работал на благо защиты нашей Родины.

Все эти годы я была его спутницей и знала его как честного и преданного Родине человека.

Прошу Вас сообщить мне истинную причину смерти моего мужа.

Предлагаю копию выписки из приказа Главного Управления кадров НКО СССР 03324 от 29. 11.1945 г.

17 июля 1956 года, Андреева.

Н.Ф. Емельяненко о героях сентябрьских боев

Николай Федорович называет: орудия и противотанковые ружья истребительно-противотанкового дивизиона старшего лейтенанта А.И. Ванидзе (комиссар — старший политрук М. И. Фишбейн); минометчиков старшего лейтенанта С.И. Железнякова (комиссар — политрук Ф.Г.Платонов); минометную роту С.И. Волобуева; пулеметчиков пулеметного батальона майора В.Е. Яковлева (комиссар — старший политрук М.З. Степанченко); пулеметчиков стрелковых подразделений В.Г. Коптяева и А.Г. Кильматова; саперов лейтенанта И.Ф. Галенова, а после его гибели — младшего лейтенанта Е.Р. Гевита (комиссар — политрук И.Я. Поварня); связистов старшего лейтенанта Н.С. Ханыгина; девушек-санитарок **Нину Капитонову и Елену Богданову, санинструктора отдельной разведроги бригады моряка Сергей Коломейцева и военфельдшера батальона автоматчиков Сергея Федотова, которые были награждены орденом Ленина** и проявивший самоотверженность весь медицинский персонал бригады, работа которого, несмотря на невероятное напряжение физических и духовных сил, отличалась высоким профессиональным мастерством.

В ночь на 24 сентября, когда центральная переправа перестала действовать, врач 2-го батальона (впоследствии начальник медсанслужбы) Андрей Жарков по указанию командования организовал сбор и эвакуацию раненых на левый берег Волги, используя подручные средства. В распоряжение Жаркова выделили саперов и бойцов. Из бревен, разбросанных по берегу, они быстро смастерили плоты. На каждом размещали по 2—3 тяжело- и по 4—5 легко раненых. Первых укладывали в середине плота, а легко раненые садились по краям и гребли кто обломком доски, кто куском фанеры, а кто полоской кровельного железа от крыши разрушенного дома. Все это происходило под непрерывным артиллерийским, минометным и автоматнo-пулеметным огнем противника. Таким путем только за одну ночь было эвакуировано свыше 2000 раненых.

Более двух суток не отходил от операционного стола хирург Н.В. Фрыгин. Он оперировал, пока буквально не свалился с ног. Ему помогли врач З.Ф. Алексеева и медсестры Мария Тодосьева и Нина Болдырева. После короткого отдыха врач продолжил операции. Всего за эти дни он прооперировал свыше 300 раненых. За свой самоотверженный труд был награжден орденом Красного Знамени..

Н.Ф. Емельяненко приводит рассказ бывшего командира батареи 85-го гвардейского гаубичного артиллерийского полка Резерва Верховного Главкомандования С.В. Глуховского:

«В Сталинграде мне довелось участвовать в поддержке боевых действий многих соединений, в том числе 13-й, 39-й, 37-й гвардейских и 138-й стрелковых дивизий. Там люди сражались героически. Но такого бесстрашия, какое проявляли воины 92-й стрелковой бригады, мне не приходилось встречать. Я видел, как мо-

Санструктор из Чувашии
Нина Капитонова

ряки штурмом брали бетонную громаду элеватора, как немцы, преследуемые по пятам краснофлотцами, в панике выбрасывались из окон верхних этажей, как на одной из улиц южнее реки Царицы моряки шли в атаку на огнеметы врага.

Дважды своими собственными глазами я видел, как, жертвуя собой, матросы бросались под фашистские танки, подрывая их вместе с собой. Моряки дрались за каждый

дом, за каждую складку местности».

О храбрости, стойкости и мужестве моряков вынуждены были говорить даже наши враги. Упомянувшийся уже писарь из 94-й немецкой пехотной дивизии Гофман 26 сентября записал в своем дневнике: «Наш полк ведет непрерывные тяжелые бои. После взятия элеватора русские сопротивляются с таким же упорством. Их совсем не видно, они засели в домах и подвалах и бьют со всех сторон, в том числе и с тыла. В кварталах, занятых два дня тому назад, откуда-то появились русские солдаты, и бой разгорелся с новой силой. Наши люди гибнут не только на передовой, но и в тыловых, уже занятых кварталах. Русские совсем перестали сдаваться в плен. Сталинград— это ад!»

Но единоборство с вооруженными до зубов гитлеровцами и морякам обошлось дорогой ценой. После сентябрьских боев в бригаде (без находящихся на

левом берегу артиллерийского и минометного дивизионов и тылов) осталось 214 человек.

Подсчитывая потери 92-й бригады за 9 дней боев Николай Федорович Емельяненко говорит о двух тысячах погибших и трех тысячах раненых, многие из которых потом вернулись в строй и продолжали громить врага.

Считаю уместным привести здесь **выдержку**

из письма в музей «Сталинградская битва» одного из числа выживших раненых

старшины 1-й статьи, помощника командира 2-го взвода, 1-й роты, 1-го батальона Билыка Константина Павловича, проживающего: Днепропетровская обл., г. Пятихатка, ул. Варшавская, д. 149:

...примерно в 3 часа дня <19 сентября> нас раненых на плащ-палатках отнесли в батальон на берег Волги. И когда стало темнеть, моряки сбили плоты и стали переправлять раненых на другой берег Волги. Но на плот садились те, кто мог сидеть и гребсти доской...

Положили нас троих лежащих и четырех, что могли гребсти. Немец обстрелял трассирующими пулями и сидящих двух вторично ранил.

Но моряки нигде не сдавались. Собравшись с последними силами, мы все-таки подплыли к острову

Санинструктор 4-го ОСБ 92-й ОСБр Богданова Елена Федоровна

*Старшина 1-й статьи
Билык Константин Павлович*

Голодный. Тут кто мог идти, ушел, а нас трое осталось на плоту.

На мое предложение: есть еще одна рука здоровая. И у тебя, связной, тоже. Давай будем ползти. И мы поползли. Босые, без головных уборов, с разрезанными гимнастерками и разорванными брюками. А уже морозец к утру идет - песок холодный. Доползли мы к кустарнику и обнаружили блиндаж с сухим сеном. И мы вползли туда погребца. Там и заснули... Проснулись — уже солнце к обеду, а фашистские самолеты бомбят остров Голодный. Пока перебомбили, мы выждали. Потом решили путь продолжить дальше. Не прошло и полчаса, мы выползли из кустарника. Нас увидал старший лейтенант-танкист, который дал команду «подобрать раненых». Нас подобрали, накормили, сделали перевязки и отправили в госпиталь в г. Ленинск, а потом в Енгельс, где я пробыл 7 месяцев.

После выздоровления попал в Тамбов, в школу младших лейтенантов...

Никаких упоминаний о Билыке Константине Павловиче в послевоенных публикациях автору найти не удалось.

«

**Почему моряки и пехотинцы
92-й бригады после войны
были выбраны в качестве
«мальчиков для битья»?**

В данной главе автор пытается исследовать вопрос: как появились после войны и начали размножаться «охотничьи рассказы» разных авторов, ставящих целью принизить роль 92-й морской бригады во время Сталинградской битвы.

Куда пропал взятый 92-й морской бригадой 18 сентября 1942 года пленный?

Оперсводка № 01 92-й морской бригады на 20 часов 18.9.42 г. гласит: *«В течение дня переправившиеся части бригады занимали районы обороны согласно приказа штарма № 75. Части встретили сопротивление автоматчиков и огневых средств противника (минометы, артиллерия, отдельные танки) и к 20.00 18.9.42 вышли на рубеж:*

1-й стр. б-н — ул. Социалистическая (от реки Царица до ул. Молотова), б-н имеет потери: убито — 21 чел., ранено — 56 чел.

Взят пленный 94 пд пр-ка, который был отправлен в штаर्म и по ошибке сдан 13 гв. СД...»

А.И. Родимцев в книге «Гвардейцы стояли на смерть» (ДОСААФ, М., 1969) на стр. 65 пишет: *«Заваченный в плен 20 сентября солдат 267-го пехотного полка 94-й немецкой дивизии показал на допросе, что в составе маршевого батальона он срочно переброшен сюда на самолете из Таганрога. После полуторанедельного обучения батальон ввели в бой, за два дня он потерял убитыми и ранеными несколько сот человек, а штаб батальона в результате огневого налета нашей артиллерии целиком уничтожен».*

Среди исследователей Сталинградской битвы долгое время стоял вопрос: откуда в 13-й гв. дивизии мог появиться пленный из 94-й немецкой пехотной дивизии, ведущей наступление на элеватор и территорию значительно южнее реки Царицы? Ведь даже

в не очень объективном труде академика А.М. Самсонова «Сталинградская битва» (М., Наука, 1983) на стр. 184-185 написано: *«С утра 15 сентября противник повел наступление в двух направлениях. Немецкие части 295-й и 71-й пехотных дивизий, усиленные танками, наносили удар по центру 62 армии в районе вокзала и Мамаева кургана; части 24-й и 14-й танковых и 94-й пехотной дивизий атаковали левое крыло армии в пригороде Минина, Купоросное...»*

Теперь при прочтении: 1) оперсводки 92-й ОСБр на 20 часов 18 сентября 1942 года и 2) выдержки из книги А.И. Родимцева стало понятно, что речь идет об одном и том же пленном. Нескромность генерала А.И. Родимцева позволила записать пленного, захваченного 92-й морской бригадой, на счет своей 13-й гвардейской «героической» дивизии.

Еще один «охотничий» рассказ А.И. Родимцева, вложенный им в уста сержанта Ермолаева

В своей книге «Гвардейцы стояли насмерть» на стр. 70-71, излагая события за 21 сентября 1942 г. в районе железнодорожного вокзала Александр Ильич описал девушку-санитара, выводящую в тыл раненого: *«Через минуту передо мной предстали та девчужка-санинструктор и высоченный плечистый боец с забинтованной верхней частью лица.*

— Ты на кого кричишь, боец? Почему с ней пререкаешься? — проговорил я, с трудом сдерживаясь, чтобы не обругать этого детину, обидевшего заботившуюся о нем девчонку.

— Я из роты Кравцова, товарищ генерал... младший сержант Ермолаев. Меня Федосеев просил...

— Федосеев! — меня словно обожгли его слова. — Рассказывай, что там?.. — сам не замечая, я сменил гнев на милость.

В штабе 62 армии. Слева направо начальник штаба Н.И. Крылов, командарм В.И. Чуйков, военком К.А. Гуров, командир 13-й гв. дивизии А.И. Родимцев

— С утра фашисты лезли на наш батальон и на соседний, что к нам на подмогу подбросили, — начал младший сержант. — Мы все время отбивались. Потом пошли их танки, с автоматчиками на броне. С тыла...

— Как с тыла? А сосед?

— Теперь там нашим соседом оказался немец. **Стрелковая бригада, что была рядом, (42-я ОСБр.-В.Ш.) и та, что была за Царицей (92-я ОСБр — В.Ш.), — за Волгу ушли. Да какая там бригада! Одно название.** Вот немец и зашел нам в тыл. Командиры рот Колеганов и Кравцов, как только передышка выдалась, донесение Федосееву написали и со мной отправили. Когда же я до него добрался, тут нас и отрезали...

— Кого это вас?

— Весь штаб батальона. Старший лейтенант Федосеев собрал всех нас — человек двадцать с хоззвонком набралось — и организовал круговую оборону.

Часа три мы отбивались. И в штыки не раз ходили, и гранатами... Потом нас роты Колеганова и Кривцова выручили... Хотя в этих двух ротах и взвода не набралось. Кравцов и Колеганов сами шли в цепи в атаку. Вот тут меня и ранило: лицо какой-то фриц гранатой покарябал. Это ничего, только б глаза были целы, — в голосе Ермолаева прозвучала надежда. Федосеев то донесение, что я принес, мне обратно отдал, когда меня после перевязки в тыл отправляли: передай, сказал, чтоб до начальства дошло. А нам теперь не до бумаг... <...>

Из-за отхода левого соседа дивизия дралась теперь без прикрытия левого фланга. А что, если гитлеровцы переправятся через Царицу? Они легко могут пройти по береговой кромке нам в тыл и отрезать дивизию от Волги, захватить переправы! <...>

Ермолаев, приподняв на груди автомат, расстегивает ворот гимнастерки и из-за пазухи достает сложенный вчетверо листок бумаги. <...> этот листок — последнее послание из его батальона, он очень бережно протягивает в мою сторону. Ни я, ни Ермолаев, ни тем более девушка-санструктор не догадывались тогда, что этот листок войдет в историю Великой Отечественной войны как один из редких документов о беспримерном мужестве гвардейцев Сталинграда.

Я разворачиваю...и начинаю читать, чтобы слышали эти два бойца — младший сержант и старшина медицинской службы:

«Донесение

11.30, 20.9.42 года

Гвардии старшему лейтенанту Федосееву.

Доношу, обстановка следующая:

Противник всеми силами старается окружить мою роту, заслат в тыл моей роты автоматчиков, но все

его попытки не увенчаются успехом. Несмотря на превосходящие силы противника, наши бойцы и командиры проявляют мужество и героизм... Пока через мой труп не пройдут — не будет успеха у фрицев.

Гвардейцы не отступают. Пусть падут смертью храбрых бойцы и командиры, но противник не должен перейти нашу оборону. Пусть знает вся страна тринадцатую гвардейскую дивизию и третью стрелковую роту...

Командир третьей роты находится в напряженной обстановке и сам лично физически не здоров. На слух оглушен слаб. Приходит головокружение — и падает с ног, происходит кровотечение из носа. Несмотря на все трудности, гвардейцы и лично третья рота и вторая не отступят назад... Да будет немцам могилою советская земля!

Лично убил командир третьей роты Колеганов первого и второго пулеметчиков фрицев и забрал пулемет и документы, которые представлены в штаб батальона.

Надеюсь на своих бойцов и командиров. Гвардейцы не пожалеют жизни за полную победу Советской власти...

Командир третьей стрелковой роты — гвардии младший лейтенант Колеганов.

Командир второй роты — гвардии лейтенант Кравцов».

При прочтении данного письма сразу возникают сомнения в том, что оно было написано во время передышки между перестрелками, когда отведено несколько минут на написание. При этом в письме ничего не сказано про оставление позиций соседями с левого фланга (42-й и 92-й бригадами).

Получается, что тяжкое обвинение в адрес моряков прозвучало из уст высоченного плечистого бойца по фамилии Ермолаев. Но в это тоже нельзя поверить,

чтобы младший сержант в присутствии генерала делал глобальные стратегические выводы. Получается, что придумал монолог Ермолаева сам Родимцев. При этом вымысел об оставлении позиций 92-й бригадой был передан по цепочке подчиненных Родимцева и дважды (в 1969-м и 1970-мм годах) был описан в статье бывшего командира 42-го гв. полка И.П. Елина. Все эти пасквилы в адрес 92-й ОСБр вызвали возмущение моряков и пехотинцев 92-й морской бригады.

О книге Н.И. Крылова «Сталинградский рубеж»

Как бы то ни было, но постепенно со временем обвинения в адрес соседней 42-й бригады были сняты. В книге маршала Н.И. Крылова «Сталинградский рубеж» (М., Воениздат, 1973) 42-я бригада выглядит уже героическим соединением, до конца выполнившим свой долг. При этом ничего не сказано о расстреле исполняющего должность командира бригады капитана Унжакова и политрука Лукина.

На тему вышедшей в Москве книги Н.И. Крылова бывший начштаба 92-й бригады сообщил в письме А.О. Хозяинову:

Получил интересное письмо от Глуховского, бывшего командира батареи 85-го ГАП РКС, которая в начале боев за Царицей несколько дней поддерживала нас. Сам Глуховский с разведчиками и радиостанцией находился на НП в боевых порядках бригады, а его батарея находилась на левом берегу Волги и оттуда вела огонь по его командам с закрытых позиций. Я упоминаю о нем в нашей книге. Так вот, этот Глуховский (он живет в Донецке) был возмущен наскоками Зотова на комбрига 92-й, которые включил в свою книгу «Сталинградский рубеж» маршал Крылов. Он спрашивал у меня перед этим: кто уполномочил Зотова писать письмо Крылову с нападками на

комбрига, которые кладут темное пятно и на доброе имя бригады? Ведь Зотов писал и подписывался как член Совета ветеранов 92-й. Так неужели совет 92-й разделяет точку зрения Зотова, неужели Совет разрешил подрывать авторитет бригады, которой он является? И Глуховский прав. Даже частное письмо такого важного характера, затрагивающее честь и достоинство бригады, Зотов обязан был согласовать хотя бы с активом ветеранов 92-й, а уж если он выступал, как член Совета, то обязан был получить на такое обращение к маршалу согласие Совета 92-й. Думая, что Крылов, возможно, как-либо изменил выражения письма Зотова, и Зотов может быть не виноват в подрыве авторитета бригады в книге Крылова, Глуховский написал письмо Зотову. Но не тут-то было. Зотов ответил ему в таком духе, что все, мол, правильно и плевки в адрес комбрига, якобы, нисколько не вредят авторитету бригады, что «слова из песни не выбросишь». «Но ведь это не верно, - пишет мне Глуховский, - это только говорится так, а в действительности если в какой песне случаются плохие слова, их выбрасывают, а если таких плохих слов много, то и всю песню выбрасывают». Зотов даже пытался оскорбить Глуховского в том духе, что, мол, тогда смылись, а вот побыли бы на моем месте, то по другому разговаривали бы.

Не могу удержаться, чтобы не привести некоторые выдержки из последнего письма Глуховского ко мне. Он пишет: «В первый раз встретился я с человеком (имеется в виду Зотов Н.Е.), который в своекорыстных целях чернит свою часть, своих товарищей, а тем более погибших. Получив его письмо, я написал письмо в военное издательство. Получил уже и ответ, в котором говорится: "Ув.тов.Глуховский! Благодарим Вас за добрые слова о книге Н.И. Крылова и за светлую

память о своих боевых товарищах. Ваше сообщение мы принимаем к сведению. Главн.редактор Военно-мемуарной литературы Макеев". Судя по ответу, думаю, что издательство согласилось со мною. А я им дал в письме вначале общую (хорошую) оценку книге и высказал свое несогласие с тем, что написано о командовании 92-й осбр. Просил при переиздании книги изъять те несколько абзацев на стр.173 и 174, в которых говорится о "самовольной смене" КП комбригом 92-й и далее все выдержки из письма Зотова маршалу. Написал, что Зотов не дорожит честью своей бригады и честью своих товарищей, как живых, так и погибших в боях. Далее сообщил, что было значительно хуже, чем написано в книге, что был суд военного трибунала, а не просто отстранили от должности комбрига, что я не берусь давать оценку командованию бригады, так как не в курсе этого дела, но видел, как дрались подразделения бригады, а дрались они героически, и большинство воинов бригады погибло. Написал, что сообщение некоторых данных, позорящих комбрига (которого давно нет в живых) бросает тень на светлую память тех, кто отдал жизнь за нашу победу, бросает тень на доброе имя бригады. Написал, что бригада награждена за бои в Сталинграде орденом Красного Знамени, что ей воздвигнут ныне монументальный памятник у волгоградского элеватора. **В своем письме в Воениздат я также подчеркнул, что решение комбрига на смену КП без разрешения командарма (с которым 5 суток не было связи) не было главным событием в боевых действиях бригады.** Главным было то, о чем на стр.174-й пишет сам Н.И.Крылов: "Но то, что армия в целом выстояла, зависело также и от 92-й бригады, которая оттянула на себя, сковала за Царицей крупные силы противника, превосходившие в несколько раз ее собственные". Зачем

же в эту бочку меда добавлять ложку дегтя? Ведь даже ребенку понятно, что эта ложка дегтя испортит весь мед.

Думаю, что вашим ветеранам тоже об этом нужно написать, чтобы снять пятно с доброго имени бригады.

А Зотову я написал, что хотел он того или нет, но выступил свидетелем против своей бригады и однополчан. На личные оскорбления не считал нужным отвечать.

*Я считаю, что если Зотов узнал о том, что маршал Н.И.Крылов готовит свои мемуары к изданию, то обязан был сообщить об этом ветеранам бригады и сделать так, чтобы защитить честь бригады, помочь Крылову правильно изложить ее боевой путь, показать ее героев. Сделать так, как сделал бывший командир 42-й Батраков, которому Крылов высказал благодарность в книге. Ведь и врид командира 42-й бригады капитан Унжинов (правильно Унжаков. - В.Ш.) в тот же день и тот же час, и там же у р. Царицы, так же, как комбриг 92-й, самовольно сменил свой КП на о. Голодный, и так же, как комбриг 92-й, был предан суду ВТ и был приговорен к такому же наказанию. Но об этом ничего не сказано в книге Крылова. Наоборот, на стр.172-й и 173-й осбр дается прекрасная характеристика и ни одного пятнышка. **Ложка дегтя была (такая же, как для 92-й), но эту ложку Крылов не вылил в бочку меда, разлитого в книге в честь 42-й осбр на 172-й и 173-й страницах.** Батраков понимал, в каком неприглядном виде оказалась бы 42-я, если бы Крылов упомянул о самовольной смене КП комбригом 42-й Унжиновым (Батраков был тогда ранен и находился в госпитале). **Так почему бы вашим ветеранам не попросить, а то и потребовать восстановления равноправия с 42-й***

осбр? Если они патриоты своего соединения и помнят о погибших своих товарищах, то это им надо сделать.

А вообще-то это какое-то необыкновенное явление. Где это видано, чтобы "чуждой" для бригады человек доказывал, что ваше соединение хорошее, а ему бывший воин этой бригады доказывал обратное, да еще и с оскорблениями. Сказать кому-либо - не поверит. Конечно, мы не можем защищать, а тем более одобрять поступок комбрига, но изъять упоминание о нем можно и нужно».

То есть 92-я бригада у Николая Ивановича Крылова выглядит изгоем и расстрел подполковника Тарасова и замполита Андреева (почти в один день с Унжаковым и Лукиным) выглядит как побег моряков 92-й бригады на остров Голодный вслед за переправившимися туда командирами, хотя на самом деле бойцы 42-й бригады начали стихийную переправу раньше, причем в тот момент, когда их командиры еще оставались на правом берегу.

Комментарии, как говорится, излишни.

«Охотничий рассказ» А.И. Родимцева в обработке академика А.М. Самсонова

Самое главное — в рассказ-сказку А.И. Родимцева о сержанте Ермолаеве поверил академик А.М. Самсонов, отобразив эту неправду в своем историческом фолианте «Сталинградская битва» (М., Наука, 1983). Хотя в этом труде не всегда прослеживаются академичность.

На стр. 189 начинается рассказ о действиях 92-й ОСБр на правом берегу Волги: *«К вечеру <17 сентября> на усиление армии прибыли из резерва Ставки хорошо укомплектованная 92-я стрелковая бригада и 137-я танковая бригада» (из состава 2-го танкового корпуса) с легкими танками, вооруженными 45-мм пуш-*

ками. Танковая бригада была направлена на правый фланг 13-й гвардейской стрелковой дивизии, а 92-я стрелковая бригада — левее дивизии Родимцева с задачей не допустить прорыва противника к Волге вдоль р. Царицы...» При этом Александру Михайловичу кажется, что линия обороны 92-й бригады в те дни граничила с линией обороны 13-й гв. дивизии, хотя, как сообщает об этом в 1979 году в своей книге «Моряки верны традициям» Н.Ф. Емельяненко (см. стр. 69-70): «Соседом 92-й стрелковой бригады справа были остатки 244-й стрелковой дивизии, переданные затем оборонявшейся правее 42-й стрелковой бригаде. 272-й стрелковый полк 10-й дивизии войск НКВД занимал оборону за правым флангом 42-й стрелковой бригады, примыкая в районе вокзала Сталинград-1 к левому флангу 13-й гвардейской стрелковой дивизии.

Участок южнее реки Царицы до элеватора должен был занять, согласно боевому распоряжению командира 244-й стрелковой дивизии, ее 911-й стрелковый полк. Но в нем оставалось всего 160 человек, в том числе 55 — из минометного батальона, который, расстреляв боеприпасы, был выведен в резерв на левый берег Царицы...»

То есть А.М. Самсонов, в противоречие со словами очевидца боев Н.Ф. Емельяненко, чья книга на четыре года вышла раньше фолианта Самсонова, утверждает, что правым соседом 92-й бригады непосредственно являлась 13-я гв. СД генерала А.И. Родимцева, а не остатки 244-СД, правее которых еще были 42-я СБр и 272-й полк 10 СД НКВД...

Далее на стр. 191 А.М. Самсонов, не посмотрев предварительно боевые донесения и оперсводки 92-й и 42-й бригад за 22 сентября, повторил неточность формулировки штаба 62-й армии. Штабистам 62-й почему на тот момент показалось, что 92-я бригада

граничит с 13-й гв. сд, хотя между ними находились части 42-й ОСБр с приданными им остаткам 244-й сд и 10-й сд НКВД: *«В частном боевом приказе по 62-й армии 22 сентября 1942 г. в 9 час. 45 мин. говорилось:*

«1. Противник, выйдя передовыми частями в район Прист., разобщи́л фронт армии, изолировав 92-ю сбр от 13-й гв. сд, нарушив Центральную переправу.

2. Армия, отражая атаки врага, продолжает выполнять задачу по уничтожению противника, занявшего центральную часть города.» (ЦАМО СССР, 50312, д.2, л.372)

Сразу уточним, что за время нахождения 92-й бригады на правом берегу соединение никогда не граничило с 13-й гв. сд Родимцева. Даже 25 сентября 1942 года между данными соединениями оставались подразделения 42-й бригады. В частности 25 сентября Дворец Пионеров, из которого 21 сентября комбриг Елисеев послал боевое распоряжение брошенным майором Лотоцким 100 бойцам капитана Назарова в эlevator, продолжал оборонять 4-й батальон моряков бригады, парторгом которого был Савва Пикуль — отец известного писателя Валентина Саввича Пикуля. То есть сведения, почерпнутые откуда-то академиком Самсоновым о существовании разграничительной линии между 92-й ОСБр и 13-й гв. СД являются неверными. Однако продолжим цитирование 189 стр. книги «Сталинградская битва»:

22 сентября пехотные части немцев при поддержке около 100 танков почти непрерывно атаковали позиции 34-го и 42-го гв. сп 13-й гв. сд. <...> Во второй половине дня группа противника прорвалась в район оврага Долгий, выйдя на правый фланг 34-го гв. сп. В то же время другая группа противника, наступавшая в направлении Крутого оврага, площади 9 января, захватила площадь и вышла на Артиллерийскую улицу,

угрожая левому флангу полка. <...> Несколько немецких танков прорвались к Волге. КП полка был окружен. <...> Генерал Родимцев в ту же ночь бросил на выручку свой резерв. Контратакованные в районах оврага Долгий и площади 9 января прорвавшиеся туда гитлеровцы были отброшены. <...> Прежнее положение восстановлено. <...>

В сторону Волги по оврагу реки Царицы пробивалось около полка вражеской пехоты. (Это уже полный вымысел А.М. Самсонова, не соответствующий действительности. В этот день, согласно боевым документам 92-й ОСБр, немцы даже не пытались пройти оврагом р. Царицы. — В.Ш.) Южнее, где противник натупал по улице КИМа силой до полка пехоты, усиленной танками, немцам удалось отрезать 92-ю и 42-ю бригады от частей 13-й гв. сд. (Улица Ким находится в полукилометре южнее р. Царицы. — В.Ш.)

То есть уважаемому академику со слов Родимцева показалось, что немцы прорвали оборону 92-й и 42-й бригад и вышли к Волге. Это неправда. Немцы прошли к Волге прямо от ж.д. вокзала Сталинград I, смяв боевые порядки 42-го полка Елина. А овраг реки Царицы в этот момент, также как и улицу КИМ даже не пытался занять противник. Академики не должны так сильно ошибаться, да еще в таких фолиантах, ставших учебниками. Некрасиво было на протяжении стольких лет (с 1983 года) вводить в заблуждение учителей и школьников, изучающих по этому научному труду Сталинградскую битву.

Непонятно, почему А.М. Самсонов не прочитал В.И. Чуйкова, который не раз писал (см. стр. 164 «От Сталинграда до Берлина»): «Дни 21 и 22 сентября были критическими для войск 62-й армии. Противник ценой больших потерь первый раз разрубил армию на две части: на участке 13-й гвардейской стрелковой дивизии

он вышел на улицу 2-я Набережная, а его передовые подразделения — к центральной пристани».

В рассказе о 22 сентября В.И. Чуйков делает вывод: *«И все же, несмотря на численное превосходство, особенно в танках, гитлеровцам не удалось отрезать дивизию Родимцева от основных сил армии. Гвардейцы отошли лишь несколько севернее центральной переправы, но центр города отстояли...»*

Анализируя описание 21 и 22 сентября в «Сталинградской битве» А.М. Самсонова, трудно понять, как автор мог поверить на слово придуманному Родимцевым действующему персонажу пьесы «Гвардейцы отошли насмерть» по фамилии Ермолаев.

Об этом говорит письмо ветеранов 92-й бригады Главному редактору «Военно-исторического журнала» (Москва К-160, ул. Кропоткинская, 19) от 17 июня 1971 года. В письме разбирается статья генерал-майора Елина, дважды напечатанная журналом в 1969 и 1970 гг. В данной статье генерал Елин вслед за генералом А.И. Родимцевым («За Волгой для нас земли нет», М., 1969) нафантазировал о прорыве немцев 21 сентября на участке 92-й морской бригады к Волге, в результате чего противник, якобы, ударил с тыла по подразделениям 42-го гв. полка Елина, ведущего бой в районе вокзала «Сталинград-1». Вышло уже две редакции статьи в 1969-м и 1970-м гг. При этом вторая редакция, несмотря на сделанные редактору замечания бывшими моряками и командирами 92-й морской бригады, вышла без изменений.

В итоге ветеранами 92-й ОСБр было написано письмо ставшему генералом Елину, с которым участники сентябрьских боев 92-й бригады Фомичев А.Н. и Хвостов А.С. пришли на квартиру к автору пасквиля на 92-ю бригаду. Встреча произошла в конце 1970 года. Вот описание этой встречи с Елиным и доводы

о лживости его статьи: «В начале Елин очень неубедительно пытался доказать, что в его статье нет искажений истины. Затем под воздействием фактов понял, что ничего доказать не сможет, и начал ссылаться на то, что статью, якобы, редактировали маршалы Советского Союза Чуйков и Еременко, мнения которых он изменить не смог. (Что для нас является очень сомнительным, поскольку Чуйков в своих воспоминаниях утверждает совсем не то, что утверждает Елин). <...>

В сборнике «Битва за Сталинград» (Нижне-Волжское книжное издательство, 1969) в статье «В центре города» бывший командир 42-го гв. СП 13-й гв. СД Елин пишет: «С утра 21 сентября фашисты нанесли массированный удар вдоль реки Царицы. Они смяли и разрезали боевые порядки 92-й стрелковой бригады, выйдя к исходу дня к Волге, начав распространяться по берегу на север. Левому флангу нашего полка угрожала опасность с юга» (Стр. 202) <...>

В конце письма гл. редактору Военно-исторического журнала 30 подписей участников сентябрьских боев 1942 года из 92-й ОСБр.

Пользуясь случаем, приведем еще письмо старшего лейтенанта 92-й бригады замначальника разведки бригады Лукаша Александра Степановича в музей «Сталинградская битва» с критикой статьи Елина:

«Некоторые, например бывший командир 42-го пока 13-й гв. дивизии, ставший потом комбригом 92-й бригады полковник Елин, в своих послевоенных воспоминаниях утверждают, что немцы 21 сентября сорок второго вышли к Волге на участке 92-й морской бригады. Это неправда.

На самом деле 21 или 22 сентября немецкая пехота с танками атаковала боевые порядки 13-й гв. дивизии. И ей удалось прорвать оборону в стыке двух

полков этой дивизии Елина и Панюхина. В итоге группа в 15-20 танков и до батальона пехоты вышла к Волге в районе оврага Долгий. Почти одновременно немцы вышли к Волге в районе площади 9 января, т.е. в районе центральной переправы. (Это значительно севернее боевых порядков 92-й ОСБр, находящихся к югу от р. Царица. — В.Ш.). 13-й гв. СД удалось оттеснить прорвавшегося противника от Волги, кроме точки на левом фланге своей дивизии...

Удивляет, почему Елин забыл все это?!»

В этом же, написанном для истории Сталинградской битвы письме А.С. Лукаш дает характеристику двум командирам бригады:

«Коротко о комбриге — майоре Штриголе. Это человек особого склада. Самоуверен, высокого о себе мнения. Почти никому ничего не верил, да и сам не особо часто пытался проверять то, во что не верил. Больше находился на КП бригады. Больше проявлял грубости, чем требовательности. Все это в значительной мере сказывалось на управлении бригадой — чувствовалась нервозность и неуверенность. Таких как Штриголь были единицы, а основной костяк — это боевые хорошие ребята.

Во второй половине ноября к нам в бригаду прибыл новый начальник разведки — капитан Рукавцов...» Далее идет характеристика новому начальнику разведки бригады капитану Рукавцову. После чего идет описание боев под руководством нового комбрига полковника Елина.

«Вскоре (11 января 1943 г.) Штриголь был отстранен от должности, как не обеспечивающий твердое управление, а еще и потому, что своей повседневной грубостью и неуважением тех, с кем решалась судьба бригады угнетал личный состав бригады.

Прибыл Елин, который ради своей карьеры оклеветал 92-ю бригаду, написав, что она не устояла 21 сентября 1942 г. и открыла путь немцам к Волге. — Клевета!

Он имел славу как бы знатока ведения боев в городе мелкими подразделениями в качестве штурмовых групп. Но при этом, пропустив немцев к Волге на фланге своего 42-го полка 13-й гв. дивизии 22 сентября 1942 года, Елин без стеснения кричал с высоких трибун (и эта ложь вошла в анналы Сталинградской битвы! — В.Ш.), что его 42-й полк не имел ни одного поражения — из любых условий выходил победителем.

С первых дней своего командования 92-й морской бригадой полковник Елин безжалостно и бесчеловечно попирал хорошее имя морской бригады — терроризировал весь офицерский состав, желая все и вся перевернуть вверх дном. Никому не верил и не доверял, над каждым командиром батальона установил опеку из офицеров штаба. Всякая инициатива на местах давилась им: «Делай так, как говорят!» Хотя было очевидно, что воевать по инструкции, тем более по подказке, невозможно...»

Последним в списке описываемых А.С. Лукашем идет новый начштаба бригады майор П.И. Турбин: «Начштаба бригады майор Турбин, которого мы некоторое время не понимали, а потом любили и уважали, был полной противоположностью Елину. Строгий, рассудительный, всесторонне грамотный, скромный и культурный. У такого начальника штаба многому можно было научиться, и мы учились. Мне пришлось с ним воевать в составе 93-й гв. СД, где он стал начштаба дивизии. Жаль, что такой прекрасный человек не дождался победы. Он попал в окружение под Новгородской Кировоградской области (7 января 1944 г. — В.Ш.) был взят в плен и замучен фашистами...»

О книге Н.И. Афанасьева

«От Волги до Шпрее»

(М., 1982, Воениздат МО СССР)

Для начала приведем выдержку со стр. 73: *«Бои за элеватор продолжались днем и ночью. Его защитники несли большие потери. ПТР остались без боеприпасов, кончились гранаты, на исходе были бутылки с горючей смесью. Командир полка А.А. Герасимов понимал, как трудно небольшой группе бойцов вести бой за элеватор. Поэтому он отдал приказ гв. ст. сержанту А.А. Павленко провести на помощь гарнизону элеватора группу бойцов 101-го полка и только что прибывших моряков-североморцев из 92-й стрелковой бригады (ЦАМО РФ, ф. 345, оп. 5487, д. 5, л. 355).*

Старший писарь 101-го полка А.А. Павленко хорошо ориентировался в городе — он неоднократно выполнял задания командира полка. И на этот раз он успешно вывел в район элеватора группу бойцов и моряков. На подступах к элеватору этой группе пришлось принять бой с автоматчиками противника, которые уже окружили элеватор. Линии фронта, такой, как ее обычно представляют, в Сталинграде не существовало. Пехотинцам и морякам с боем пришлось пробиваться к элеватору. А.А. Павленко возглавил атаку и первым ворвался в расположение врага, уничтожив из автомата трех гитлеровцев. Гарнизон с криками «ура» встретил группу А.А. Павленко. За мужество, проявленное в боях на подступах к элеватору, он был награжден медалью "За отвагу"».

Далее на стр. 74 Н.И. Афанасьев продолжает: *«Кровопролитные бои за элеватор подразделения 35-й гв. СД вели по 21 сентября 1942 г., до тех пор, пока командование армии не отдало приказ передать рубеж обороны морякам 92-й стрелковой бригады...»*

Далее Афанасьев приводит выдержки в подтвержд-

дение слов со стр. 129 и 130 из книги В.И. Чуйкова «Сражение века», М., 1975 г.:

В.И. Чуйков писал: «Бои на южной окраине города в районе элеватора по упорству наших людей заслуживают особого внимания (стр.130). А вот как охарактеризовал бои за элеватор командир 35 гв. СД полк В.П. Дубянский. По телефону он докладывал командиру армии В.И. Чуйкову: "Обстановка изменилась. Раньше мы находились наверху элеватора, а немцы внизу. Сейчас мы выбили немцев снизу, но зато они проникли наверх, и там, в верхней части элеватора, идет бой"» (стр. 129 из книги Чуйкова).

Интересно, откуда такая подробная информация, если Чуйков узнал об элеваторе только в 1957 году из письма Хозяинова? Ведь согласно всех донесений 62-й армии в штаб фронта элеватор с 16 сентября находился в руках противника.

Сразу же предложим вниманию читателя выписку из «Исторического формуляра 35-й гв. СД» (ф. 35 гв. сд, оп. 1, д.10, л.3 об.), который не удосужился прочесть литератор Афанасьев: «17.9.42 г. после сильной арт и мин подготовки противник силою до 2-х полков пехоты и до роты танков начал наступление, нанося главный удар вдоль берега Волги, стремясь окружить части дивизии. Все 5 атак противника были отражены. Во время боя настал критический момент, когда противник приблизился на 50-70 м к КП дивизии. Положение восстановили гв. полковой комиссар Лисичкин и возглавлявший политотдел гв. батальонный комиссар Полянский. Они воодушевили разрозненные группы бойцов, подняли в контратаку штаб и политотдел дивизии и решительным ударом отбросили противника. Немцы бежали, оставляя убитых и раненых. Ведя бойцов в контратаку, смертью героя погиб гв. бата-

В атаку идет морская пехота

Яростный бой на улице города. Осень 1942 г.

Встреча ветеранов 92-й ОСБр 2.02.1973 г. Крайний слева рядом с А.О. Хозяиновым его пулеметчик Петр Егорович Манаенков

Пленные немцы проходят мимо покалеченного ими в сентябре 1942 г. элеватора. Февраль 1943 г.

льонный комиссар Полянский. На следующий день начал прибывать 1 батальон 92-й стр. бригады для смены частей дивизии и занятия обороны.

Остатки дивизии в количестве 65 активных штыков продолжали держать оборону, хотя имели санкцию на отход.

22 сентября 1942 г., согласно устного приказа начальника В.П.Ч. 62 армии комбрига тов. Елисеева остатки дивизии переправились через р. Волга и сосредоточились в районе хут. Зональный — Верхняя Ахтуба.

27.9.42 г. по распоряжению 2-го отдела Главного управления формирования и комплектования частей Красной Армии 35 гв. СД, погружившись в эшелоны, отправилась к месту дислокации...»

Получается, что описывая героиню будней в Сталинграде 35-й гв. СД, замолит дивизии забывает сообщить про самый главный подвиг соединения — защиту элеватора и невероятные похождения писаря 101-го гв. полка А.А. Павленко?

Вызывает отвращение и опосредованная ссылка автора книги на рецензента — уважаемого человека генерала Валентина Ивановича Варенникова, который во время войны служил в этой прославленной дивизии... с марта 1943 года. Да, Валентин Иванович воевал и в Сталинграде с середины октября 1942 года — только в 138-й СД полковника И.И. Людникова, где бойцы и командиры дивизии в течение двух месяцев сдерживали маленький клочок суши на берегу Волги у завода «Баррикады».

Кстати, обращает на себя внимание и выставленная в интернете любителем небылиц про 35-ю гв. дивизию поддельная карта о положении наших частей на 18 сентября (см. цв. схему 25 и сх. на стр. 313), в которой положение 35 гв. СД и 131 СД поменяно местами: 131-я

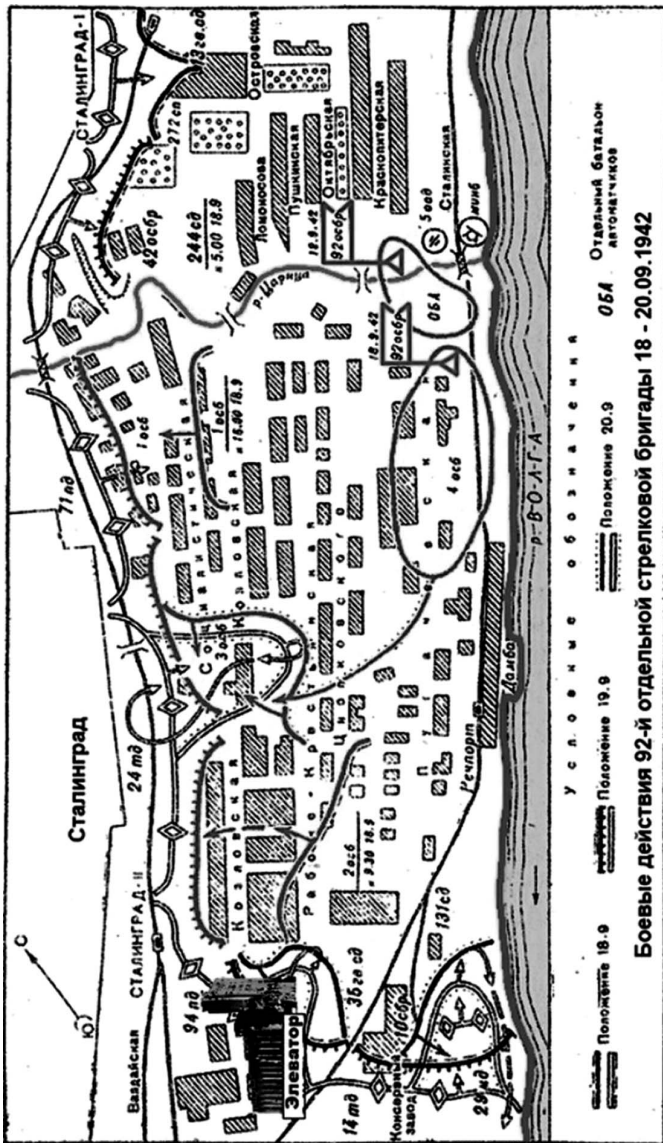
СД перемещена на берег Волги, а 35-я гв. СД передвинута на запад. При этом линия ее обороны поностью охватывает элеватор с юга. 10-я стрелковая бригада, рота автоматчиков которой под командованием лейтенанта Б.А. Степанова 17 сентября заняла элеватор, также указана не на своем месте.

Главное - командир 101-го гв. полка А.А. Герасимов в стенографической записи, данной академику И.И. Минцу 17 декабря 1942 г. четко говорит, что руководимые им остатки 35 гв. СД располагались непосредственно на берегу Волги. Поэтому л-т Кулинич и смог им в ночь на 21 сентября перед прорывом из окружения подвезти на лодке продукты питания.

При этом имеющий доступ к фондам ЦАМО Н.И. Афанасьев мог посмотреть карту штарма 62 за 20-21 сентября (см. на вкладке схему 1), на которой показано расположение 10-й СБр, 131-й СД и 35-й гв. СД.

Оставляет неприятное впечатление от книги и текст на стр. 77: *«Пытаясь нащупать слабые места в обороне дивизии, противник предпринял несколько сильных атак со стороны станции Сталинград-2 с задачей прорваться к реке Царица и разрубить фронт обороны дивизии. Взаимодействуя с подразделениями 42-й стр. бригады гвардейцы дивизии сдерживали наступление крупных сил противника, которые стремились пробиться в центр города также и с юга...»*

Процитированное является пасквилем не только на 92-ю морскую бригаду. Н.И. Афанасьев, прежде чем написать подобное, должен был посмотреть оперативные карты 62-й армии, на которых изображены позиции 35-й гв., 131-й и 244-й дивизий, 10-й, 92-й и 42-й стрелковых бригад. Из карт видно, что 18 сентября между позициями 35-й гв. СД и 42-й ОСБр располагались линии обороны 244-й и 131-й СД, 10-й и 92-й ОСБр (см. цветную схему 1).

Переделанная схема расположения наших соединений к югу от реки Царицы на 18 сентября 1942 года с целью «доказательства» активного участия 35 гв. СД в защите элеватора

ЛЮДИ С ЛЕВОГО БЕРЕГА

Из письма Н.Ф. Емельяненко А.О. Хозяинову от 8 августа 1975 года: *«Есть другой очень важный вопрос. На днях я получил сообщение от одного из наших московских ветеранов. Он пишет, что в конце июля состоялось совещание членов совета 92-й осбр москвичей, на котором обсуждался вопрос об организации встречи. Когда дошло дело до собрания ветеранов на встрече в Волгограде, Власов заявил, что никаких собраний не должно быть, т.к. согласно "Положения о Советах ветеранов войны" они должны организовываться по территориальному принципу, и выборы Советов и обсуждение всех вопросов должно быть на территориальных собрания ветеранов.*

Признаться, я этого положения не видел и не знаю, насколько прав Власов. Это значит, что наша организация, организации ветеранов множества дивизий и армий должны быть ликвидированы, и вместо них в каждом городе, учреждении создаются Советы ветеранов независимо, к какой дивизии или армии принадлежат ветераны. И действительно, у нас в Университете в этом году был избран Совет ветеранов университета, который (неразборчиво) занимается плановой военно-патриотической воспитательной работой. В нем работают ветераны различных дивизий. Это правильно и полезно. Но, я думаю, никто не запрещал ветеранам из одной дивизии (армии, бригады, полка) время от времени встречаться, вспоминать бои, в которых они участвовали, эпизодически бывать в тех местах и объектах (заводах, городах, школах и т.д.), где они воевали, встречаться с молодежью, трудящимися, "передать эстафету", а иногда, может, и обсудить некоторые вопросы истории своего соединения (особенно если они искажаются в печати), вопросы поведения ветеранов

своего соединения (если оно не соответствует принципам социалистического общежития).

Поэтому Хвостов вполне законно в ответ на заявление Власова заметил, что ведь нам надо обсудить **"справку о бригаде"** (которая подготовлена и должна заменить лживую, очень ограниченную и безграмотную справку, заверенную Поляком, которая хранится в Государст. музее обороны Волгограда и позорит нашу бригаду). Тогда Власов и Фоминов сказали, что если будет собрание ветеранов, и на нем будет обсуждаться вопрос о справедливости сноски в книге Чуйкова (о героизме Поляка, Кумирова и др.), то они не поедут в Волгоград.

Вот в чем собака зарыта. Они не хотят собрания, потому что боятся осуждения того, что они незаслуженно вылезли в герои. Они понимают, что на этот раз будут осуждены, и выкрутиться не удастся.

Не знаю, чем все это закончится. Возможно даже, Хвостов откажется от встречи ветеранов, не пожелает ее организовывать. Ибо теряется смысл встречи, если не поговорить о своих делах. Не ехать же нам за тридевять земель, чтобы походить по Волгограду, не разговаривая между собой...»

В письме бывшего начштаба 92-й морской бригады идет речь о попавшем в Совет ветеранов 92-й ОСБр некоем Поляке, человеке с левого берега, который в июле пролез во главу Совета ветеранов. Прирожденный проныра, превысив полномочия, «запустил» в книгу Чуйкова В.И. (так написано у Н.Ф. Емельяненко. - В.Ш.) вымышленный факт о своем героизме и героизме своего друга Кумирова, тоже «человечка с левого берега».

То есть в своем письме Н.Ф. Емельяненко бьет тревогу о переписывании «Истории Великой Отечественной войны» людьми, просидевшими в тылу во время боевых действий, которые за все время Ста-

линградской битвы ни разу не побывали на передовой, не получили ни одного ранения, ни разу не простудились.

Прошла Великая война. Небольшая чудом выжившая группа солдат и офицеров 92-й морской бригады стала время от времени встречаться в заново отстроенном Волгограде. Ветераны бригады ходили на встречи с пионерами и работниками городских предприятий. При этом во время выступлений решающее слово часто стало предоставляться людям из Совета ветеранов соединения. И тут неожиданно выяснилось, что верх в этих Советах захватили людишки (людьми их назвать нельзя), которые во время боев находились в тылу бригады, на левом берегу Волги.

Среди выживших в боях оказались и такие, как старший инструктор по пропаганде и агитации бригады Власов Борис Семенович, который после войны смог влезть в доверие к влиятельным лицам, выпускающим большими тиражами книги о Сталинградской битве. Благодаря своему «очарованию» Б.С. Власов смог ввести себя и своих друзей с левого берега в качестве героев книг высокопоставленных военных и политических деятелей. Например, он смог подтасовать факты и убедить престарелого В.И. Чуйкова написать в книге «От Сталинграда о Берлина» (М., «Советская Россия», 1985, стр. 181) о боях последних защитников волжского берега из 92-й бригады с 25 по 26 сентября 1942 г. следующую неправду: *«Действиями 92-й стрелковой бригады руководили командир пулеметного батальона майор В.Е. Яковлев и старший инструктор политотдела Б.С. Власов...»* По книге маршала Чуйкова получалось, что именно он (Власов) был комиссаром сводной группы последних защитников правого берега под руководством майора В.Е. Яковлева - действительно геройского муже-

ственного офицера, действительно руководившего сводным батальоном бригады только не с 25 по 26 сентября к югу от реки Царицы, а с ...4 по 10 октября 1942 г. в рабочем поселке западнее завода Баррикады, где майор В.Е. Яковлев и получил тяжелое ранение.

Внес свой посильный вклад Б.С. Власов и в версию видения Сталинградской битвы бывшим первым секретарем Сталинградского обкома партии А.С. Чуяновым, написавшим книгу «На стремне века» (М., Политиздат, 1976). В 1976 году в своей книге на стр. 190 Чуянов поведал о своем герое — политруке 92-й морской бригады Власове Борисе Семеновиче, о том что инструктор политотдела бригады «рассказывал о себе неохотно и скупо»:

Зато с каким увлечением, подробно и обстоятельно он (Власов Б.С. — В.Ш.) докладывал о героизме североморцев!

...Под гусеницами вражеских танков погибла батарея 76-метровых пушек вместе с политруком Чухниным.

Оставшийся один из этой батареи командир взвода коммунист Махнутин передал по телефону командиру дивизиона (с правого берега на левый при полном отсутствии телефонной и радиосвязи. — В.Ш.):

— Веду бой на позициях батареи. У меня еще есть одна граната...

Ст. инструктор по пропаганде и агитации 92-й ОСБр Власов Борис Семенович. Фото из МЗСБ - НВФ_ 4268

*Парторг артдивизиона 76 мм
орудий с левого берега
Василий Кумиров*

Командир артдивизиона Павел Качалин, комиссар Борис Поляк, секретарь парторганизации Василий Кумиров, командир минометной роты Гамбой Мамедов, понимая сложность обстановки, поручили коммунистам «кочующие» орудия и минометы использовать для ведения огня самостоятельно, по своему усмотрению, по наиболее опасным целям.

Этот метод основан на доверии к наводчикам. И он оправдал надежды политотдела. Каждый снаряд, каждая мина посылались только в цель, о чем свидетельствуют 17 подбитых танков и более 7000 истребленных солдат и офицеров врага — таков результат этих боев бригады к 27 сентября. «Кочующие» орудия и минометы вели прицельный огонь по врагу до полного расхода боеприпасов...»

А теперь поговорим о «героях» книги Чуянова: политруке Борисе Семеновиче Власове, комиссаре артдивизиона тяжелых орудий Борисе Поляке, секретаре парторганизации Василии Кумирове, которые «понимая сложность обстановки, поручили коммунистам «кочующие» орудия и минометы использовать для ведения огня самостоятельно, по своему усмотрению, по наиболее опасным целям».

Весь героизм этих людей заключается в том, что они «что-то поручили коммунистам», а сами, якобы, находились невдалеке от этих орудий, наблюдая пло-

ды своих своевременных поручений.

Так может представить обыкновенный школьник 70-х годов, читающий это произведение, о месте нахождения указанных персонажей, которые поручили коммунистам «кочующие» орудия. При этом каждый подкованный юнец тех лет прекрасно знал школьный курс истории, в котором было четко сказано, что боевые действия по защите Сталинграда происходили на правом берегу Волги.

Отсюда следовало, что герои книги Чуянова: комиссар артдивизиона Поляк и секретарь парторганизации этого дивизиона Кумиров, конечно же, находились на правом берегу, иначе как же они могли принимать участие в уничтожении 17 немецких танков.

Возможно, так же, как и наивный школьник, думал во время написания своего труда впавший в детство бывший 1-й секретарь Сталинградского обкома партии А.С. Чуянов. Видимо, старик Чуянов не мог даже предположить, что полюбившиеся ему в застольной беседе обаятельные проходимцы политрука Власова Поляк и Кумиров, все время руководства «кочующими» орудиями не вылезали с левого берега. При этом каким-то образом умудрялись *передавать свое поручение коммунистам, находящимся у «кочующих»*

*Комиссар артдивизиона 76 мм
орудий с левого берега
Борис Поляк*

орудий на правом берегу при полном отсутствии всех видов связи.

Похоже, так и не узнал Чуянов при своей жизни, что «герои его книги»: комиссар артдивизиона тяжелых орудий Борис Поляк, секретарь парторганизации Василий Кумиров все время Сталинградской битвы находились на левом берегу Волги и не знали не только места, но даже и района расположения каких-то придуманных ими «кочующих» орудий. Не знали комиссар Поляк и парторг Кумиров и о том, что *«у моряков же имелось только три батареи 45-миллиметровых орудий отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, четыре 76-миллиметровые полковые пушки и минометный батальон. Как и стрелковые подразделения, они все время испытывали нехватку боеприпасов, которые остались на левом берегу Волги»* (Выдержка со стр. 13 книги «Моряки верны традициям»).

Теперь, учитывая тот факт, что всего на правом берегу было четыре 76-мм пушки, и процитированный выше факт из доклада политрука Власова Чуянову: *«Под гусеницами вражеских танков погибла батарея 76-метровых пушек вместе с политруком Чухниным...»*, получается, что больше 76-миллиметровых пушек на правом берегу не осталось. При этом сразу уточним, что эти четыре 76-мм пушки, или так называемая 5-я батарея, по сообщению Емельяненко, погибла не под гусеницами танков, а в результате авианалета противника.

Как в этом свете выглядит ложь политрука дивизиона 76-мм орудий с левого берега Бориса Поляка и секретаря парторганизации этого дивизиона Василия Кумирова престарелому Чуянову? И — пафос политрука Бориса Семеновича Власова про последнюю гра-

нату коммуниста Махнутина против пикирующих бомбардировщиков? Непонятно, какая польза подрастающему поколению была от напечатания подобной неправды политруков всех мастей? Причем напечатанная большими тиражами в ведущих издательствах СССР.

Из «донесения ОО СТФ в УОО НКВД СССР об обстановке в Сталинграде» 21 сентября 1942 г. тов. Абакумову: *«...Опергруппой Особого отдела 62 армии на правом берегу Волги обнаружено 5 исправных орудий, принадлежащих 92 стрелковой бригаде. Командир бригады полковник Тарасов мотивировал, что он их оставил из-за отсутствия перевозочных средств. Работниками Особого отдела были найдены машины, орудия погружены и доставлены на передовую...»*

Может быть, это те самые «кочующие» орудия, которые *«командир артдивизиона Павел Качалин, комиссар Борис Поляк, секретарь парторганизации Василий Кумиров, понимая сложность обстановки, поручили коммунистам»?* А коммунисты, в свою очередь, использовали эти самые орудия *«для ведения огня самостоятельно, по своему усмотрению, по наиболее опасным целям»* до тех пор, пока опергруппа Особого отдела 62 армии позволяла им *«оправдывать надежды политотдела».*

Странно, что выдавая «на гора» только что процитированную бессмыслицу, товарищ Чуянов не удосужился узнать, что артдивизион под командованием Павла Качалина, где комиссаром был Борис Поляк, а секретарем парторганизации Василий Кумиров находился во время боев на левом берегу Волги, а «кочующие» орудия, о которых ведет он — парторг Сталинградской области — речь, в принципе не могли вести огонь с левого берега Волги по находящимся на правом берегу танкам противника.

Ко всему прочему стоит добавить, что связь между

*Защитник Сталинграда
Переломов Владимир Павлович*

Вот на кого опирался политотдел бригады, возглавляемый Борисом Власовым. Вот кому он верил!..», — попросту говоря, попахивает идиотизмом.

А ведь по большому счету изданная на деньги народа книга Чуянова — преступна. Чему крупный политический деятель учит подрастающее поколение? Его вышедшая в самой Москве книга дает пример того, что устами доверчивого парторга Сталинградской области через годы можно переместить какого-то Поляка или Кумирова, самые страшные бои просидевших на левом берегу Волги, в гущу боев на правый берег Волги! Эта книга делает героями подонков! — Только подонки, окончательно потерявший человеческий облик, может затоптать в грязь погибших и искалеченных за правое дело, и с помощью хитрости

правым и левым берегом, также как и между боевыми порядками 92-й бригады и командным пунктом 62-й армии отсутствовала, поэтому следующая, озвученная Чуяновым фраза: *«А как отважно выполняли свои задачи связисты! Командир роты связи Алексей Ханьгин, командир взвода Алексей Фоминов, телефонист Петр Князев — все они, коммунисты, храбрые воины, сражались до последней воз-*

и элементарной непорядочности присвоить себе подвиги настоящих героев.

И самое главное, как следует из проведенных исследований — 76-миллиметровые орудия артдивизиона 92-й ОСБр с левого берега, у руля которого стояли Поляк и Кумиров, не только ни разу не поддержали своим огнем истекающих кровью моряков и пехотинцев бригады, наоборот — своими залпами по штабу 92-й бригады, расположенному на правом берегу Царицы, нанесли потери своей 92-й бригаде и в итоге славно поработали на противника.

Начав читать книгу Чуянова, видишь всю ложь, весь подхалимаж нашей советской насквозь прогнившей к концу 60-х годов системы.

Получается, что с помощью выживающего из ума партийного лидера проходимцы Власов, Поляк и Кумиров попросту поиздевались над историей 92-й морской бригады, у которой в течение всех 9 дней боев отсутствовали и связь, и артиллерия. А танки противника уничтожались с помощью «сорокапятков», ПТР и гранат.

Значит, надо было во время приструнивать власовых, поляков и кумировых, которые, манипулируя выживающими из ума «добренькими дяденьками», готовы переписывать «под себя» ход истории не только войны, но и всей России.

Судя по письму Н.Ф. Емельяненко А.О. Хозяину от 5 августа 1975 года, эти пролезшие в Совет ветеранов 92-й бригады «герои», сохранили свое здоровье в теплых землянках при регулярном питании, и через 20 лет после окончания

*Защитник Сталинграда
Харитонов Максим Петрович*

войны почувствовали свою силу в борьбе с растерявшими в промерзших окопах здоровье настоящими героями. С какой самодовольной миной по прошествии многих лет после окончания военных действий начинают эти человечки беззастенчиво обливаться грязью бойцов и командиров своей бригады. Не имея капли благородства начинают унижать настоящих героев тех дней

— и, прежде всего, начальника штаба бригады майора Емельяненко, который все время сентябрьских боев с первого до последнего дня осуществлял фактическое руководство бригадой.

Эти «люди с левого берега» на своем сборище от имени 92-й морской бригады в 1975 году — через 30 лет после Победы начинают «творить» «свою историю соединения», решать вопрос, кого из бывших бойцов и командиров в своих сказках и притчах сделать настоящим героем, а кого задвинуть в тень... От знакомства с такими «героями» становится страшно.

Однако доведем до конца пафосное славословие Чуянова в адрес политрука Власова. Следующие строки описывают прибытие пополнения в ноябре сорок второго, уже после того, как 11 октября институт политруков был ликвидирован Ста-

линым в Красной Армии: «Отведенные на доформирование батальоны 92-й бригады (в которых на 15 октября насчитывалось в общей сложности 12 человек личного состава, к которому, естественно, не принадлежал бесполезный в боевых действиях политрук Власов — В.Ш.) пополняются морскими пехотинцами Тихоокеанского флота. Бригада готовится к

Защитник Сталинграда
Рогожин Федор Иванович

выполнению новых боевых задач. **Партийно-политическую работу в ней возглавляет Борис Семенович Власов.** А там, где коммунисты отважно и решительно идут в бой, разумно и тактически грамотно ведут за собой бойцов, там врага ждет гибель».

Комментарии, как говорится, излишни. Из прочитанного ярко вырисовывается образ партийного говоруна А.С. Чуянова, которому для прокорма на левом берегу Волги, в тот момент когда бойцы на правом берегу по нескольку дней сражаются некормленными, разутыми и без патронов, выделяются спецпродукты: икра, рыба разных сортов, фрукты и овощи.

Парторг Чуянов, лелея встающее ему на смену новое поколение «партийцев» в лице ловких людей типа Власова, Поляка, Кумирова, подсоз-

нательно приближает к себе этих социально близких и понятных ему типов и беззастенчиво лжет об их мнимых подвигах.

В течение многих лет, потрясая описывающей их «подвиги» книжкой А.С. Чуянова, власовы, поляки и кумировы морочили головы на пионерских и комсомольских сборах не одному подрастающему поколению.

Люди с правого берега о вышедшей в 1976 году книге А.С. Чуянова «На стремнине века»

Из письма Емельяненко А.О. Хозяинову от 19 августа 1976 года:

«И дело не в том, что ветераны стареют. Они и три года тому назад были немолодыми. Все дело в расхождении интересов. В частности, **Власов явно боится собирать ветеранов, опасаясь разоблачения лже-героев Поляка и Кумирова, покровителем которых он является (да и у него самого не все в порядке с его ролью в боевом пути бригады)...**

Недавно мне сообщили, что вышла в свет книга бывшего секретаря сталинградского обкома под названием "На стремнине века", в которой на трех страницах пишется о 92-й осбр. **При этом всюю восхваляется Власов. Как будто он везде и всюду возглавлял бригаду. Восхваляются опять эти прохвосты Поляк и Кумиров, упоминается в похвальном стиле Мамедов. Думаю, что материал о 92-й Чуянову дал Хвостов (а, возможно, и Власов). Сам я еще не читал. Не видел этой книги у нас в продаже. А в Москве говорят, она продавалась...»**

**УДАР ПРОТИВНИКА
ПО ЗАВОДСКИМ РАЙОНАМ
ГОРОДА**

Бои 92-й морской бригады в заводских районах города

24 сентября 6-я немецкая армия перегруппировалась для нового наступления на Сталинград. Подтянув с юга действующие силы, Паулюс планировал направить главный удар на северный фабричный район города и Орловку на левом фланге своей 6-й армии, а также предпринять новые попытки взять Мамаев курган и завод «Красный Октябрь»...

Как уже говорилось выше, в 60-е годы В.И. Чуйков, доверившись власовым, не разобравшись до конца в документах ЦАМО СССР, ошибочно написал, что действиями остатков 92-й СБр на правом берегу руководили командир пулеметного батальона майор В.Е. Яковлев и старший инструктор политотдела Б.С. Власов, забыв упомянуть начштаба бригады майора Емельяненко, на самом деле с 18-го по 27-е сентября руководившего бригадой. Хотя о руководстве майором Емельяненко боевых действий бригады говорят все штабные документы, написанные его рукой и карты, заверенные его подписью. Подписи майора В.Е. Яковлева на этих документах нет, а подписи замполита Б.С. Власова в принципе быть не может.

Возможно, путаница произошла благодаря помощникам маршала Чуйкова в написании книги, которые невнимательно прочли оперсводки и боевые донесения 92-й бригады за сентябрь-октябрь 1942 года. Майор Яковлев действительно фигурирует как командир сводного батальона 92-й ОСБр, но только в сводках за октябрь. Однако «помощники» Чуйкова сделали Василия Егоровича Яковлева командиром сводного батальона бригады во время завершающих сентябрьских боев. Старший же инструктор политотдела Б.С. Власов вообще ни в каких сводках не фигурирует.

Возможно путанице с майором Яковлевым способствовал факт нахождения в штабе 92-й ОСБр на правом берегу Волги еще одного офицера по фамилии Яковлев. Это был начальник 1-го отделения старший лейтенант Иосиф Емельянович Яковлев, который вместе с майором Емельяненко до последнего часа находился в штабе бригады на правом берегу Волги.

При этом подписи старлея Яковлева - начальника НО-1, стоят на всех оперсводках и боевых донесениях 92-й бригады с 18-го по 27-е сентября 1942 года, после подписей майора Емельяненко, (а в моменты отсутствия самого Емельяненко и вместо начальника штаба).

В ЦАМО РФ сохранились боевые характеристики на этих двух офицеров: майора Василия Егоровича Яковлева и на ст. л-та Иосифа Емельяновича Яковлева (ф. 92 ОСБр, оп. 2, д. 4).

Боевая характеристика на командира отдельного пулеметного батальона майора Яковлева Василия Егоровича 1908 г.р. Татарская АССР, члена партии с 1932 г., русского, служащего в Красной Армии с 1931 г. Образование курсы «Выстрел» в 1942 г.

В должности командира отд. пулем. батальона с августа 1942 года. С работой справляется хорошо. Волевыми качествами обладает в полной мере. Сме-

Бывший командир пулеметного батальона майор Яковлев Василий Егорович. На фото гв. полковник Яковлев в 1950-х гг.

лый, решительный, инициативный. Не всегда осмотрительный, иногда допускает беспечность. В обстановке разбирается хорошо. Решение принимает правильно, но недостаточно настойчиво борется за проведение его в жизнь.

Политически грамотен хорошо. Политической жизнью интересуется, в международной обстановке разбирается хорошо, идеологически выдержан, морально устойчив. Предан делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине.

Должности командира отдельного пулеметного батальона соответствует. Достоин продвижения на должность комполка.

14.10.42 г. Командир 92 СБр майор /подпись/ Самодай

Боевая характеристика на начальника 1 отделения штаба 92 ОСБр ст. л-та Яковлева Иосифа Емельяновича, 1914 г.р., беспартийного, русского из рабочих. В Красной Армии с 1936 года, образование среднее, военное — высшее.

С работой начальника 1 отделения справляется посредственно.

Тактически грамотен, решения принимает правильно, но медленно. Недостаточно энергичен и поэтому часто не охватывает всего объема работ 1-го отделения штабриг. Недостаточно инициативен. Штабные документы обрабатывает посредственно.

Должности соответствует.

Нач. штаба 92 СБр майор Емельяненко. /Подпись/

При этом И.Е. Яковлев приказом Донского фронта 113/н от 14.2.43 г. был награжден орденом боевого Красного Знамени. Потом капитан Яковлев в составе 93 гв. СД участвовал в боях на Курской дуге, был ранен. При выходе из окружения в ночь на 15 июля 1943 года получил ранение и умер от ран 18.7.43 г.

Похоронен на воинском мемориальном кладбище в с. Скородное Белгородской области.

А теперь приведем одно из значимых для истории бригады писем Н.Ф. Емельяненко А.О. Хозяинову:

«Здравствуйте, Андрей Осипович!

Получил Ваше письмо и фотографию. Огромное спасибо. С ответом задержался, потому что большая переписка, а времени свободного от работы не так уж много.

С большим интересом прочел Ваше письмо. В сложных ситуациях пришлось Вам побывать, нелегкой была для Вас война.

А особенно трудно было в Сталинграде. В окружении в элеваторе, без снабжения всем необходимым, без помощи. Но и нам было нелегко.

21-го немцы прорвались в стыке 13 гв.сд и 272 сп 10-й дивизии НКВД, вышли к Волге и захватили причалы центральной переправы.** Связь со штабом армии прервалась, подвоз боеприпасов, продуктов и эвакуация раненых сократились до минимума (несколько лодок, найденных поблизости не могли, конечно, заменить переправу). А немец наседал. У них и танки, и авиация, и боеприпасов уйма, а у нас ничего этого нет. Арт.дивизион и мин.дивизион прибыли с опозданием (они ехали последними эшелонами), а по прибытии не спешили установить с нами связь. **Только 5-я батарея

*Начальник отделения 1 92-й
ОСБр ст. лейтенант Яковлев
Иосиф Емельянович*

Гв. полковник Емельяненко Николай Федорович в конце 50-х гг. В сентябре 1942 г. майор Емельяненко - начштаба 92 ОСБр фактически руководил бригадой

короткоствольных пушек (76 мм) которую переправили в Сталинград, несколько дней поддерживала наши части огнем прямой наводкой, но затем немецкая авиация уничтожила эту батарею.

Командующий армией и комфронтom до последних дней ничем нам не помогли, не считая нескольких залпов реактивн. артиллерии. И все же моряки держались хорошо, как герои. Не повезло нам с соседом справа - 914 сп, который занимал оборону сев. р. Царица. Под натиском превосходящих сил немцев он отошел (не помню точно 23-го или 24-го сентября) и немцы вышли в тыл 1-му и 2-му (исправлено, с 3 на 2-й - прим.) батальонам нашей бригады. Это было началом конца нашего сопротивления. Чтобы эти 2 батальона не попали в окружение, пришлось отвести их несколько назад (пока немцы прорвались не очень крупными силами, это удалось сделать). Но глубина обороны сократилась до 150 м. Иначе говоря, противник просматривал и простреливал наши боевые порядки вдоль и поперек всеми видами оружия.

Становилось ясно, что на таком узком участке и совершенно открытом, без пополнения боеприпасами, понесся свыше 90% потерь (к этому времени у нас было несколько более 200 чел. из 5000).

Штаб бригады оказался на переднем краю обороны,

под непрерывным огнем всех видов. Работа штаба по существу прекратилась. Штаб армии на все наши донесения по радио и посыльными не отвечал.

Командир бригады решил выехать на остров Голодный и связаться со штабом армии, доложить командарму обстановку и попросить разрешения на отвод остатков бригады за Волгу

Командир 92 ОСБр в октябре 1942 г.
майор Самодай Василий Иванович

(кто-то сказал, что на о. Голодном есть телефон коменданта центр.переправы, по которому можно связаться со штабом армии). Это было вечером 25 сент. Уезжая комбриг приказал мне держаться на прежних рубежах, а утром в 3.00 26 сент. переместить КП бригады на о. Голодный, оставив для временного руководства и поддержания связи с КП оперативную группу штаба из нескольких штабных офицеров.

Все так и было сделано, но во время переправы подмокло питание радиостанций и связь с оставшимися подразделениями была потеряна. Как потом выяснилось, руководство остатками бригады взяли на себя ком-р пульбата майор Яковлев и врем. исполнявш. обязанности нач. политотдела Власов. Поскольку связи не было, не было и руководства оставшимися подразделениями. Днем переправляться обратно на виду у немцев было невозможно. Решили ждать до ночи, а потом установить связь.

К сожалению, Яковлев и Власов ночью переправили остатки бригады на остров.

Вообще-то держать людей на узкой полоске берега без боеприпасов было бессмысленно. И все же Яковлев и Власов решились дать команду на отход. Теперь они говорят, что был устный приказ Чуйкова. Но архивные документы говорят, что приказа не было. Очевидно ребята, видя, что комбриг и комиссар уехали, штаб тоже, почувствовали себя брошенными на произвол судьбы и с наступлением темноты начали самостоятельно переправляться и удержать их в темноте вряд ли было возможно.

Дальше Вам известно, чем все кончилось. Комбриг и комиссар заплатились жизнью, а Яковлев и Власов вышли сухими из воды. И это правильно и хорошо, ибо оставаться ребятам в Сталинграде смертниками, без всякой пользы для дела было бессмысленно. Остатки бригады сразу же, без отдыха перебросили в район поселка Баррикады, где они воевали без пулеметов, минометов и ПТ артиллерии еще две недели. А затем мы получили пополнение из ТОФ, часть старого состава вернулась из госпиталей и в Рыбачьем бригада была пополнена и затем продолжала воевать до конца Сталинградской битвы.

Недели за две или немного больше до конца Сталинградской битвы, в бригаду комбригом был назначен Елин (комполка 42-го гв. сп из 13 гв.сд - прим.). Не сработавшись с ним, я попросил перевода и ушел из бригады. Затем воевал в этой же армии Чуйкова зам. командира 76 гв.сп 27-й гв. сд, командиром 84 гв. сп этой же дивизии и зам. к-ра дивизии.

После выхода на Магнушевский плацдарм на р. Висла меня отозвали из действующей армии и направили в порядке обмена преподавателем тактики на курсы «Выстрел» в Солнечногорск Московской области. За-

тем работал зам.нач. курсов начальником тактич. отдела Стрелково-Тактического комитета Советской Армии, наконец кончил службу советником нач.управления ВУЗов Национальной Народной Армии ГДР, и по возвращении в Советский Союз нач.воен. кафедры сельхозинститута в г. Пензе. Здесь в 1959 г. я демобилизовался в связи с тяжелым состоянием здоровья. В 1952 г. закончил Академию Генштаба. Вот такая моя жизнь. На этом буду кончать. Всего хорошего, дружище.

Пиши. Буду ждать ответа. Крепко жму руку, обнимаю. Емельяненко 4. X. 71 г.»

Катастрофа второго октября 1942 года

2 октября немцы атаковали нефтеналивные цистерны на берегу Волги, расположенные в непосредственной близости от штаба Чуйкова. В цистернах еще оставалась нефть, и прямые попадания бомб воспламенили их. Горящая нефть растеклась по холму, окружила штаб и устремилась к реке. Из штаба Сталинградского фронта пришел запрос: «Что со штабом? Где вы?» Немедленный ответ гласил: «Мы там, где больше всего огня и дыма».

3 октября 1942 г. майор Самодай подписал приказ на струсившего офицера (оп. 2, д. 1, л. 68):

Приказ частям 92 стрелковой бригады

3.10.42 № 29

Действующая армия

В течение с 17.9.42 г. до настоящего времени, не смотря на неоднократные вызовы, начальник артиллерии майор Кереселидзе не явился на КП штаба бригады, а поэтому бригада в течение всего периода боев не имела артиллерийской поддержки, ведя тяжелые бои с пехотой и танками противника, неся тяжелые потери.

За невыполнение приказа, неявку на КП штаба бригады и проявленную в связи с этим трусость начальника артиллерии бригады майора Кереселидзе отстраняю от занимаемой должности и предаю суду Военного Трибунала.

На должность начальника штаба артиллерии бригады назначаю начальника штаба артиллерии майора Бокова.

На самом деле майор Боков уже с 18 сентября исполнял должность потерявшегося начальника артиллерии бригады. При этом числящийся начальником артиллерии бригады майор Кереселидзе Петр Семенович, несмотря на строгий приказ комбрига так и не появился на правом берегу Волги и, благодаря прирожденной находчивости, сумел отделаться от карающего меча правосудия. **Уже 5 ноября 1942 года, судя по его учетно-послужной карте, майор Кереселидзе плавно перешел в артиллерию РГК (резерва главного командования). То есть еще дальше от линии фронта...**

С 4 октября 1942 г. военным комиссаром бригады был назначен начальник политотдела ст. батальонный комиссар Гуревич Мейер Борисович.

5 октября на правом берегу из остатков бывших 92-й и 42-й отдельных бригад, уже ведущих военные действия, по приказу и.д. комбрига майора В.И. Самодая задним числом был организован сводный батальон под командованием майора В.Е. Яковлева.

На защите завода «Баррикады»

С начала октября начались жестокие кровопролитные бои, в ходе которых дома в рабочем поселке завода Баррикады на улицах Винницкой и Депутатской неоднократно переходили из рук в руки.

По свидетельству Н.Ф. Емельяненко, 2 октября в район боевых действий бригады прибыли свежие ча-

сти 308-й стрелковой дивизии, и остатки 92-й бригады (92 активных штыка) передали в оперативное подчинение командиру этой дивизии.

Противник непрерывно атаковал. Приходилось отражать по восемь-десять атак в день.

В ходе боя прервалась телефонная связь с 1-м стрелковым батальоном. Посланные для ее восстановления два телефониста погибли. Возникла угроза потери управления батальоном. Тогда один молоденький

связист Александр Зотов вызвался восстановить связь. Ловко пробираясь между развалинами, он тащил за собой телефонный кабель. Метрах в ста от командного пункта смельчак упал. «Неужели погиб?» — подумал командир. Но через несколько секунд сообщили, что связь с батальоном восстановлена. Александр Зотов, несмотря на ранение, с заданием справился. В тяжелом состоянии его отправили в медсанроту.

К 5 октября наступление противника было окончательно остановлено. Бригада закрепилась на рубеже: проспект Стахановцев — улица 9 января.

С начала до середины октября сводный батальон из остатков 92-й бригады под командованием и.д. комбрига майора В.И. Самодая защищал подступы к заводу Баррикады. При этом в подаваемых «наверх» сводках батальон фигурировал под именем 92-й ОСБр.

Защитник Сталинграда связист 92 ОСБр Зотов Александр Георгиевич 2 октября 1942 г. восстановил прерванную телефонную связь

Очередное взятие языка

По свидетельству Н.Ф. Емельяненко, в одну из темных ночей, когда начальник разведки бригады был на переднем крае обороны, а его заместитель старший лейтенант А. С. Лукаш, отправив в разведотдел армии очередное донесение, готовился отдохнуть, запищал зуммер телефонного аппарата.

— Товарищ Лукаш, зайдите в землянку оперативного отделения к Яковлеву,— послышался в трубке голос начальника штаба бригады.

— Есть, товарищ майор,— ответил Лукаш.

В землянке было людно. Там находилось все командование бригады.

Не успел Лукаш доложить о своем прибытии, как комбриг майор Самодай, прервав его, приказал:

— Товарищ Лукаш, надо, во что бы то ни стало, взять «языка». На это отвожу трое суток. Больше времени дать не могу, обстановка не позволяет.

— Понял вас, товарищ майор! — сказал Александр Степанович. Не теряя времени, он отправился на наблюдательный пункт разведывательной роты, который размещался в это время в боевых порядках сводного батальона.

Двое суток провел заместитель начальника разведки на наблюдательном пункте, подбирая объект поиска. Наконец решил готовить нападение на пулемет противника, который был выдвинут несколько ближе других к переднему краю нашей обороны.

Ночью разведчики заняли исходное положение. Дождь и темнота помогли им подползти довольно близко. По сигналу, как и было условлено, стрелковая рота, отвлекая внимание противника, внезапно атаковала опорный пункт врага в 150 метрах правее разведгруппы. Фашисты встретили атакующих огнем

автоматов и пулеметов. Открыл огонь и намеченный объект поиска.

Пользуясь возникшей суматохой, группа захвата бросилась вперед и, забросав огневую точку врага гранатами, ворвалась в окоп. Из трех находившихся там гитлеровцев двое были убиты, а третий ранен. Захватив последнего, разведгруппа под прикрытием огневых средств сводного батальона благополучно отошла в свое расположение. От «языка» были получены важные сведения.

Разведка в Сталинграде имела ряд особенностей, затруднявших добывание сведений о неприятеле. Многочисленные здания, развалины, насыпи железнодорожного полотна, вагоны, бензобаки и другие сооружения и крупные предметы значительно сокращали дальность обзора местности. Из-за этого приходилось увеличивать число наблюдательных пунктов.

Положение осложнялось тем, что фашистам с самого начала боев удалось овладеть целым рядом высоких зданий и высот, которые занимали господствующее положение по отношению к нашим войскам, находившимся, как правило, в низинах.

Здания, занятые нашими бойцами, часто находились в 20—25 метрах от зданий, которые обороняли фашисты. Бывали случаи, когда воюющие стороны располагались в одном здании и их разделяли только стена или потолок. Такую близость врага разведчики использовали в своих целях.

Бойцы бригады использовали малейшие возможности для засылки разведывательных групп в расположение неприятеля. Правда, осуществить это удавалось не всегда, так как вражеские войска действовали, как правило, в очень плотной группировке и не имели ярко выраженных промежутков в стыках своих частей и соединений. Кроме того, фашис-

ты, с которых советские воины уже сбили прежнюю спесь, были бдительны и осторожны. Даже на восстановление нарушенных линий связи, особенно ночью, они выходили только группами. Их разведчики почти не пытались проникнуть в наше расположение.

Еще одно наступление противника

14 октября противник перешел к активным действиям в заводских районах города. В этот день 92-я бригада сдерживала натиск фашистов в поселке Скульптурный. Ночью на помощь ей с левого берега переправился 768-й полк 138-й дивизии Людникова. На следующий день 15 октября 92-я бригада, по сути, прекратила существование.

После полудня прямым попаданием бомбы был разрушен командный пункт бригады, выведен из строя узел связи.

Немцы нагло рвались к Волге. Им казалось, что все смято, разворочено, разбито. Но как только они пошли в атаку, снова заработали наши пулеметы. Особенно отличились пулеметчики лейтенанта В. С. Анашкина. Сотни вражеских трупов устилали улицу 9-го января. Умело управляя огнем взвода, офицер, при необходимости, сам ложился за пулемет. Иногда фашистам удавалось приблизиться вплотную и забросать пулеметчиков гранатами, тогда те расстреливали противника в упор. За смелость и мужество, проявленные в бою. В. С. Анашкин был награжден орденом Красной Звезды.

Крайне тяжелое положение сложилось на позициях 37-й гвардейской стрелковой дивизии. На помощь ей были брошены силы, снятые с других участков. Туда была направлена и наша обескровленная бригада. Сдав свой участок обороны частям 308-й стрел-

ковой дивизии, сводный батальон в ночь на 15 октября броском вышел к поселку тракторного завода и получил задачу прочно оборонять рубеж в 100—150 метрах юго-восточнее объекта «Минусинск». Однако этот рубеж оказался занятым немцами, и столкновение было неожиданным для обеих сторон.

Пришлось вступить в бой с врагом, о силах и расположении которого ничего не было известно. Обстановка усложнялась почти полным отсутствием видимости и незнанием местности. Несмотря на это, фашисты были отброшены за полотно железной дороги.

Из 147 человек личного состава в батальоне осталось 12. Его командир Василий Егорович Яковлев был ранен и эвакуирован в тыл. Связь с командным пунктом армии отсутствовала...

**Подвиг старшего лейтенанта
Иосифа Емельяновича Яковлева**
(по воспоминаниям Н.Ф. Емельяненко)

В штаб армии последовательно были посланы два офицера с донесениями о сложившемся условии боевой обстановки, но оба погибли в пути.

Командование бригады должно было принять срочные меры, чтобы не допустить прорыва противника с севера вдоль берега Волги к штабу армии.

— Прошу разрешить мне пробраться на армейский командный пункт и доложить обстановку командующему или начальнику штаба армии. Они наверняка помогут,— обратился к комбригу начальник оперативного отделения штаба Иосиф Емельянович Яковлев.

— Что ж, обстановка требует послать не только самого смелого и находчивого, но и грамотного в военном отношении, всесторонне осведомленного

*Немецкий минометный расчет у подбитого Т-34 26-й ТБр
на улице Елецкая. Сентябрь 1942 г.*

командира, который сумел бы точно доложить о нависшей угрозе прорыва немцев на нашем участке,— сказал комбриг.

Он тут же уточнил задачу, и Яковлев приступил к ее выполнению. Иосиф Емельянович направился к окопам разведчиков, которые, как последний резерв, были привлечены к обороне командного пункта, и подзвал одного из лучших — Василия Козлова. Вдвоем они направлись к Волге. Яковлев молчал. Козлов, зная девиз разведчиков «делай, как я», тоже не нарушал тишину и был готов к любым действиям.

Чем ближе подходили к берегу Волги, тем чаще вставали на их пути огневые вражеские заслоны. Они,

то падали и ползли по-пластунски, то поднимались и бежали, чтобы выйти из зоны обстрела. Наконец, достигли крутого волжского берега. Справа увидели обрыв, слева — холодные темные воды Волги. Между ними — узенькая полоска земли, которую немцы поливали огнем днем и ночью. Яковлев остановился у обрыва. Противник вел беглый артиллерийско-минометный огонь. Но угол падения снарядов был невелик, и поэтому они разрывались или в реке, или на верхнем краю обрыва. Подножие же последнего находилось в не поражаемом пространстве. Здесь можно было пройти.

Дальше, на удалении более полукилометра, по берегу вели огонь тяжелые минометы противника. Их мины рвались на всей прибрежной полосе. Зато огневые налеты повторялись через десять минут. Яковлев понял, что, подойдя вплотную к рубежу разрывов мин, можно во время интервала между огневыми налетами броском преодолеть опасное место.

Оценив, таким образом, обстановку, Иосиф Емельянович разъяснял план действий Козлову, и они благополучно миновали зону заградительного огня артиллерии и минометов. Отдышавшись, двинулись дальше. Командный пункт армии был уже недалеко. Но на этом не кончились их испытания. Не успели они сделать и десяти шагов, как над ними загудели два ночных бомбардировщика. Осветив местность ракетами, вражеские самолеты начали бомбежку и обстрел прибрежной полосы из бортового оружия. Пришлось отсиживаться в воронке от бомбы. Израсходовав боеприпасы, самолеты ушли, и посланцы наконец добрались к месту назначения.

Иосиф Емельянович разыскал начальника штаба армии генерал-майора Н.И. Крылова и доложил о положении своего соединения. Генерал выслушал стар-

шего лейтенанта, задал несколько уточняющих вопросов и сообщил, что уже есть решение командарма о передаче рубежа обороны бригады 650-му стрелковому полку вновь прибывшей в состав армии 138-й стрелковой дивизии. И генерал отдал соответствующие распоряжения.

Боевое донесение № 22 15.10.42 штабриг 92

«1. Выполняя боевое распоряжение штарма № 204 92 ОСБр к 3 час 15.10.42 сдала участок обороны 308 СД и к 5.00 15.10.42 вышла в район обороны 37 гв. СД, где и была получена задача.

2. Сводный батальон 92 осбр, имея 147 активных штыков на рассвете вступил в бой с противником и подвергся сильному обстрелу, понеся большие потери.

Оставшиеся 12 человек во главе начштаба батальона были окружены и связь с ними не удалось установить.

3. Я, с зам по политчасти, нач.штаба и с нач. 1-го отделения нахожусь на передовой.

Бригада личного состава не имеет.

Командир 92 ОСБр /подпись/ майор Самодай»

Встретив танки противника и не имея противотанковых средств, бойцы бригады шли на самопожертвование и уничтожали вражеские машины гранатами и бутылками с горючей жидкостью...

Штаб бригады и штабы ее частей, а также остатки специальных подразделений в ночь на 17 октября переправились на левый берег Волги. К рассвету того же дня они прибыли в район расположения своих тылов — хутор Рыбачий — для укомплектования личным составом и вооружением. Артиллерийский и минометный дивизионы, как были, так и остались на левом берегу Волги с задачей поддерживать огнем боевые действия частей 308-й стрелковой дивизии.

По прибытии к месту укомплектования сразу же были приняты меры к возвращению в бригаду выздоравливающих после ранения моряков. Во все госпитали, медсанбаты и запасной полк армии отправились штабные командиры и политработники, которые взяли на учет всех североморцев и договорились о том, чтобы после выздоровления они были направлены в свое соединение.

Так началось возрождение бригады....

18 октября по прибытии 92-й бригады на левый берег Волги в поселок Рыбачий были составлены списки убитых, раненых и пропавших без вести. При этом списки раненых и пропавших без вести составлялись без пофамильного учета рядовых...

Краснофлотец Василий Душин - связист 92-й ОСБр

Воспоминание защитника завода

«Баррикады» Карева Владимира Петровича

(Родился в 1924 г., проживает в г. Волжский)

Нам объявили, что мы теперь бойцы 768-го стрелкового полка 138-й стрелковой дивизии, а комдив наш — Людников. А вот кто наши командиры отделений или взводов — нам не сказали, а мы и потом так и не узнали.

16 октября 1942 года нас построили и выдали винтовки со штыками, но без патронов. «На тот берег переправитесь — там и найдете», — сказали. Затем посадили на плот. С наступлением ночи стали пере-

*Защитник Сталинграда Адиев
Василий Андреевич*

правляться на правый берег. Медленно поплыли против течения. Осветительные ракеты взлетали одна за другой, было светло, как днем. Рядом со мной сидел Саша Кольченко, бледный, с застывшим ужасом в глазах. «Ты что, Саша?!» — торможу его. «Все нам, крышка», — отвечает и трясется. «Не дрейфь! К 7 ноября уже дома будем!» Тут самолеты начали сбрасывать бомбы, плот запрыгал, как на ухабах. К счастью, ни одна в наш плот не попала. Вскоре, плот ткнулся в берег, но только мы соскочили с него и побежали вперед, как с высокого берега ударил вражеский пулемет. Правда, вскоре замолчал. Я огляделся. Оказалось, что это то самое место, где я последний раз купался 21 июня. Прополз чуть вперед. Между двумя бревнами нашел три пачки патронов. «Илья! — услышал я крик Левы Мамута. — Я тут хлеб в норе нашел!» Отрезали полсайки, поели. «Остальное оставь на другой раз», — говорю Леве. «Не-а, давай сейчас съедим. А то убьют — обидно будет, что хлеб даром пропал». Поели еще. Остался небольшой кусочек. «А этот все-таки оставим на другой раз. Останемся живы — обидно будет, что жрать нечего!» — говорю.

Тут раздалась команда «Вперед!» и мы побежали, то падая, то стреляя куда-то в темноту наобум. Не знаю, как так получилось, но я вбежал на территорию завода «Баррикады» с южной стороны, а ос-

*Красноармейцы в Сталинграде переносят раненого бойца.
Осень 1942 г.*

тальные — с северной. У трамвайной линии бил немецкий танк. Рядом пронеслась красная линия трассирующих пуль — автоматная очередь. Я прижался к земле. Приложил ухо — услышал далекие голоса. Пополз вперед к огромной воронке.

В ней сидело человек пятнадцать. В воронке два трупа, в луже с водой, как мальки резвятся трупные черви. В воронку по тропинке прибежал мальчуган лет двенадцати, зачерпнул воду вместе с червями и помчался назад.

Тут засвистели мины. Мы инстинктивно бросились вперед, а Мамут подумал, что мы побежали сдаваться. Он закричал вслед: «Илья, я не побегу, я еврей, меня сразу расстреляют!»

Через час-другой набрели на какой-то блиндаж, расположились в нем, выставили охрану, ведь мы оказались у немцев в тылу. Вечером совсем рядом услышали: «Рус, выходи, сдавайся!» Мы сидели тихо. Выждав немного, застрочили пулеметы, следом полетели гранаты. Мы, как могли, отстреливались. Немцы отступили.

На другой день было тихо, а потом мы снова «по-

*Защитник Сталинграда мл. л-т
Волков Аркадий Иванович -
командир взвода ПТО 4-го
ОСБ. За бой 20.9.42 г. был
представлен к званию Героя
Советского Союза -
награжден орденом Ленина*

цапались» с немцами, что также прятались где-то рядом. А 19 октября со стороны Волги услышали русский мат без выстрелов. Оказалось, отряд моряков пленил наших «соседей» и вел их к берегу. Мы выскочили наружу, похватили немецкие автоматы и вместе с моряками пошли к своим.

Во время наступившего вскоре затишья я уснул. А 21 октября меня самого ранило и контузило...

Потом, конечно, были еще тяжелые бои, в которых я уже участвовал как опытный боец. Это уже потом, после Победы, нас, защищавших клочок земли у завода «Баррикады», стали

называть героями и назвали это место «Остров Людникова».

22 октября в Сталинграде выпал первый снег. Ожесточенные бои в городе все еще продолжались, а тем временем Ставка завершила разработку плана окружения Сталинградской группировки противника — план получил кодовое название операция «Уран».

**О 92-й МОРСКОЙ БРИГАДЕ
ВТОРОГО ФОРМИРОВАНИЯ**

Прибытие пополнения с Тихого океана

31 октября в бригаду начали прибывать моряки с Тихоокеанского флота. Для основательной боевой подготовки вновь формируемых частей времени не было. Приходилось рассчитывать на то, что новичкам помогут уже закаленные в боях за Сталинград североморцы.

К сожалению, укомплектовать бригаду полностью не удалось. 5 ноября к штатной численности недовыводилось свыше полутора тысяч человек. С оружием, боевой техникой и зимним обмундированием дело обстояло не лучше, так как армия не располагала соответствующими запасами. Для получения и доставки всего необходимого требовалось время. А его-то как раз и не было.

К тому же штаб армии располагал сведениями о подготовке врага к новому мощному наступлению.

Вот почему возникла необходимость ввести в бой 92-ю стрелковую бригаду, не дожидаясь завершения ее доукомплектования. Это диктовалось и метеорологическими условиями. В ноябре на Волге должен был начаться ледоход, преодолеть который переправочные средства не смогли бы. И тогда до середины или конца декабря, пока река не замерзнет, переправа была бы невозможной.

У юго-восточных скатов Мамаева кургана

Учитывая все эти обстоятельства, командующий армией 9 ноября отдал приказ, в котором указывалось, что противник, сосредоточив новые силы в районе высоты 102,0 (Мамаев курган), готовит наступление с целью разобщить фронт армии на участке овраг Банный — овраг Долгий. Сюда, к подножию

юго-восточных скатов кургана, на смену подразделений 284-й стрелковой дивизии и направлялись основные силы бригады. 2-й стрелковый батальон, еще не полностью обеспеченный оружием и зимним обмундированием, планировалось переправить на десять дней позже. Задерживалась переправа и отдельных батальонов автоматчиков и 82-миллиметровых минометов, а также 3-й батареи истребительно-противотанкового дивизиона и одной роты пулеметного батальона.

Бригада опять вводилась в бой по частям, что, естественно, ослабляло ее боевые возможности. Кроме того, 3-й стрелковый батальон сразу же выводился из состава бригады в резерв командарма.

В ночь с 9-го на 10-е и с 10-го на 11 ноября на правый берег Волги переправились 4-й стрелковый батальон майора С.Я. Минькова, 1-й стрелковый батальон капитана В.Б. Меджибовского, часть 3-го батальона, пулеметный батальон, разведроты, две батареи истребительно-противотанкового дивизиона.

Части, переправившиеся в Сталинград, заняли оборону на западной и южной окраинах метизного завода, а командный пункт бригады разместился в 400 метрах восточнее.

Ранним утром 11 ноября после сильной артиллерийской и авиационной подготовки гитлеровцы перешли в наступление. Главный удар наносился в стык 138-й и 95-й стрелковых дивизий в районе завода «Баррикады».

А через пять часов, смяв боевые порядки правофланговых подразделений 241-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии, пехота и танки противника вышли к Волге на участке шириной 500—600 метров. В итоге 138-я стрелковая дивизия была отрезана от главных сил армии, на остальных же участках нем-

цы успеха не имели, хотя и здесь предпринимали многочисленные атаки.

На следующий день немцы вновь атаковали наши войска на прежних направлениях. Бои шли за каждый дом, за каждое сооружение. И на этот раз наступление вражеских войск захлебнулось. Они были вынуждены окончательно перейти к обороне.

Западную окраину метизного завода, по которой проходил передний край нашей обороны, и подножие Мамаева кургана, где находились немецкие передовые позиции, разделяла широкая железнодорожная насыпь с несколькими линиями рельсовых путей, загроможденных вагонами. Она находилась в руках противника и резко ограничивала наш обзор. Гитлеровцы же просматривали не только местность перед передним краем, но и всю глубину обороны бригады.

В другом месте — южнее метизного завода — проходил овраг Долгий. В предыдущих боях немцам удалось овладеть его северным берегом и выдвинуть почти вплотную к нашей обороне усиленное боевое охранение, в составе которого было 4 станковых и несколько ручных пулеметов. Это тоже давало фашистам большие преимущества. Поэтому перед командованием бригады остро встал вопрос о необходимости улучшения занимаемых позиций.

Защита Мамаева кургана

9 ноября пополненная моряками-тихоокеанцами 92 бригада двумя батальонами переправилась на правый берег и приняла район обороны у 1043 и 1047 стрелковых полков 284-й дивизии в районе Метизного завода, к югу от Мамаева кургана. Основные бои развернулись в районе оврагов Долгий и Крутой.

*Вид с Мамаева кургана на Волгу и прилегающие окрестности.
На переднем плане разбитый французский бронетранспортер,
использованный немцами при защите высоты 102,0.
Февраль 1943 г.*

*В сталинградских оврагах на территории, занятой фашистами,
а также между полосами воюющих сторон все пять месяцев боев
проживали мирные жители и среди них было много детей*

Эти факты нашли отражение в документах штаба 62-й армии.

Оперсводка штарма 62 № 266 к вечеру (19.00) 10 ноября за подписью Крылова сообщает о начавшихся атаках противника на северные районы города: *«284 сд в 12.00 отразила атаку противника силою до роты из района верховья оврага Банный...»* и выдвигении 4-го и 1-го батальонов 92-й ОСБр к юго-востоку от Мамаева кургана: *«2/1047 сп (284-й СД) в ночь на 10.11.42 сдал свой район обороны 4-му ОСБ 92 СБр и занял вторую линию обороны на участке своего полка. Две роты 1 ОСБ 92 СБр сосредоточились во втором эшелоне 1043 сп, с наступлением темноты приступают к смене 1/1043 сп».*

В боевом донесении штарма 62 № 226 от 10 ноября к 21.00 Чуйков, Гуров, Крылов докладывают командующему Сталинградским фронтом о ближайших планах расширения обороняемой территории на севере и юге от Мамаева кургана: *«Решил: Имеющимися силами удерживать занимаемые позиции. По окончании сосредоточения 92 СБр, произведя частичную перегруппировку, перейти к активным действиям с целью расширения плацдарма в районах з-да Кр. Октябрь и овраг Крутой...»* (Овраг Крутой находится южнее оврага Долгий и также, как Долгий находится у юго-восточного подножия Мамаева кургана).

Утренняя оперсводка 11 ноября штарма 62 за подписью Крылова (№ 267 к 7.00 11.11.42 г.), посланная в штаб фронта буквально в момент начавшегося немецкого наступления, говорит, что *«7. 284 сд в теч. ночи произведена смена 1/1043 сп с частями 92 СБр и 8. 92 СБр переправилась на правый берег почти полностью: 1,4 ОСБ, 60% 3 ОСБ и штабриг. Двумя батальонами заняты бат. районы 284 сд».*

11 ноября в 6 часов 30 минут после авиационной и артиллерийской подготовки противник перешел в наступление фронтом шириною пять километров от Волховстроевской улицы у завода «Баррикады» на севере до оврага Банный под северным склоном Мамаева кургана. Оперсводка штарма 62, посланная в штаб фронта буквально в момент начавшегося немецкого наступления говорит, что *«7. 284 сд в теч. ночи произведена смена 1/1043 сп с частями 92 СБр и 8. 92 СБр переправилась на правый берег почти полностью: 1,4 ОСБ, 60% 3 ОСБ и штабриг. Двумя батальонами заняты бат. районы 284 сд»*.

Оперсводка штарма 62 № 268 к 19.00 11.11.42 г. сообщает о результатах первого дня боев:

1. Армия с 6.00 ведет упорные бои с пехотой и танками противника, отражая его атаки...

5. 95 сд в теч. дня отражала атаки прот. силою до ПП на своем правом фланге. В результате сильных атак противнику удалось смять и уничтожить 1/241 сп и выйти к р. ВОЛГА. Попытки восстановить положение силами 95 сд успеха не имели...

11. 92 СБр двумя батальонами заняла оборону на левом фланге 284 сд, 3/92 СБр поступает в оперативное подчинение командира 95 сд, имея задачей восстановить положение на участке 95 сд.

Несмотря на кажущиеся начальные успехи этого немецкого наступления, обеим противоборствующим сторонам было ясно, что это последний удар по русским позициям выдыхающейся армии генерала Паулюса.

С 12 ноября 1942 года в командование 92 отдельной стрелковой бригадой на основании устного при-

каза командующего 62-й армией вступил майор Штриголь Виктор Михайлович. Замкомандира 92 ОСБр стал майор Аверичев Илларион Петрович.

Командиром 4-го батальона был назначен бывший политрук майор Минаев Сергей Яковлевич. Его заместителем — старший лейтенант Скороходов Александр Борисович...

3-й батальон 92 ОСБр с 12 ноября по приказу командарма 62 Чуйкова временно передавался 95-й СД в район завода Баррикады. (ф.8 гв. А., оп. 5487, д.40, л.223).

О командире 92-й морской бригады Штриголе Викторе Михайловиче

Виктор Михайлович Штриголь (1905-1965) на фронте с первого дня войны. С боями отступал от самой границы. 15 августа 1941 г. был легко ранен у м. Зимницы в Белоруссии.

Летом 1942 г. его часть в составе 9-й армии Юго-Западного фронта отражала немецкое наступление в большой излучине Дона. С 10 июля по 14 августа 1942 г. считался пропавшим без вести. С 11 октября 1942 г. был назначен зам. командира 42-й СБр 62-й армии. С 12 ноября вступил в командование 92-й ОСБр. С 13 февраля 1943 г. переведен на должность командира 112 гв. сп 39 гв. СД.

10 января 1944 г. был тяжело ранен под Никоподем. В марте 1944 г. получил звание Героя Советского Союза. С 25 марта 1944 г. был назначен и.д. командира 39 гв. СД 8 гв. армии Юго-Западного фронта. 27 июля 1944 г. приказом № 0457 8-й гв. армии был освобожден от должности по несоответствию.

Награжден орденом Ленина и медалью Золотая Звезда, двумя орденами Красного Знамени, орденом

Александра Невского, Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда» и «За Победу над Германией».

В 1954 г. переведен по службе в Алма-Ату командиром гарнизона.

Сведения УПК на Штриголя В.М. абсолютно не совпадают с данными интернета...

Приняв участок обороны, бригада по своей инициативе стала улучшать свои позиции — мелкими группами захватывая и уничтожая огневые точки противника, постепенно вгрызаясь в его оборону.

Новый командир бригады решил: ночными действиями штурмовых групп, методически, одну за другой, захватывать огневые точки и опорные пункты гитлеровцев, контролирующие нашу оборону.

Части начали подготовку к наступлению. Они тщательно изучали расположение огневых точек противника, начертание его траншей, ходов сообщения, подходы к ним, наличие препятствий и заграждений. В ночное время готовили исходные позиции для атаки, проделывали проходы в его минных полях, совершенствовали свою оборону (рыли траншеи и ходы сообщения, устраивали заграждения, оборудовали огневые позиции для пулеметов, противотанковых ружей, минометов и т. п.). Днем люди, сменяя друг

*Командир 92-й ОСБр майор
Штриголь Виктор Михайлович.
На фото ГСС Штриголь в 1944 г.*

друга, отдыхали. Дежурные подразделения находились в готовности к отражению атак противника.

На рассвете офицеры управления бригады возвращались из частей и подразделений на командный пункт усталые, измазанные липкой землей, но довольные, ведь с каждой ночью, с каждым часом оборона бригады становилась прочнее и надежнее. Их настроение передавалось всем воинам, рвавшимся в бой.

Вспоминая об этом периоде, нельзя не упомянуть о снайперском движении, которое широко распространилось в те дни во всех соединениях 62-й армии. Главным организатором и руководителем его в нашей бригаде был майор И. П. Аверичев. Опыт позволял ему выявлять метких стрелков в подразделениях. Он обучал их хитрому снайперскому мастерству — искусству маскировки, тщательного наблюдения и меткого огня.

Наряду с совершенствованием обороны, бригада вела систематическую разведку противника. Хорошо действовала в эти дни группа разведчиков во главе с коммунистом сержантом В. В. Маркиным. Выполняя поставленную задачу, они незаметно подползли почти вплотную к фашистскому дзоту. Но, внезапно освещенные ракетой, были обнаружены. Не растерялся комсомолец Юрий Комогорцев. Немедля ни секунды, он бросил противотанковую гранату в амбразуру. Остальные забросали гранатами выходы из дзота и прилегающие к нему участки траншеи. Ворвавшись в дзот, разведчики увидели искореженный пулемет и возле него двух убитых пулеметчиков. Третий был невредим; перепуганный, он поднял руки. Прихватив его с собой, разведчики отошли в свое расположение. Пленный оказался солдатом 516-го пехотного полка 295-й пехотной дивизии.

После полудня 16 ноября на немецкие траншеи и дзоты внезапно обрушился мощный огонь нашей артиллерии и минометов, который бушевал полчаса. В артподготовке участвовали артиллерийский и 120-миллиметровый минометный дивизионы бригады, один артдивизион соседа слева (13-й гвардейской стрелковой дивизии) и одна артиллерийская батарея правого соседа (284-й стрелковой дивизии). Гитлеровцы, еще не пришедшие в себя после сна, выскакивали из блиндажей и, занимая свои позиции, несли большие потерн. Они были подавлены, но не сломлены окончательно.

Бои за овраг Долгий

(по воспоминаниям Н.Ф. Емельяненко)

Овраг Долгий, расположенный к югу от Мамаева кургана, проходил на стыке позиций 92-й стрелковой бригады и 13-й гвардейской дивизии и являлся одним из самых слабых мест нашей обороны. Ровно в четыре часа штурмовые группы 1-го стрелкового батальона атаковали опорный пункт на северном берегу этого оврага. Их встретил огонь уцелевших вражеских пулеметов, автоматов, орудий и минометов. Помогли морякам противотанковые ружья и орудия истребительно-противотанкового дивизиона.

Наша пехота, ведя огонь из стрелкового оружия и забрасывая огневые точки гранатами, окружила и уничтожила их. К концу дня вражеский опорный пункт на северных скатах оврага перестал существовать. Было истреблено около 130 гитлеровцев. 1-й стрелковый батальон получил возможность контролировать своим огнем овраг, который до этого использовался немцами как очень удобный, скрытый подход к своим позициям из глубины.

В ночь на 19 ноября в Сталинград переправился

отдельный минометный батальон старшего лейтенанта С.И. Железнякова, а в ночь на 20 ноября — 2-й отдельный стрелковый батальон лейтенанта Г.С. Кошко (замполит — старший лейтенант Л.И. Полковников) и отдельный батальон автоматчиков лейтенанта Н.С. Калиничева (замполит — политрук А.И. Храмов).

Минометный батальон приступил к оборудованию огневых позиций восточнее метизного завода. 2-й стрелковый батальон занял оборону левее 1-го по северному берегу оврага Долгий. Батальон автоматчиков был выведен в резерв командира бригады и сосредоточился в районе улицы Артиллерийская.

19-го и 20 ноября наши войска под Сталинградом перешли в решительное контрнаступление. Это еще выше подняло дух всех советских людей и в первую очередь защитников Сталинграда.

Бригаде предстояло продолжать боевые действия по улучшению своих позиций. Теперь это намечалось осуществить западнее метизного завода. Противник имел на этом участке два очень мощных опорных пункта, которые сковывали нас по рукам и ногам.

Один из них располагался в районе железнодорожного моста, против правого фланга бригады, где занимал оборону 4-й стрелковый батальон. Этот опорный пункт считался неприступным. Немцы создали тут крупное долговременное сооружение, в котором располагались 4 пулемета и одно орудие, прикрытые железобетонным основанием моста. До прибытия сюда 92-й стрелковой бригады ДОТом трижды пытались овладеть подразделения 284-й стрелковой дивизии, привлекая дивизионную артиллерию и армейских саперов. Но безуспешно. Наши орудия 45- и 76-

Высадка пополнения на правый берег Волги. Осень 1942 г.

миллиметрового калибра не смогли разрушить сооружение. Для этого требовалась артиллерия более крупного калибра.

Было решено взорвать эту мощную огневую точку толлом. Задачу возложили на отдельную саперную роту лейтенанта А.К. Семенова.

Чтобы отвлечь внимание противника, 1-й стрелковый батальон, оборонявшийся на левом фланге бригады, и левофланговые подразделения 4-го батальона начали активные действия. Немцы всполошились и открыли ответный огонь. Все свое усилие они сосредоточили на нашем левом фланге. А в это время на правом фланге саперы, под покровом темноты, проделали проходы в минных полях и скрытно, под самым носом у противника, перетащили к мосту и заложили там около 400 килограммов взрывчатки. Отважно и умело действовали помощник начальника штаба 4-го батальона старший лейтенант И.И. Лисицкий, возглавлявший эту операцию, командир взвода отдельной саперной роты младший лейтенант А.Ю. Вигдорчик, командир отделения сержант П.А.

Угон в фашистское рабство. Осень 1942 г..

Грищенко и рядовые И.А. Позынч и В.Е. Косырев. Своим примером они воодушевляли и увлекали за собой товарищей. В 2 часа 35 минут 21 ноября Сталинград и его окрестности потряс огромной силы взрыв. В воздух взлетело мощное сооружение врага со всем его гарнизоном и огневыми средствами. Не успели еще осыпаться обломки железобетона, как 3-я стрелковая рота 4-го батальона рванулась вперед и быстро овладела руинами опорного пункта. В качестве трофеев подобрали два станковых, два ручных пулемета и исковерканную взрывом пушку. Захватить пленных, к сожалению, не удалось, так как ни одного фашиста не осталось в живых.

Между тем разведотдел штаба армии уже несколько дней требовал взять «языка». Нелегкая задача по захвату пленного была возложена на старшего лейтенанта А.С. Лукаша. В тот же день он со взводом разведчиков выдвинулся в район обороны 4-го отдельного стрелкового батальона. Здесь, за

железнодорожной насыпью, на ничейной земле, стояли подбитые немецкие танки. Все они тщательно охранялись. Ближайший к нам находился метрах в пятидесяти.

Поздней ночью, когда бой затих и гитлеровцы, успокоившись, только изредка освещали местность ракетами, разведчики осторожно взобрались на насыпь железной дороги. Оставив на ней часть взвода в готовности обеспечить огнем отход группы захвата, А.С. Лукаш с пятью краснофлотцами спустился вниз, в нейтральную зону. Они незаметно подползли к ближнему танку и, укрывшись в воронке в полусотне метров от него, стали наблюдать.

При очередной вспышке ракеты смельчаки заметили часового. Плотнo прижимаясь к земле, они подползли к нему еще ближе. Когда до немца оставалось не более 30 метров, старший лейтенант Лукаш приказал сержанту Петру Халимонову взять с собой двух моряков и без шума захватить часового.

Группа исчезла в темноте. Возвратилась она через несколько минут. Моряки притащили громадного немецкого солдата с кляпом во рту.

Командование и штаб бригады продолжали тем временем решать вопросы улучшения занимаемых позиций, готовя условия для штурма Мамаева кургана. Все понимали, что наступление не за горами.

Гибель третьего батальона

3-й отдельный стрелковый батальон капитана И.Т. Коваленко (замполит — политрук Я.А. Савватеев) не принимал участия в боях на метизном заводе. На его долю выпала еще более трудная и важная задача. Командующий армией генерал-лейтенант В.И. Чуйков направил его в оперативное подчинение командира 95-й стрелковой дивизии полковника В.А. Го-

ришного. Здесь, восточнее завода «Баррикады», противник прорвался к Волге и отрезал 138-ю стрелковую дивизию полковника И. И. Людникова от главных сил армии.

Батальон, к сожалению, не мог использовать все свои возможности, так как не успел завершить формирования и вводился в бой по частям.

В ночь с 10 на 11 ноября на правый берег Волги переправилось только 208 воинов этого батальона, в том числе рота противотанковых ружей — 37 человек. Затем, через три дня, в район боевых действий прибыла рота автоматчиков (79 человек). Последняя группа (170 человек) была доставлена в район боевых действий только 17 ноября.

Перейдя на рассвете 12 ноября в контратаку, батальон отбросил врага от берега Волги на 70—100 метров. При помощи офицеров связи был восстановлен контакт с частями 138-й стрелковой дивизии. Однако развить наступление или хотя бы закрепить достигнутый успех было нечем, так как ни 3-й батальон 92-й стрелковой бригады, ни 95-я стрелковая дивизия необходимых для этого сил не имели. К тому же в ходе контратак и жестоких схваток с прорвавшимся к Волге неприятелем батальон понес большие потери. Командир 95-й стрелковой дивизии после боя в оперсводке сообщил, что в 3-м батальоне нашей бригады осталось всего 15 активных штыков. А враг не давал ни минуты передышки.

13 ноября в 16 часов гитлеровцы, введя свежие силы, при поддержке артиллерии и минометов, перешли в атаку в пятый раз. Им удалось вклиниться в расположение моряков и расчленить их на отдельные изолированные мелкие группы. В этих невероятно трудных условиях боевой обстановки краснофлотцы не изменили славным морским традициям, они сража-

Черно-белая схема боя у бензобаков 3-го батальона 92-й морской бригады 12 ноября 1942 г. (Цветную схему 23 см. на вкладке)

лись с ненавистным врагом до последнего дыхания.

13 ноября в боевом донесении полковника В. А. Горишного сообщалось: *«Небольшая группа 3/92 ОСБр во главе с командиром роты противотанковых ружей лейтенантом И. П. Шпорт отрезана противником на обрыве Волги, в 200 метрах северо-восточнее бензобаков и ведет бой в окружении. Связи с ней не имеется».*

Горы трупов врага уложили перед своими позициями наши воины. Но силы были неравны. И гитлеровцам ценой огромных потерь удалось овладеть бензобаками и опять выйти к Волге. Впоследствии в этот район командарм направил дополнительные силы. Но и противник вводил в бой новые резервы, и пробиться к 138-й стрелковой дивизии полковни-

ка И.И. Людникова на этот раз так и не удалось.

Вспоминая те тяжелые ноябрьские дни героической обороны Сталинграда, Маршал Советского Союза В.И. Чуйков писал:

Пьяные обезумевшие фашисты лезли напролом. Матросы с Дальнего Востока, пополнившие стрелковую дивизию Горишного, показали захватчикам «где раки зимуют» и как дерутся славные краснофлотцы. Бензобаки на Тувинской улице несколько раз переходили из рук в руки. Краснофлотцы в пылу боя сбрасывали с себя шинели и в одних тельняшках и бескозырках, отбив атаки, сами переходили в наступление.

В результате кровопролитных боев в районе ул. Мезенская и у бензобаков обе стороны понесли большие потери.

В нашем же 3-м батальоне вышел из строя не только рядовой, но и весь офицерский состав. Были тяжело ранены: командир батальона капитан И.Т. Коваленко, его заместитель по политчасти политрук Я.А. Савватеев, начальник штаба батальона лейтенант А.Ф. Солнцев, политруки рот: автоматчиков — В.Р. Быков и противотанковых ружей — В.М. Верхотуров, большинство командиров рот и взводов: погиб политрук В.С. Егоров и многие другие. 19 ноября полковник В.А. Горишный доносил, что 3-й батальон 92-й отдельной стрелковой бригады имеет в наличии всего 3 человека, которые переданы 241-му стрелковому полку.

Так закончился короткий, но героический боевой путь 3-го отдельного стрелкового батальона.

О значении тех ожесточенных боев Маршал Советского Союза В. И. Чуйков писал, что своими контратаками наши войска хотя и не восстановили положение, зато и противнику не позволили уничтожить дивизию Людникова.

Сталинградский повар. Ноябрь 1942 г.

Последнее наступление Паулюса

В начале ноября наступило резкое похолодание. Однако Волга не застывала, поскольку она в отличие от других, в частности северных, рек застывает неделями.

При минус десяти градусах от нее идет пар. При минус двенадцати появляется мелкий лед. При минус пятнадцати появляются крупные льдины, затем огромная масса льда движется и движется, не останавливаясь. Через Волгу в этот момент могут пробиться лишь бронекатера и отдельные смельчаки с баграми в руках, перепрыгивающие с льдины на льдину...

Русские солдаты, которых со страхом ждала вся Европа

Именно этого момента ждал Паулюс для начала своего последнего наступления, начавшегося 11 ноября. Тем не менее за несколько дней до сплошного ледохода 62-я армия сумела обеспечить себя боеприпасами с ущербом для питания и теплого обмундирования. В октябрьский праздник солдат даже угощали сибирскими пельменями. Сам командующий армией В.И. Чуйков имел свой тайный склад с неприкосновенным армейским запасом в двенадцать тонн шоколада, на который рассчитывал в трудную минуту, выдавая по полплитки на человека, прожить одну-две недели, пока не замерзнет Волга и не наладится регулярное снабжение...

Динамическое равновесие

Отбив 11-12 ноября все атаки противника, несмотря на то, что 62-я армия третий раз была разрезана до самой Волги, все защитники Сталинграда — от членов Военного совета армии до рядовых бойцов — поняли, что это последнее серьезное наступление врага. В людей вселилась уверенность, что Паулюс уже не

сможет организовать свои силы, как в октябре, получить новую технику, особенно танки, боеприпасы, горючее. А без этого, особенно без техники, враг уже не так страшен... Начались затяжные позиционные бои без надежды на быстрый успех ни с той, ни с другой стороны...

Понятно, что после 12 ноября Паулюс не прекратил наступательных действий — затишья на фронте не было, да и не могло быть. Сражение, начавшееся несколько месяцев назад, продолжалось на сталинградских участках фронта вплоть до 19 ноября.

Несмотря на свою малочисленность, подразделения и части генерала Чуйкова все время пытались контратаковать, притягивая к себе силы противника. Дивизия полковника Батюка и 92-я стрелковая бригада наступали на Мамаев курган.

Наступление шло непрерывно, каждый день. При этом наши штурмовые группы начали захватывать трофеи и пленных...

*Командующий 62 армией
генерал-лейтенант Чуйков
Василий Иванович*

ОПЕРАЦИЯ «УРАН»

Советские войска в упорных и продолжительных боях в большой излучине Дона, затем в междуречье Дона и Волги и в самом Сталинграде сорвали все расчеты немецкого командования и подготовили условия для перехода в решительное контрнаступление, которое началось 19 ноября 1942 г. В нем участвовали Юго-Западный фронт (командующий генерал-лейтенант Н.Ф. Ватугин), Сталинградский фронт (командующий генерал-лейтенант А.И. Еременко) и Донской фронт (командующий генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский).

Мужество и стойкость советских воинов, в числе которых сражались около 100 тыс. моряков, явились одним из основных факторов, обеспечивших победу над немецко-фашистскими захватчиками в ожесточенной битве на Волге, которая положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны.

К 19 ноября — началу операции Красной Армии под кодовым названием «Уран» — соотношение сил противоборствующих сторон выглядело так.

Войска трех фронтов — Юго-Западного, Донского и Сталинградского — имели: личного состава 1 миллион 106,1 тысячи человек, орудий и минометов 15501, танков 1463.

У противника на этом участке фронта было: 1 миллион 11,5 тысячи личного состава, орудий и минометов 10290, танков 675. Авиация была представлена примерно равным количеством воздушных машин, но у немцев не хватало запчастей и горючего.

То есть наши войска явно превосходили против-

ника в артиллерии и танках, что в конечном итоге при контрнаступлении имело решающее значение.

На 19 ноября глубина боевых порядков 62-й армии не превышала одного километра. Позади — Волга, впереди — противник. Между ними узкая полоса городских руин, в которых закрепились наши части.

По воспоминаниям начштаба 62-й армии генерал-майора Н.И. Крылова, на 19 ноября 1942 года на правом фланге армии около завода «Баррикады» стояла 138-я дивизия Людникова, окруженная и прижатая к Волге, занимая оборону на площади не более одного квадратного километра. На левом — 13-я гвардейская стрелковая дивизия Родимцева с глубиной обороны двести-триста метров. В центре около Мамаева кургана располагались: с юга и востока 284-я дивизия Батюка, с севера — 92-я стрелковая бригада майора Штриголя.

Штаб 62-й армии находился севернее Мамаевого кургана в 800-1000 метрах от переднего края, а наблюдательный пункт генерала Чуйкова и того ближе — на полотне железной дороги, огибающей Мамаев курган с востока, перед самым носом у противника.

Ширина фронта обороны армии (около 25 километров) насквозь простреливалась артогнем противника с любого фланга, а вся глубина ее боевых порядков прошивалась пулеметным огнем. Главное — господствующая над городом вершина Мамаева кургана, точнее водонапорные баки и высота 102,0 находились в руках противника. Отсюда враг просматривал все подходы к Волге с востока, значит, боеприпасы, снаряжение и продукты питания приходилось доставлять на правый берег только под покровом темноты.

Перед армией стояли две первоочередные задачи — соединиться с 138-й дивизией Людникова и овладеть Мамаевым курганом и высотой 102,0...

С 12 по 19 ноября по Волге шла шуга. Несколько дней подряд сквозь льды не мог пробиться ни один катер или пароход...

В эти дни состоялось награждение личного состава 92-й ОСБр за бои с 18 по 27 сентября медалями и орденами.

Начало наступления

Утро 19 ноября выдалось туманным. Это был один из самых тяжелых дней для налаживания переправы. Переправиться с того берега так никто и не смог...

Туман начал редеть к двенадцатому часу. Развиднелось. По Волге, с шумом отесывая берега, шел лед. Подморозило.

Наконец-то появились признаки, что у противника не все благополучно. В небе ни одного немецкого бомбардировщика. Повис ненадолго над нашими позициями самолет-корректировщик, и его, по-видимому, отозвали. В 62-й армии начали готовиться резервы для выручки дивизии И.И. Людникова. Активизировались действия штурмовых групп.

Вечером командующий Сталинградским фронтом Еременко сообщил на КП 62-й армии, что наступление началось. Срок начала операции для Сталинградского фронта оставался прежним — 20 ноября...

Через несколько дней В.И. Чуйкову стали известны подробности. В 7 часов 20 мин утра 19 ноября согласно плана Ставки ВГК орудия и минометы, сосредоточенные на главных участках прорыва общим протяжением 28 километров, были приведены в боевую готовность. В 7 часов 30 минут 3500 орудий и минометов в течение одного часа двадцати минут обрушили на позиции противника тонны металла и взрывчатых веществ.

В 8 часов 50 минут пехота и танки 5-й танковой и 21-й армии Юго-Западного фронта и ударная группировка 65-й армии Донского фронта перешли в наступление. К середине дня был завершён прорыв тактической обороны противника. 1-й и 26-й танковые корпуса 5-й танковой армии и 4-й танковый корпус 21-й армии вышли на оперативный простор. Бои развернулись уже в глубине вражеской обороны.

Однако в штабе Паулюса первые два дня наступления русских прошли достаточно спокойно. В своей книге «Поход на Сталинград» Ганс Дерр свидетельствует: *«6-я армия в тот день (19 ноября) еще не чувствовала непосредственной угрозы, и поэтому ее командование не считало нужным принять решительные меры. В 18 часов командование армии сообщило, что на 20 ноября оно намечает в Сталинграде продолжать действия разведывательных подразделений».*

И только в 22 часа того же дня последовал приказ командующего группой армий «Б» барона фон Вейхса, который гласил:

«Обстановка, складывающаяся на фронте 3-й румынской армии, вынуждает принять радикальные меры с целью быстрейшего высвобождения сил для прикрытия фланга 6-й армии и обеспечения безопасности ее снабжения по железной дороге Лихая (южнее Каменск-Шахтинский) — Чир. В связи с этим приказываю:

1. Немедленно прекратить все наступательные операции в Сталинграде, за исключением действий разведывательных подразделений, сведения которых необходимы для организации обороны.

2. 6-й армии немедленно выделить из своего состава два моторизованных соединения, одну пехотную дивизию и по возможности одно вспомогательное моторизованное соединение, подчинив их штабу

14-го танкового корпуса, и, кроме того, как можно больше противотанковых средств, и сосредоточить эту группировку поешелонно за своим левым флангом с целью нанесения удара в северо-западном или западном направлении».

Однако и после этого приказа в 6-й немецкой армии не возникло тревоги, немецкие генералы еще не поняли, что час их пробил.

20 ноября наступил черед Сталинградского фронта переходить в наступление. И опять над Волгой и приволжскими степями — туман. Ночью то замораживало, то отпускало. На рассвете начался снегопад. О применении авиации не могло быть и речи.

Командующий Сталинградским фронтом А.И. Еременко несколько раз переносил срок начала артподготовки. Только в десятом часу утра туман начал рассеиваться. В 9 часов 30 минут орудия и минометы открыли огонь.

Все это происходило в районе озера Сарпа — в 60-70 километрах к югу от командного пункта 62-й армии, которая из последних сил навязывала противнику бой штурмовыми группами. Нужно было создать видимость усиливающейся активности, чтобы не дать возможности противнику начать отвод войск из города. На самом деле сделать отход в сложившейся ситуации было непросто, поскольку позиции сторон, их опорные пункты, были переплетены чуть ли не в шахматном порядке.

Генерал Ф. Паулюс, даже несмотря на вечерний приказ фон Вейхса от 19 ноября, до середины дня 20 ноября не осознавал размеров надвигающейся катастрофы — вплоть до полдня его войска продолжали наступление. Только во второй половине дня 20 ноября Ф. Паулюс на совещании в своем штабе сдержанно заговорил о се-

рвезности опасности. Лишь к вечеру 20 ноября командующему 6-й немецкой армией начали поступать сообщения о полном разгроме не только румынских, но и немецких частей резерва. После этого Паулюс переменил местонахождение командного пункта, но уже в ночь на 22 ноября ему опять пришлось искать более спокойное место.

В эти дни союзниками русских неожиданно стали обыкновенные серые мыши, которые за время стояния в резерве 48-го тк противника внедрили в его танки и перегрызли элетропроводку. В результате танковый корпус врага не успел преградить путь от Клетской на Калач 4-му ТК генерала Кравченко.

А между тем Паулюс перемещался с одного командного пункта на другой. Из Голубинской ночью он перебежал в район Гумрака, где его и настигла радиogramма Гитлера: *«Командующему армией со штабом направиться в Сталинград. 6-й армии занять круговую оборону и ждать дальнейших указаний»*. Генерал запаниковал. 22 ноября в 18 часов, в момент, когда наши войска еще не сомкнули кольцо окружения, он радировал в штаб группы армий «Б»: *«Армия окружена... Запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжелое оружие будут в этом случае неподвижны. Положение с боеприпасами критическое. Продовольствия хватит на 6 дней»*. Командующий немецкой армией просил дать ему свободу в решении оставить Сталинград. Гитлер немедленно ответил:

«6-й армии занять круговую оборону и выжидать деблокирующего наступления извне».

23 ноября в 16 часов части 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта под командованием генерал-майора Кравченко и 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта генерал-май-

ора Вольского соединились в районе хутора Советский. Кольцо окружения сомкнулось. В клещах оказались 6-я и часть сил 4-й танковой немецких армий в составе 22 дивизий общей численностью 330 тысяч человек.

К этому времени не произошло никаких изменений в городе. По Волге по-прежнему шла шуга. Переправы не работали. Снег, туман. Но даже в короткие перерывы в снегопадах немецкая авиация не появлялась над нашими позициями.

Бои 92-й бригады близ Мамаева кургана после 20 ноября

После перехода в контрнаступление войск Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов 19-го и 20 ноября задача 62-й армии заключалась в том, чтобы активными действиями сковать противника в Сталинграде и облегчить, таким образом, разгром врага войсками наших ударных группировок.

При определении задач армии учитывались конкретные условия боевой обстановки, сложившейся в городе. А они были таковы, что враг разрезал армию на три части и прижал ее почти к самому берегу Волги. Ширина фронта обороны достигала 20 километров, глубина боевых порядков не превышала километра, а на левом фланге сокращалась даже до 200—300 метров. Возможность маневра в дневное время почти полностью исключалась.

Положение защитников Сталинграда усложнялось тем, что Мамаев курган и высота 107.5 находились в руках противника. Владея ими, вражеские артиллеристы как бы имели ключи к обороне города. Расположив там наблюдательные пункты, они просматривали и простреливали не только всю глубину боевых порядков наших соединений, но и подходы к ним с

тыла. Река и все транспорты, шедшие по ней, были видны с этих высот как на ладони. Это значительно сокращало возможности подвоза в Сталинград всего необходимого для обороны города.

Разумеется, с таким положением нельзя было мириться, и армия поставила перед собой две первоочередные задачи: соединиться с дивизией Людникова, уничтожив противника, вышедшего к Волге, и овладеть Мамаевым курганом и высотой 107.5...».

Мамаев курган — большая возвышенность с отметкой 102,0. На отлогих скатах ее просматриваются небольшие высоты. Овладеть Мамаевым курганом было приказано 284-й стрелковой дивизии и 92-й бригаде.

После захвата гитлеровских опорных пунктов в районах железобетонного моста и трансформаторной будки частям бригады открылся широкий обзор на юго-восточные скаты этой высоты, хорошо оборудованные врагом в инженерном отношении. Они были изрыты траншеями и ходами сообщения, усеяны дзотами и блиндажами. В ряде мест разведка обнаружила и танки, закопанные в землю, которые являлись своеобразными долговременными огневыми точками. Все эти сооружения плотно прикрывались минными полями и проволочными заграждениями.

Боевые действия по овладению юго-восточными скатами Мамаева кургана, с целью улучшения занимаемых позиций, 92-я стрелковая бригада частью сил начала по своей инициативе.

Во второй половине дня 21 ноября после короткой артиллерийской подготовки 4-й стрелковый батальон перешел в атаку и овладел первой линией немецких траншей. Однако дальнейшее продвижение было остановлено огнем неподдавленных огневых точек врага.

В этот же день вечером был получен приказ командарма о наступлении силами всей бригады.

Оценив обстановку, майор В.М. Штриголь решил: сковав противника активными действиями 1-го стрелкового батальона слева, главный удар нанести на правом фланге силами 4-го и 2-го стрелковых батальонов. В резерв выделялся батальон автоматчиков лейтенанта Н.С. Калиничева.

Ближайшими объектами атаки на юго-восточных скатах Мамаева кургана были две небольшие безымянные высоты в пятистах метрах западнее метизного завода. Ту из них, что находилась против нашего правого фланга, условно назвали «Средняя», а той, которая располагалась южнее, дали наименование «Угловая». Справа наступала 284-я стрелковая дивизия, она должна была овладеть вершиной высоты; слева части 13-й гвардейской стрелковой дивизии продолжали удерживать занимаемые позиции.

На следующий день в 11 часов бригада вместе с частями 284-й стрелковой дивизии перешла в наступление. Подразделения 4-го батальона преодолели сопротивление противника и продвинулись в этот день на 300 метров. В условиях Сталинграда, где успех измерялся метрами, это являлось значительным достижением.

23 ноября 2-й батальон, введенный в бой вслед за 4-м, захватил 8 немецких дзотов. Подавляя огневые средства гитлеровцев и отражая их контратаки, части продолжали продвигаться вперед.

После овладения высотой «Средняя» комбриг резко изменил направление наступления батальонов, повернув их фронтом на юг и юго-запад. Развернувшись на 90°, 2-й и 4-й батальоны нанесли внезапный удар во фланг и тыл сильно укрепленным позициям врага, свертывая его оборону перед левым флангом бригады. Главный опорный пункт противника располагался здесь на высоте «Угловая». Атака этих

хорошо оборудованных позиций в лоб представляла бы значительные трудности и не могла обойтись без больших потерь.

Бои за высоту «Угловая» продолжались 24-го и в ночь на 25 ноября и носили упорный характер. Только один 4-й батальон, преодолевая сопротивление фашистов, захватил в эти дни 20 дзотов.

К рассвету 25 ноября главные силы бригады захватили высоту «Угловая». Таким образом, задача по овладению юго-восточными и южными скатами Мамаева кургана была выполнена. Правый сосед — 284-я стрелковая дивизия — к этому же времени овладел его вершиной.

Вражеские артиллеристы не могли теперь с высоты 102,0 корректировать огонь своих орудий и минометов по боевым порядкам соединений армии, контролировать перевозки через Волгу.

В боях за Мамаев курган личный состав бригады проявил исключительное мужество и отвагу.

Заместитель командира 4-го батальона по политчасти старший лейтенант Б.Х. Крестотуров, сменивший раненого 22 ноября В.А. Аленичева, наблюдая за ходом боя, заметил, что правый фланг батальона обходят до 50 гитлеровцев. Наши подразделения в это время уже продвинулись вперед. Создалась угроза удара по ним с тыла. Рядом с Крестотуровым находились только два краснофлотца. Фашисты шли прямо на них. «Будем драться до последнего», — сказал замполит морякам. Он не рассчитывал на то, что они втроем остановят врага, но был уверен, что выстрелы и шум боя в тылу наступающих подразделений привлекут внимание бойцов батальона. Замаскировавшись, герои подпустили немцев на близкое расстояние и внезапно открыли по ним огонь из автоматов, затем взяли за ручные гранаты. Враг был останов-

лен. А вскоре подоспели наши бронебойщики, и контратака противника окончательно захлебнулась.

Моряки-разведчики Павел Першин и Константин Шарыпов, вынося из нейтральной полосы раненого командира взвода Константина Агеева, обнаружили хорошо замаскированного в одиночном окопе снайпера. Сверху окоп был накрыт металлическим щитом и присыпан песком, смешанным с землей, а брустверы по бокам амбразуры надежно укрывали стрелка от наблюдения с флангов.

Об этом доложили начальнику разведки бригады, и тот приказал командиру разведроты организовать наблюдение за окопом и подготовить ночной поиск с целью захвата «языка».

В первый же день с выявленной огневой позиции было сделано несколько выстрелов. Два матроса, несмотря на предупреждение о наличии фашистского снайпера, пострадали.

Для захвата гитлеровского стрелка выделили 4-х краснофлотцев-разведчиков. Ночью под прикрытием снегопада они приступили к выполнению задания. Бойцы, одетые в белые маскхалаты, попластунски подползли к окопу. В нем никого не оказалось. Тогда разведчики устроили засаду. Кое кто успел уже изрядно промерзнуть, когда незадолго до рассвета появилась едва различимая в темноте высокая фигура немецкого снайпера. На плече он нес винтовку, а на боку болталась какая-то сумка. Очевидно, там были патроны и продукты.

Едва фашист поравнялся с засадой, как моряки схватили его и, заткнув рот кляпом, доставили в штаб бригады. Гитлеровец оказался довольно заслуженной персоной: на груди у него было два Железных креста. На допросе пленный дал ценные показания.

Расчет моряка Тихоокеанского флота Алексея Богомаза из минометного батальона, действуя под сильным артиллерийским огнем, за два дня подавил несколько пулеметов, 2 орудия, поджег склад боеприпасов и накрыл огнем наблюдательный пункт и окопы врага, уничтожив до 40 гитлеровцев.

При переноске боеприпасов от причалов переправы минометчик Иван Нольфин попал под пулеметный огонь гитлеровцев и был ранен в грудь. Он потерял много крови, и силы начали покидать его. Но воин не бросил ящик с минами, пока не доставил его на огневые позиции. Тут он упал, потеряв сознание.

Взвод противотанковых ружей истребительно-противотанкового дивизиона овладел немецким дзотом. Но из взвода уцелел лишь его командир младший лейтенант А. В. Масликин. Он один в течение 12 часов, до подхода подкрепления, удерживал захваченный объект. Когда к нему пробились подразделения 4-го батальона, у отважного воина уже кончились боеприпасы, а сам он был ранен в плечо и шею.

Новое, необстрелянное пополнение с Тихоокеанского флота закалилось в боях за Мамаев курган и, слившись с опытными североморцами, показало себя с наилучшей стороны.

Теперь пришла очередь овладеть другим важнейшим объектом — высотой 107,5.

К выполнению и этой первоочередной задачи привлекли морских пехотинцев. 25 ноября был получен приказ, согласно которому бригада должна была сдать только что завоеванные ею на Мамаевом кургане позиции другому соединению и сосредоточиться в районе улицы Техническая, чтобы в последующем быть в готовности к наступлению совместно с 39-й гвардейской стрелковой дивизией на высоту 107,5.

По обе стороны оврага Банный

27 ноября после захвата южных скатов Мамаева кургана бригада сдала свои позиции 1047-му СП и 13-й гв. СД, после чего была переброшена на северные скаты Мамаева кургана в район Тиров, в поселок Снайперовский с задачей наступать на высоту 107,5... Но во изменение приказа заняла оборону по улицам Северная и Черноморская на западной окраине поселка Снайперский, левым флангом упираясь в железную дорогу по улице Сызранская.

Здесь, как и на метизном заводе, бригада не занимала пассивную оборону, а постепенно улучшала свои позиции, уничтожая и захватывая огневые точки противника. И очень скоро во взаимодействии с соседом справа — 39-й гвардейской стрелковой дивизией — перешла в наступление.

Бои в этом районе приняли затяжной характер и продолжались до 19 января 1943 года. Вгрызаясь в оборону противника, меняя направления главных ударов, бригада день за днем завоевывала все новые и новые позиции, пока не выполнила боевую задачу по уничтожению противника в поселке юго-западнее завода «Красный Октябрь» и овладению высотой 107,5.

Сравнительно невысокие темпы наступления наших частей объясняются целым рядом причин. Прежде всего большой насыщенностью обороны врага войсками и огневыми средствами, сложными условиями крупного населенного пункта с большим количеством прочных сооружений и трудностью централизованного применения средств подавления. Нельзя забывать и о том, что бригада понесла значительные потери в боях за Мамаев курган и превосходство в живой силе и технике опять было на стороне противника.

Хорошо устроился

Кроме нехватки сил для наступления, бригада, как и другие соединения армии, продолжительное время испытывала недостаток в боеприпасах и продуктах питания. Причины были те же: трудности, а иногда и невозможность переправы их через Волгу.

Еще 12 ноября политотдел бригады доносил: «...переправа по-прежнему затрудняет доставку людей, боеприпасов и продовольствия. Несмотря на все принятые нами меры, не можем до сих пор переправить оставшийся на левом берегу личный состав и продукты. Вчера катера даже не подходили к причалам 62-й переправы».

В оперативной сводке штаба бригады от 16 ноября говорилось: «Питанием бригада не обеспечена, т. к. пароход, привезший 15 ноября продукты, вернулся на левый берег, не успев выгрузить их. Боеприпасами обеспечены, за исключением ручных гранат и патронов к пистолет-пулеметам».

1 декабря политотдел опять констатировал факт: «...хлеб и мясо на сегодня не выдавали, т.к. нечем переправить».

Рассказ разведчика Константина Шарыпова

Старшине отдельной разведывательной роты Н.М. Мартыненко было приказано доставить с левого берега продукты, а также теплую одежду для разведчиков.

Плавсредства армейской переправы в эту ночь не прибыли. А приказ надо выполнять. На рассвете старшина нашел где-то маленькую лодку и решил, не дожидаясь темноты, переправиться на ней через Волгу.

«В то время,— рассказывал бывший разведчик Константин Шарыпов,— я был контужен и не мог участвовать в боевых действиях. Поэтому вместе со старшиной отправился на этой лодочке на ту сторону, чтобы помочь ему в составлении отчетов и получении обмундирования.

Не успели мы добраться до середины реки, как немцы устроили пристрелку по нашей лодке из минометов. Вначале фонтаны воды поднимались не так близко — метрах в 100—150. Но вскоре мины начали рваться в нескольких метрах от лодки. Стараясь уйти от прямого попадания, мы гребли то вперед, то назад, поворачивали то вправо, то влево. Когда, обессиленные, мы причалили наконец к левому берегу, я понял, что лучше десять раз сходить в разведку за «языком», чем один раз в дневное время переправиться через Волгу».

По свидетельству Н.Ф. Емельяненко, из-за трудностей переправы на правом берегу оставалось много раненых. Некоторым из них нужна была срочная хирургическая помощь. Поэтому командование бригады решило приблизить квалифицированную хирургическую помощь, перевести часть медработников из

*Наш огнемётный расчет ведет бой в заводских развалинах.
Октябрь 1942 г.*

*Военные саперы строят переправу через Волгу в Сталинграде.
Осень 1942 г.*

*Пополнение выдвигается на передовые позиции.
Сталинград. Декабрь 1942 г.*

*Сбитые немецкие самолеты в Сталинградской степи.
Январь 1943 г.*

хутора Рыбачьего, где в 15—20 километрах к востоку от Волги располагалась медсанрота бригады, на правый берег. В соответствии с этим решением в устье оврага Банный была вырыта землянка, которую оборудовали под операционную. В ней сразу же приступили к работе врачи И.Я. Стыскин (начальник 1-го эшелона медсанроты), И.С. Фаерман и И.Е. Евдокимов. Им помогала операционная сестра М.П. Тулубенская и несколько санитаров. Некоторое время оперировал раненых и хирург медсанроты Н.В. Фрыгин.

Конечно, оперировать в медико-санитарной роте на хуторе Рыбачьем было гораздо спокойнее. Здесь же, в каких-нибудь пятистах метрах от противника, работать было тяжело.

«Операции у нас проводились одна за другой почти без перерывов. — рассказывала бывшая операционная сестра Мария Прокофьевна Тулубенская (ныне Федотова).— Операционная освещалась самодельными копилками. Частенько во время операций враг открывал интенсивный артиллерийский огонь. Земля под ногами колебалась, шевелились накаты бревен над головой, сыпалась в щели земля, поднималась пыль, дышать становилось трудно. От сотрясения воздуха гас свет, и операцию приходилось прерывать».

Но риск был оправдан. Хирургическая помощь оказывалась вовремя. Этому передовому отряду медико-санитарной роты удалось спасти жизни многих воинов бригады.

В конце декабря 1942 — начале января 1943 года в бригаде (на правом берегу Волги) насчитывалось 519 человек, в том числе стрелков и автоматчиков 205. Перед моряками оборонялись части 295-й пехотной и 100-й легкопехотной дивизии врага в количестве свыше 600 солдат и офицеров.

Но воины 92-й уже освоили приемы боя в круп-

ном населенном пункте, научились воевать не числом, а умением. Пядь за пядью они освобождали родную советскую землю.

Подробности боев 92-й ОСБр в декабре 1942 г.

(По книге Н.Ф. Емельяненко и А.А. Рукавцова)

К участию в штурме вражеских позиций привлекались как бригадные, так и батальонные разведчики.

2 декабря в бою за поселок у завода «Красный Октябрь» разведрота участвовала почти в полном составе — Константин Агеев, Павел Першин, Константин Шарыпов, Григорий Ланцов, Алексей Савинов, Василий Козлов, Иван Шукин, Александр Зайцев и другие.

Наступление велось двумя группами: одной руководил командир разведроты старший лейтенант Владимир Баран, второй — его заместитель по политической части старший лейтенант Иван Макута. К исходу дня разведчики овладели двумя кварталами, уничтожив десять огневых точек врага.

За этот бой многие из них были представлены к правительственным наградам. В наградных листах отмечалась исключительная отвага, готовность выполнить любую боевую задачу.

«В последнем бою,— скупое писалось в представлении к награде Василия Алексеевича Козлова,— он первым ворвался во вражеский дзот и в рукопашной схватке уничтожил двух фашистов, показав себя отважным и инициативным разведчиком».

А вот один из поисков, проведенных нашими разведчиками.

...3 часа ночи. Она выдалась тихой и морозной. Пора начинать. Подан сигнал «Вперед!». Разведгруппа начала поиск. Минут через десять раздались взрывы гранат. Подгруппы обеспечения бросились вперед.

Бой в цехе завода «Баррикады». Декабрь 1942 г.

Генерал-лейтенант В.И. Чуйков на своем «рабочем месте»

Сталинградская семья в поисках нового убежища

Замаскированный советский танк Т-34. Декабрь 1942 г.

Взвилась зеленая ракета, обозначавшая отход. Открыли огонь минометы и стрелковые подразделения. Все шло по плану. И вот возвращаются те, кто должен был захватить «языка»: А. Савинов, П. Першин, С. Коломейцев, А. Карпов и Ю. Комогорцев. А где же «язык»? Вместо него разведчики принесли документы, пулемет и скудный скарб пулеметного расчета гитлеровцев. Сам пулеметный расчет, к сожалению, был уничтожен взрывом гранаты. Правда, кое-какая польза была — по захваченным документам удалось выяснить номер оборонявшейся здесь части неприятеля.

Одновременно с поиском в бригаде готовилась засада. Ее намечалось провести на одном из участков «ничейной» земли. Возглавлять действия разведчиков поручили командиру разведвзвода лейтенанту Дорофееву. Группа должна была приступить к выполнению задачи в следующую после поиска ночь. Случилось так, что видимость была очень неустойчивой: то выглянет луна и осветит все окружающее, то вновь проходящие тучи закроют ее.

Однако откладывать засаду нельзя — срочно нужен был «язык». Как только очередное облако закрыло луну, разведчики спустились с железнодорожной насыпи и заняли позицию в разбитом вагоне, недалеко от переднего края обороны противника. Наблюдатели не раз замечали как сюда ночью приходили фашисты за досками для отопления землянок. Приманка была верной, так как морозы стояли довольно сильные.

Разведчики просидели в засаде почти всю ночь, но те, кого они поджидали, все не появлялись. До рассвета оставалось уже не более часа. Дорофеев начал подумывать о возвращении в свое расположение, так как бойцы совсем замерзли. И вдруг послышался скрип снега под ногами идущего человека. Все замерли. Лейтенант тихо прошел вперед и встал у проло-

ма в стене. Через него должен был, по его расчету, забраться в вагон немец. Шаги приближались. Нервы у разведчиков напряжены до предела, каждый изготавился для решительного прыжка. И вот не спеша в вагон неуклюже ввалился закутанный фриц. Дорофеев пропустил его на шаг, затем, кошкой прыгнув на врага, словно тисками, сжал ему горло. Вражеский солдат даже не пикнул. Разведчики связали пленного, заткнули рот кляпом и доставили в штаб бригады.

В эти дни моряки столкнулись с фактами жестоких расправ фашистских извергов с советскими людьми. Вот что говорилось в одном из актов, составленном представителями 92-й отдельной стрелковой бригады, за несколько минут перед этим побывавшими в жестоком бою.

«Мы, нижеподписавшиеся, старший лейтенант Ямпольский, старший лейтенант Крестотуров и краснофлотец Серпалов, составили настоящий акт в том, что во время нашего продвижения вперед возле захваченного немецкого дзота нами было обнаружено два трупа женщин, изнасилованных немцами, а затем зверски ими расстрелянных. Одна из женщин раздета догола, на ногах и нижней части живота шесть ножевых ран, голова разбита каким-то тупым предметом. У второго трупа связаны руки, на груди несколько пулевых ран».

Это свидетельство садистской жестокости гитлеровцев 12 декабря 1942 года было опубликовано в армейской газете «На защиту Родины». Оно обсуждалось во всех соединениях армии. Воины высказывали свой гнев и возмущение бесчинством немецких захватчиков и еще сильнее рвались в бой, чтобы отомстить мерзавцам за все их злодеяния.

10 декабря в оперативное подчинение бригады был передан учебный батальон 149-го армейского запасного стрелкового полка. Он передавался вместе с по-

Тяжелые бои в центре города. Сталинград. Ноябрь 1942 г.

зициями, которые были им заняты после смены соседа справа — 2-го стрелкового батальона 112-го полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии.

Части 92-й бригады, прорывая оборону врага, продолжали продвигаться вперед. С 4-го по 26 декабря они захватили 16 фашистских дзотов и блиндажей, пушку, девять станковых, один крупнокалиберный и несколько ручных пулеметов.

26 декабря командующий армией отдал приказ на общее наступление. 92-й стрелковой бригаде в нем ставилась задача: прикрывшись одним батальоном слева, сосредоточить основные усилия на правом фланге и овладеть улицей Народная. Соединение морских пехотинцев усиливалось на этот раз тремя гаубичными батареями 284-й стрелковой дивизии, тремя батареями 152-миллиметровых гаубиц и одной батареей 203-миллиметрового калибра. Справа, вдоль

улицы Карусельная, наступала 39-я гвардейская стрелковая дивизия. Слева 284-я стрелковая дивизия, удерживая занимаемые позиции, должна была поддержать наступление моряков огнем своей артиллерии и минометов.

Наступление бригады начал 1-й батальон. Спустившись ранним утром по заранее подготовленным канатам в овраг Банный, он внезапным ударом выбил немцев из домов в южной части улицы Короткая. Его дальнейшее продвижение создавало угрозу выхода в тыл гитлеровцам, оборонявшимся против 3-го и 4-го батальонов, и способствовало наступлению этих батальонов.

Атакуя вдоль улиц Овражная и Подгорная, бригада трое суток вела ожесточенные бои за вражеские опорные пункты на улицах Короткая, Голутвинская, Уссурийская. Некоторые дзоты и блиндажи по несколько раз переходили из рук в руки. За эти дни 1-й и 4-й стрелковые батальоны продвинулись на полкилометра. Фашисты потеряли несколько сот солдат и офицеров, а 7 человек были захвачены в плен. Моряки уничтожили свыше 80 дзотов, захватили в качестве трофеев пушку, два крупнокалиберных, 17 ручных и станковых пулеметов, 48 карабинов, 28 автоматов. Был уничтожен танк, сбит самолет врага.

Обеспечивая бесперебойную связь командно-наблюдательных пунктов с огневыми позициями, самоотверженно действовали связисты артиллерийских и минометных частей. За время боев в районе Мамаева кургана и поселка у завода «Красный Октябрь» старший телефонист отдельного артиллерийского дивизиона Н. С. Бочкарев исправил около 120 повреждений телефонной линии под огнем противника.

В декабре огневые позиции 3-й батареи отдельного минометного дивизиона бригады находились на

Бойцы в зимней степи под Сталинградом

левом берегу Волги. Телефонная связь с нею отсутствовала, а радиосвязь была настолько неустойчивой, что батарея почти не использовалась для поддержки боевых действий бригады.

16 декабря, когда Волга покрылась первой, совсем еще неокрепшей ледяной коркой, командир взвода связи дивизиона младший лейтенант П. А. Бабенко со своими связистами протянул телефонный кабель на левый берег реки по зыбкому льду, используя сани, доски и другой подручный материал. При этом не один раз связисты проваливались в ледяную воду, несколько человек было ранено. Несмотря на это, телефонная связь была установлена, и минометчики без перебоев стали поддерживать боевые действия частей бригады.

В течение 28, 29-го и 30 декабря моряки действовали успешно и овладели улицами Короткая, Голутвинская, Уссурийская, продвинувшись на 400—500 метров. Это не могло не вызвать беспокойства у гитлеровского командования. Противник понял, что его оборона перед 92-й отдельной стрелковой бригадой

*Командир расчета
минометного батальона 92-й
ОСБр Богомаз Алексей Лукич*

рушится. Поэтому он срочно перебросил сюда свежие силы и в ночь на 29 декабря предпринял пять контратак небольшими группами, а 30-го уже группами по 60—80 человек. Наши подразделения отразили все удары гитлеровцев.

В эти же дни минометчики старшего лейтенанта Н. Г. Глущенко нашли в одном из оврагов, где были их огневые позиции, прятавшегося от немецких бомб и снарядов подростка Витю Перфильева. Виктор был поставлен на все

виды довольствия, для него сшили обмундирование. Вскоре он стал заряжающим во взводе Алексея Богомаза. Так у моряков появился сын бригады.

Ныне Виктор Степанович живет и работает в родном Волгограде модельщиком на тракторном заводе, воспитывает двух сыновей. На одной из встреч с однополчанами Перфильев рассказал интересный случай.

Однажды после выбора огневых позиций для колющего миномета они вдвоем с Богомазом возвращались в свою роту и в Банном овраге нашли колеса с осью от передка разбитой пушки. Подумали, как их приспособить к делу. Затем поставили на попа, зарыли одно колесо в землю, а к другому прикрепили противотанковое ружье. Получилась самодельная зенитная установка. Как ни примитивно было это

Немецкий антифашист Вальтер Ульбрихт (в центре) у громкоговорителей, вещающих на немецкие позиции

устройство, первый воспитатель и лучший друг Виктора, командир минометного взвода Алексей Богомаз (впоследствии Герой Советского Союза) умудрился сбить из него немецкий самолет.

В бою 29 декабря отличился рядовой 2-го батальона Федор Пашков. В рукопашных схватках он уничтожил 17 вражеских солдат. А ночью 30 декабря он вместе с краснофлотцем Иваном Шевченко совершил еще один подвиг. Произошло это так. Вечером наши минометчики уничтожили огнем расчет немецкой 37-миллиметровой пушки, выдвинутой к переднему краю обороны. Затем в ходе боя наши подразделения продвинулись несколько вперед, и орудие оказалось на ничейной земле, между позициями сражающихся сторон. Пашков и Шевченко взялись доставить его в свое расположение. Под покровом ночной темноты они при помощи саперов, которых возглавлял лейтенант С.И. Зайцев, преодолели заминированный участок и незаметно подползли к пушке; прикрепили к ней

веревки и постепенно, не гремя, притащили ее в свою роту. За отвагу и мужество смельчаков наградили орденами Красной Звезды. Командир взвода саперной роты С.И. Зайцев за декабрьские бои тоже был награжден орденом Красной Звезды. В наградном листе отмечалось, что он, кроме участия в захвате вражеской пушки, подорвал девять вражеских дзотов, разминировал под огнем противника больше десяти минных полей.

Новый 1943 год. Сталинградская елка

Выдержки из статьи А. Шейнина в «Комсомольской правде» за 29 декабря 1944 года

«Пластикова Лида прошла большой путь от комсомольского группорга 31 пролета механосборочного цеха Тракторного Завода до секретаря горкома ВЛКСМ. В дни обороны города Лида возглавляла тракторозаводскую комсомольскую ячейку и была в числе тех, кто остался на Сталинградской земле все дни эпопеи. Когда поселок тракторного завода заняли гитлеровцы, Лида с группой комсомольцев перешла на песчаную отмель между правым и левым берегом. Потом, когда наши части выбили фрицев из двух поселков тракторного завода, Лида вместе с ребятами перешла туда.

Дел у комсомольцев оказалось много. В сожженных поселках еще оставались жители — женщины, старики, дети. Они ютились в ямах и полуразрушенных подвалах, мерзли, голодали. Многие уже сами не могли передвигаться. Командование отдало приказ эвакуировать их в тыл. Отправлять приходилось через линию фронта. Когда и эта дорога — по Волге — оказалась под губительным огнем противника, пришлось отказаться от эвакуации.

В поселке осталась еще большая группа детей. Ком-

Командиры и бойцы 62-й армии встречают Новый 1943 год в Сталинграде.

сомольцы собрали их, поселили в ямах неподалеку от берега, где они были в сравнительной безопасности. Ребят приодели, обули, организовали для них медпункт, простенькую баню. В разбитом подвале каменного здания отремонтировали уголок и назвали его Домом молодежи.

Здесь же решили в ночь под Новый год устроить елку. Настоящую, яркую, веселую, с игрушками и подарками.

Лида вспоминает: "Узнав о нашей затее, кто-то из бойцов сказал, что он видел в Латошинском саду две целехонькие елки. Сад был недалеко. Беда в том, что предстояло вклиниться в немецкую оборону. Под вечер мы отправились к линии фронта. Вот он сад — черный, разбитый, взрытый воронками бомб. Тяжело было думать, что всего год — два назад мы здесь весело проводили свободное время, устраивали пикники.

Нарвали еловых веток, их связали, сделали деревянную подставку, и вышла чудесная елка. Нам отпустили немного муки, масла, меду. Девушки принялись стряпать. Особенно отличилась Таня Костина. Она надевала много вкусных пряников.

Долго ломали голову над украшением елки. Ребята стали собирать гильзы от патронов. Из лоскутов, бумаги делали фигурки животных.

Завели патефон, но веселье началось далеко не сразу. Маленькие сталинградцы уже отвыкли от музыки. Даже песни забыли. Вначале ничего не получалось: скажут ребята несколько слов — и испуганно замолкают. Но потом освоились — пели очень хорошо, задумчиво.

За вечер у нас на елке перебывало около сотни ребят. Перед уходом каждый получил подарок».

По свидетельству Н.Ф. Емельяненко, 31 декабря командующий 62-й армией приказал закрепиться на достигнутых рубежах. Наступал новый, 1943-й год. Настроение у воинов было приподнятое. Наши войска успешно наступали.

С Новым годом непрощенных фашистских гостей поздравила наша артиллерия.

Ровно в полночь, когда истекла последняя секунда 1942 года, левый берег Волги, где располагались наши тяжелые батареи, озарился яркими вспышками. Над рекой и головами защитников Сталинграда просвистели снаряды, оставляя светящиеся следы, а затем в расположении гитлеровцев раздались следующие один за другим взрывы. Залп «катюш» стал началом массивного огневого удара по врагу. Это было грандиозное зрелище, внешне очень напоминающее праздничный салют.

Темп артиллерийской стрельбы усилился. Наш «бог

*Советские саперы за работой.
Январь 1943 г.*

Минута отдыха. Сталинград. Январь 1943 г.

войны» громил спрятавшихся в укрытиях врагов. С каждым разрывом снаряда в голове у нас проносились мысли: «За погибших друзей и боевых товарищей! За слезы наших матерей, жен и детей! За погибших в лагерях смерти и в газовых камерах! За все злодеяния, учиненные гитлеровскими извергами на нашей земле!».

Немецкая сторона принимала этот наш новогодний подарок молча. Враг был явно подавлен и, прекратив встречу Нового года, каждую минуту ожидал нашей атаки. Но мы в атаку не пошли. Не было еще такого приказа.

Однако фашистам праздник был испорчен. Вместо веселой встречи Нового года им пришлось хоронить сотни своих соучастников по разбою.

С 31 декабря 1942-го по 7 января 1943 года части бригады укрепляли и совершенствовали свою оборону и вели разведку вражеских позиций.

Противник, теряя веру в победу, терял и бдительность, становился безразличным к происходящим событиям. В его обороне образовались бреши, которыми наше разведывательное отделение, возглавлявшееся одним из авторов настоящих строк, не преминуло воспользоваться.

В первых числах января группа разведчиков, руководимая краснофлотцем Николаем Протасовым, проникла ночью в ближайший тыл врага и заняла на одной из улиц разрушенный дом. Их задача состояла в том, чтобы захватить «языка». Они ждали появления одиночных солдат или небольшой группы.

Но перед ними вдруг появилась колонна солдат, не меньше взвода. Ее вел офицер. Немцы, закутанные во что попало, шли, о чем-то разговаривая и ничего не подозревая.

*Бой артиллерийского расчета в сталинградской степи.
Январь 1943 г.*

Разведчики в сталинградской степи. Декабрь 1942 г.

Попытка найти общий язык. Январь 1943 г.

*Брошенная под Сталинградом немецкая бронетехника.
Январь 1943 г.*

Краснофлотцы замерли. Что делать? Атаковать колонну — слишком неравные силы. Пропустить мимо — обидно. Гитлеровцы подошли почти вплотную к дому, где находилась засада, когда Протасов, словно очнувшись, командовал: «Огонь!»

Около десятка автоматов густым ливнем пуль поливали очумевших от страха врагов. Захватив несколько фашистов в плен, разведчики благополучно вернулись в свое расположение.

Моряки, проникая мелкими группами в промежутки в обороне противника, обходили опорные пункты, выходили в тыл, окружали и уничтожали фашистских захватчиков. Кое-где завязались рукопашные схватки. Ожившие немецкие дзоты выводили из строя точными бросками гранат и огнем орудий прямой наводки.

Во второй половине дня наши подразделения штурмовали немецкие дзоты уже на улицах Рабочая и Веселая.

Утром 11 января, после часовой артиллерийской подготовки, моряки опять перешли в наступление. Ворвавшись на ул. Айвазовская, они стремились развить успех с тем, чтобы выйти на западную окраину города, до которой было уже не так далеко — с полкилометра.

Но противник успел организовать прочную оборону. Его огневые средства были надежно укрыты в приспособленных к обороне полуразрушенных кирпичных домах и дзотах.

Комбат старший лейтенант В. П. Покровский, тщательно изучив вражескую оборону, не нашел в ней промежутков. Но он заметил, что ее самый слабый, наименее насыщенный огневыми средствами участок находится перед правым флангом батальона.

Здесь связующим звеном в общей системе огня неприятеля был лишь один ручной пулемет.

Комбат решил уничтожить этот пулемет и, создав, таким образом, брешь в немецкой обороне, проникнуть частью сил во вражеское расположение, а затем совместной атакой с фронта и тыла уничтожить противника.

Начало темнеть, когда на правом фланге батальона раздалось несколько выстрелов 45-миллиметровых пушек, которые не выделялись в общем грохоте огневого боя, начатого перед этим батальоном. Вражеский пулемет был уничтожен. Под покровом наступившей темноты в образовавшийся в гитлеровской обороне разрыв проникла группа примерно из 20 моряков под командованием лейтенанта А. И. Заева. Подав перед рассветом условный сигнал — красную ракету, они внезапно атаковали гитлеровцев с тыла. Одновременно с фронта перешли в наступление основные силы батальона.

Немцы были застигнуты врасплох. Они начали покидать свои позиции и беспорядочно отходить. Паника распространилась и на их подразделения, оборонявшиеся против 3-го и 1-го стрелковых батальонов. Опасаясь окружения, враг и тут отступал.

К исходу 11 января бригада продвинулась на улицу Народную, глубоко вклинившись во вражескую оборону, в результате чего у нас образовались открытые фланги. Противник сразу же воспользовался этим и внезапной контратакой вновь потеснил наши части до улицы Айвазовского.

Наступили сумерки, и бой стал затихать. Обе стороны стали закреплять занимаемые рубежи.

В тот день командование бригадой принял полковник И. П. Елин, а майор В. М. Штриголь получил новое назначение.

*Эти верблюды дойдут от стен Сталинграда до Берлина.
Сталинград. Январь 1943 г.*

Отвоевался, наконец

Передышка между боями. Сталинград. Январь 1943 года

Судя по поврежденному лицу этот пленный в женском одеянии сражался до последнего

Несмотря на потери и усталость личного состава, было решено этой же ночью вернуть утраченные позиции. Моряков накормили, дали несколько часов отдохнуть, пополнили боеприпасами, и около 22 часов они без артподготовки опять атаковали врага. Для фашистов эта атака была неожиданной...

В итоге части бригады и 39-й гвардейской стрелковой дивизии потеснили противника к окраинным улицам города. Гитлеровцы прекрасно понимали, что, если дело и дальше так пойдет, им придется оставить уцелевшие кое-где городские дома и подвалы, в которых можно погреться, и уходить в морозную степь. Поэтому 12 января противник четырнадцать раз контратаковал части бригады. Но моряки прочно закрепились на захваченных ночью рубежах. При помощи артиллерии и минометов они отбили все контратаки врага, а во время последней краснофлотцам удалось даже ворваться на плечах отходивших гитлеровцев на улицу Народная и овладеть ею.

Однако в результате непрерывных кровопролитных боев части бригады настолько поредели, что им все труднее было преодолевать сопротивление противника. Для успешного продвижения вперед не хватало сил. И хоть до высоты 107,5 было уже рукой подать, без пополнения людьми и оружием бригада не могла овладеть ею.

Поэтому командующий армией решил перебросить в район Банного оврага 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Ей передавался 2-й стрелковый батальон нашей бригады и часть занимаемого ею рубежа от улицы Менделеева до Сызранской.

92-я стрелковая бригада перемещалась несколько правее и занимала рубеж для наступления от переулочка Трудовой до улицы Менделеева. Ее задачей было: овладеть южными скатами высоты 107,5. Справа на-

ступала 39-я, а слева 13-я гвардейская стрелковая дивизия.

Перед началом боевых действий бригада получила роту маршевого пополнения, которая была распределена по частям.

17 января соединения армии, нацеленные на высоту 107,5, атаковали врага. В течение всего этого и следующего дня они вели тяжелые бои, отражали ожесточенные контратаки противника.

Наконец 19 января к полудню краснофлотцы выбили фашистов с занимаемой ими позиции и вышли на западную окраину города. Гитлеровцы трижды пытались отбросить наши подразделения, чтобы зацепиться хотя бы за развалины крайних домов, но сделать это им не удалось.

Танков у немцев было теперь немного, слабо поддерживала их и авиация. Силы и возможности были не те. Прошло то время, когда они массированными ударами авиации, артиллерии и минометов сметали почти все живое в расположении наших войск, а десятки и сотни танков утюжили оборонительные позиции соединений 62-й армии.

Отразив все контратаки врага, 92-я левофланговыми подразделениями закрепились на западной окраине города и, перейдя главными силами в наступление, продвинулась к южным скатам высоты 107,5.

Бригада выполнила поставленную ей задачу, очистив от противника часть города, расположенную к западу от завода «Красный Октябрь».

В местах недавно прошедших боев можно было увидеть брошенные удиравшими немцами автоматы и пулеметы, две противотанковые пушки (одна из них совершенно целая, а другая разбита нашими артиллеристами), множество боеприпасов, телефоны,

*Бойцы Красной Армии вооружаются трофейными гранатами.
Сталинград, январь 1943 года*

радиостанции, штандарты вражеских подразделений. Кое-где валялись немецкие журналы и газеты с речами Гитлера, Геббельса и других заправил фашистского рейха, их фотографии. Тут же лежали огромные узлы с награбленным и брошенным при поспешном отступлении имуществом местных жителей.

Из подвалов вылезали оставшиеся в живых сталинградцы. Со слезами на глазах встречали они моряков, обнимали и целовали, как родных. Люди рассказывали о злодеяниях гитлеровцев, которые, заняв поселок, забрали все, до последнего куска хлеба, до последней одежонки, а потом выгнали население из уцелевших домов в поле.

Фашисты не щадили ни старого, ни малого. Седовласый, морщинистый старик рассказал, как пьяный немецкий солдат вырвал у женщины грудного ребенка и бросил его на колючую проволоку. Когда же мать попыталась спасти младенца, фашист застрелил ее.

Сердца воинов еще больше наполнились ненавис-

тью к фашистам. Моряки рвались в бой, навстречу войскам, наступавшим на Сталинград с запада. Гул орудий доносился оттуда с каждым днем все отчетливее.

О состоянии дел в 62-й армии в декабре 1942 г.

Несмотря на успехи других наших армий, взявших в кольцо 22 немецкие дивизии, 62-я армия вплоть до середины декабря оставалась отрезанной от левого берега. Интенсивно продолжался штурм Мамаева кургана и его наивысшей точки — высоты 102.0.

Командование Сталинградского фронта организовывало переброску через Волгу боеприпасов и главным образом продовольствия самолетами По-2. Но они много сделать не могли, так как груз приходилось сбрасывать на полосу шириной около ста метров. Малейшая неточность в расчетах — и груз падал в Волгу либо к противнику. Изо дня в день доставка боеприпасов и продовольствия все уменьшалась, а лед по Волге все шел и шел. Казалось, этому не будет конца.

Из воспоминаний генерала В.И. Чуйкова: *«Наконец, 16 декабря около 4 часов дня внимание всех привлек необычный шум и треск льдин у берега. Члены Военного совета армии в это время обедали в блиндаже, который был приспособлен под столовую. Услышав этот необычный шум, мы выбежали на берег и увидели, как из-за острова Зайцевский двигалась колоссальных размеров льдина. Ломая все на своем пути, она дробила и переворачивала мелкие и крупные льдины, вмержшие бревна ломала, как легкие щепки. Зрелище потрясающее. Эта льдина, вернее, масса льда во всю ширину Волги замедляла ход. Мы все с большим волнением ждали, остановится она или не остановится, будет у нас естественный мост или — снова лодки, крики на реке, призывы к спасению утопающих и затертых во льдах...*

Пленные фельдмаршал Ф. Паулюс и полковник В. Адам в Бекетовке 31 января 1943 г. 30 января Гитлером Паулюсу было присвоено звание генерал-фельдмаршала. Радиограмма с этим приказом была принята, когда к штабу Паулюса в универмаге уже подходили советские штурмовые группы. Гитлер надеялся, что Паулюс в этом случае предпочтет застрелиться. Однако утром состоялась сдача фельдмаршала в плен. К 12 часам он уже был доставлен в Бекетовку в штаб командующего 64-й армией генерала Шумилова, где и состоялся первый допрос фельдмаршала

И вот, к всеобщей неопишуемой радости, огромная льдина остановилась против наших блиндажей. Даже не верилось.

Я немедленно вызвал командиров-саперов и приказал подготовить две-три партии бойцов с шестами и веревками и направить их через Волгу на левый берег.

Задача была проста — пройти по льду туда и обратно. Саперы ушли. Было уже темно. Всем не терпелось, каждый по нескольку раз выходил к берегу и слушал, не шумит ли от движения лед.

В 9 часов вечера вернулась первая партия саперов,

Танкисты 90-й танковой бригады празднуют окончание боев в Сталинграде. 2 февраля 1943 г.

которая благополучно перешла Волгу по льду туда и обратно. Все почувствовали облегчение. Мы связались с Большой землей!»

На другой день 17 декабря в сводке появилась приписка: «С утра 17 декабря установлено пешеходное движение через Волгу по двум настилам на льду».

23 декабря в 62-й армии произошло долгожданное событие: 95-й дивизией Горишного была установлена непосредственная связь со 138-й дивизией Людникова. 24 декабря приказом Ставки ВГК 112-я, 193-я, 37-я гвардейская дивизии и две стрелковые бригады были выведены из армии в резерв и отправлены на переформирование.

Настала очередь захвата Мамаева кургана и высоты 102,0. По свидетельству В.И. Чуйкова, для захвата этой точки была привлечена 284-я дивизия Батюка, а для удара на высоту 102,0 — 45-я дивизия Соколова, 39-я

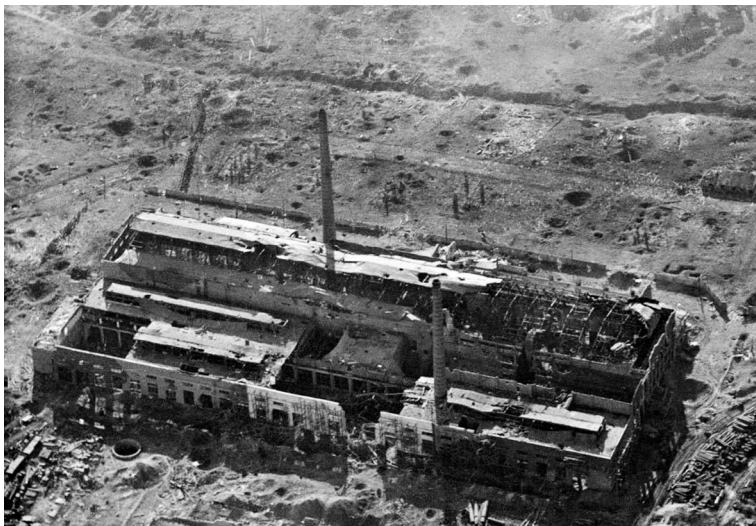
гвардейская Гурьева и 92-я морская стрелковая бригада Штриголя.

После тщательной разведки и артиллерийской подготовки **в ночь с 11 на 12 января было предпринято наступление, в результате которого 13 января вершина Мамаева кургана была взята.** Однако на наступление 284-й дивизии немцы постоянно отвечали отчаянными контратаками. Лишь 26 января сопротивление противника было окончательно сломлено, и бойцы 284-й дивизии вышли на западный склон кургана, где встретились с войсками 21-й армии.

Первыми к месту соединения советских войск вышли танки 121-й танковой бригады полковника М.В. Невжинского. Соединение 62-й армии и 121-й танковой бригады расчленило вражескую группировку и способствовало ее окончательному уничтожению. В течение следующих нескольких дней склоны Мамаева кургана полностью перешли под контроль советских войск.

Одно из самых кровопролитных сражений Второй мировой войны продолжалось на склонах Мамаева кургана 135 дней и унесло жизни более 34 тыс. советских воинов. Первый памятник героям — обелиск на братской могиле — был установлен 8 февраля 1943 г.

Как уже сообщалось ранее, 11 января в командование бригадой вступил бывший командир 42-го гв. сп 13-й гв. дивизии И.П. Елин, благодаря бездарному руководству которого 92-я ОСБр понесла огромные, ничем не оправданные потери. Начальник штаба бригады Н.Ф. Емельяненко через несколько дней после смены командира бригады ушел, не сработавшись с Елиным. Новым начальником штаба был назначен тоже достойный представитель советского офицерства Павел Иванович Турбин, до этого работавший в разведотделе штарма 62.

Вид 32-го цеха сталинградского завода «Баррикады» в конце января 1943 года

Бои на территории завода «Баррикады»

25 января по распоряжению начальника штаба армии 3-й стрелковый батальон занял оборону на острове Зайцевском, восточнее завода «Баррикады» (где немцы еще в ноябре вышли к берегу Волги) с задачей не допустить переправы противника.

А утром 26 января произошло радостное событие. Войска Донского фронта, наступавшие с запада, соединились на восточных скатах высоты 112,0 и на Мамаевом кургане с войсками 62-й армии. В результате окруженная под Сталинградом группировка фашистских войск была рассечена на две части. 92-я бригада приняла участие в ликвидации северной группы.

28 января, к полуночи, остатки бригады были передана из армейского резерва в оперативное подчинение командира 95-й стрелковой дивизии. В эту же ночь 2-й и 4-й стрелковые батальоны моряков вмес-

те с остатками 241-го стрелкового полка этой дивизии, были введены в бой на территории завода «Баррикады», чтобы овладеть цехом № 32.

Моряки ворвались в цех и завязали бой в его внутренних помещениях. Началась яростная борьба с многочисленным, хорошо вооруженным гарнизоном врага. Атакующие части бригады несли большие потери. При этом полковник Елин поспешил доложить В.И.

Чуйкову, что 32-й цех уже занят моряками и бездумно ввел в бой еще и 1-й батальон. Но в захваченных небольших помещениях было негде развернуться.

Ранним утром интенсивным артиллерийским и минометным огнем противник перебил линии связи. Радиосвязь тоже отсутствовала. Восстановить же связь в дневное время было невозможно. Все подходы к цеху простреливались многослойным огнем. Наши части, действовавшие в здании цеха, попали в окружение — были отрезаны от командного пункта бригады и своих тылов.

Немцы стреляли снизу, с высоких железных конструкций и со второго этажа. Они пробили в потолке несколько отверстий, через которые вели огонь из автоматов и забрасывали наших бойцов граната-

*Замкомандира 4-го батальона 92-й
отдельной морской бригады
старший лейтенант Скороходов
Александр Борисович*

ми. В здании скопилось много раненых, большинство из которых продолжало сражаться. После вражеской контратаки с внешней стороны здания связь с командованием соединения прекратилась. Боеприпасы и продовольствие были на исходе.

Весь день из цеха не поступало никаких донесений. Вечером, когда стемнело, начальник разведки бригады капитан Рукавцов получил задание комбрига проникнуть в цех и выяснить условия боевой обстановки, боеспособность и численность прорвавшихся в цех частей.

Взяв с собой двух лучших разведчиков — Алексея Савинова и Сергея Коломейцева, начальник разведки в ту же ночь пробрался в цех, преодолев сильный заградительный пулеметный и минометный огонь противника.

Бой в цехе продолжался. Однако значительная, не вызванная необходимостью скученность личного состава затрудняла его организацию, вызвала лишние потери. Капитан Рукавцов пришел к выводу, что достаточно было бы оставить здесь две-три штурмовые группы, а основные силы направить в обход здания с флангов и тыла. Именно эти соображения он, вернувшись, доложил комбригу Елину...

Дальнейший ход событий описан в письме в музей «Сталинградская битва» начальника разведки 92-й бригады капитана А.А. Рукавцова и его заместителя старшего лейтенанта А.С. Лукаша.

Выдержки из воспоминаний начальника разведки 92-й ОСБр капитана А.А. Рукавцова

...В ночь с 28 на 29 января 1943 года 2-й и 4-й, а потом и 3-й батальоны и остатки 241 сп 95 СД ворвались в 32-й цех завода «Баррикады» и захватили несколько подсобных помещений.

*Сталинград. 2 февраля 1943 года.
Митинг на площади Павших борцов*

Из дневника юного сталинградца Барышникова Ивана Уваровича 1929 г.р.: «Гнали немецких военнопленных длинными колоннами. Шли они укутанные в одеяла, на ногах соломенные башмаки. А я стоял в фуфаечке, в подшитых валенках, с буханкой хлеба под мышкой. Я - гордый, непобедимый сын Сталинграда!»

*Краснофлотцы 92-й морской бригады после взятия
завода Баррикады 2 февраля 1943 года*

Весь день внутри завода шли упорные бои. Проводная связь была нарушена, радиосвязь тоже не работала (видимо, сели батареи). Весь день из цеха не поступало никаких сведений. Вечером меня вызвал в блиндаж комбриг Елин и приказал любыми способами прорваться в 32-й цех, выяснить обстановку, боеспособность и численность наших прорвавшихся частей. Взяв с собой двух разведчиков-моряков, я через 3-4 часа пробрался в здание, преодолев с большим риском сильный огонь пулеметов, автоматов и минометов противника. Первым из офицеров я встретил командира 241-го полка майора Бударина. Он подробно ознакомил меня с обстановкой. Затем я побеседовал с командирами батальонов и бойцами. Обстановка была ужасная — кругом трупы, трупы и трупы. Часто раздавались взрывы гранат, треск автоматов и пулеметов. В воздухе грязь и пыль — нечем дышать.

Выяснив все, что мне было нужно, я с боем прорвался к своим, находящимся вне 32-го цеха.

Прибыв на КП, я сразу же направился в землянку комбрига и застал следующую картину. Такое не забывается. В большой, хорошо натопленной землянке за большим столом, на котором лежала закуска и выпивка, сидели два старших офицера: полковник Елин и его зам по политчасти подполковник Гуревич. Первый с одутловатой красной физиономией и осоловев-

Начштаба 92-й ОСБр (с января 1943 г.), с апреля 1943 г. - начштаба 93-й гв. СД майор Турбин Павел Иванович (1909-1944)

лыми глазами, облокотившись обеими руками на стол, сидел неподвижно и смотрел перед собой в одну точку. Второй красномордый вел произвольный разговор по телефону с бывшим комбригом Штриголем. Это я понял без труда.

Я доложил о прибытии, но оба промолчали. Не дожидаясь, когда они очнутся, я стал докладывать виденное и слышанное мною. И в конце сказал, что батальоны из цеха надо выводить, оставив в здании 2-3 штурмовые группы. Но и после моего доклада руководители бригады положения не изменили и ни одного слова мне не сказали. Я понял, что Елин и Гуревич в дребедень пьяны.

Повернувшись, я вышел и направился к начальнику штаба бригады Турбину и с возмущением доложил о случившемся. Павел Иванович покраснел,

глаза его гневно заблестели. Он вскочил из-за стола и, схватив меня за руку, потянул к комбригу. Турбин не вошел, а влетел в землянку Елина и с ходу устроил редчайший по резкости скандал, за что комбриг выгнал нас из своей землянки. Начальник штаба, вернувшись в свою, сразу позвонил начальнику штаба армии Крылову. Докладывал он с возмущением. Я все слышал. Как потом выяснилось, Крылов устроил Елину сильную головомойку, после которой Елин не здоровался ни со мной, ни с Турбиным...

**Выдержки из воспоминаний замначальника
разведки 92-й ОСБр старшего лейтенанта
Александра Степановича Лукаша**

(Музей-панорама «Сталинградская битва»)

Бой за цех № 32

«Бригада была брошена на завод «Баррикады» для наращивания успеха 95 СД. Основные силы бригады ворвались в цех № 32. Немцы воспользовались открытым слева флангом и вышли в тыл бригады. Принятыми мерами противник был остановлен и несколько оттеснен. К цеху 32 остался узкий проход, который простреливался снайперским, пулеметным и минометным огнем. В цехе шел бой. Связь была нарушена. Никто не знал, что там делается....

Елин и здесь захотел себя прославить, прекрасно видя и зная, что окруженные батальоны несут никому не нужные потери. Никакого смысла не было удерживать там занятые бытовые комнаты.

Начальник штаба Турбин и мы с Рукавцовым предлагали под прикрытием темноты вывести остатки бригады из цеха. Но комбриг и слушать никого не хотел и требовал от комбатов, не считаясь с потерями овладеть цехом. Как мы позже узнали, он уже доложил Чуйкову, что бригада заняла и прочно удерживает цех.

*Фельдмаршал Фридрих Паулюс после допроса в штабе Донского фронта Рокоссовским и Вороновым в хуторе Заварыгино.
Справа переводчик Лев Безыменский*

Комбриг бросал туда все, что могло двигаться. На наших глазах гибли прекрасные люди, не достигнув цели. Штаб бригады и НП находились в Банном овраге. Мы хорошо просматривали местность и прекрасно видели угол цеха с двумя большими окнами. Елин обещал орден на всем, кто восстановит связь... В цех посылались офицеры, которые оказывались либо убитыми, либо ранеными. Дело дошло до разведчиков.

Ночью Рукавцова вызвал комбриг и приказал проврататься в цех уточнить обстановку и принять все меры к его взятию. Саша пришел от Елина возбужденный и злой. Он взял с собой разведчиков и пошел. Мы остались на переднем крае для прикрытия. Утром начальник разведки Рукавцов вернулся без потерь и доложил комбригу (подробности этого доклада приведены в письме Рукавцова директору музея «Сталинградская битва» Виноградовой от 20.8.90 г. — В.Ш.) о безвыходно сложившейся обстановке, при этом еще раз

Плененное командование 29-й моторизованной дивизии в Бекетовке. Крайний слева командир дивизии Лейзер, справа от него начштаба дивизии майор Берг после сдачи в плен перед первым допросом у дома, где располагался штаб 64-й армии.

предложил вывести людей из цеха. Комбриг и находящийся в этот момент при нем зам по политчасти Гуревич не приняли никакого решения. Люди продолжали гибнуть.

Днем 29 января я был срочно вызван к комбригу, где получил приказ прорваться в цех, восстановить связь и сообщить истинное положение дел. Было ясно, что Рукавцову Елин не верит. Я, было, возразил, что днем это сделать невозможно, но комбриг меня грубо оборвал и потребовал немедленного выполнения приказа. Я подобрал 15 человек во главе с командиром роты Семеновым и комвзвода Агеевым. Рукавцов с группой разведчиков остался на переднем крае для прикрытия.

Сталинградские дети

Только ночью мы пробрались в цех. Кругом лежали трупы. Раненые истекали кровью, помощи им никто не оказывал. Боерприпасов не было. Воды и пищи тоже. Все живое сосредоточилось в уборной цеха. Люди были уставшие, голодные. По команде одного из политруков (фамилии не помню) периодически кричали «ура!», пытаясь навести страх на немцев. Этот политрук коротко доложил обстановку, хотя я и без доклада видел, что творится. Пользуясь темнотой, мы атаковали противника вдоль цеха и немного продвинулись, но утром под натиском немцев снова отошли в район бытовок. Разведчики под руководством санинструктора Коломийцева оказали посильную помощь раненым, отдали имеющиеся продукты и воду. Когда рассвело, мы нашли разрыв кабеля непосредственно у самого телефонного аппарата и соединили его. Я лично докладывал Елину, что видел, и, конечно, тут же предложил вывести людей — в живых оставалось 20-30

человек. Комбриг мне не верил и требовал выполнения приказа. Через несколько минут связь прервалась. В цехе мы пробыли несколько дней. В итоге выбились из сил и просто заснули в одном из туалетных отсеков. Взрыв большой силы разбудил нас. Кругом плыла пыль, летел щебень. Оказалось, немцы подорвали крышу цеха — под бетоном были похоронены остатки бригады. Ночью мы — трое голодных измученных разведчиков — вернулись в бригаду. Всего удалось спастись и выйти из цеха в разное время еще 15 человекам.

Комбриг встретил нас холодно, сказав при этом: «Мы всех вас уже похоронили». Стало очень обидно за всех, бессмысленно отдавших жизнь в цехе № 32. Погибшие были для Елина пустым местом также как и мы, чудом оставшиеся на этом свете. Бог спас нас хотя бы для того, чтоб поведать людям правду об этом ставшем генералом «герое».

Таков был конец боев за 32-й цех завода «Баррикады». Я и все оставшиеся в живых считаем, что в гибели большинства моряков и командиров повинен в первую очередь командир 92-й бригады полковник Елин, а вместе с ним его зам по политчасти Гуревич и начальник политотдела Власов.

2 февраля немцы капитулировали. Мы еще раз зашли в цех № 32, но не нашли никого из выживших. Здесь среди прочих погибли ст. л-т Семенов и л-т Агеев...»

Однако официальное сообщение о боях за 32-й цех содержало пустые обтекаемые фразы без анализа виновников потерь, понесенных 92-й морской бригадой.

**Строчки из журнала боевых действий
92-й ОСБр, «отредактированные» комбригом
Елиным и замполитом Гуревичем**

29.1.43 г. бригада согласно устного распоряжения Командующего 62-й Армии сосредоточилась в юго-восточном углу завода «Баррикады» и вошла в оперативное подчинение 95 СД, где она получила задание захватить 32-й цех и закрепиться в нем.

В ночь с 29.1.43 на 30.1.43 2 ОСБ и 4 ОСБ удалось совместно с 241 СП 95 СД ворваться в цех и вступить в бой с обороняющимися там немцами.

Захватить восточную часть цеха — нижнее помещение три комнаты.

Части бригады в течение всей ночи с 29.1.43 на 30.1.43 вели гранатный бой с немцами, пытаясь распространиться по территории цеха. Действия затрудняла темнота. Выходы из занимаемых комнат в цех противник держал непрерывно под огнем. Вся территория цеха была загромождена станками и обломками, что также немало сдерживало работу бойцов.

Проходы между станками простреливались автоматчиками, огнем из амбразур в стенах, прилегающих к смежному цеху, засыпались гранатами сверху из проломов стен.

В 5 час 29.1.43 г. телефонная связь с частями, находящимися в цехе была прервана в результате огневого налета артиллерии противника. Попытки восстановить связь с частями в течении дня не удалось. Сильный фланговый огонь огневых точек противника, расположенных около цеха, не позволял приблизиться к нему. Смельчаки, пытавшиеся преодолеть открытое пространство перед цехом, были убиты. Лишь двоим удалось проскочить в цех и подать сигнал, что части находятся в цеху и продолжают бой...

Вот как «завуалированно» подполковник Елин и

замполит Гуревич решили поведать в «Боевой истории 92-й бригады» о прорыве в 32-й цех начальника разведки соединения Рукавцова Александра Алексеевича с двумя моряками Алексеем Савиновым и Сергеем Коломейцевым

Получается, бои вели одни люди, а описание сражения после его завершения делали другие, которые не постеснялись затоптать в грязь память бездарно павшим по их вине в этом цехе, и «забыли» воздать должное героизму и мужеству выживших, в большинстве своем искалеченных.

Последние бои

О «деталях» последнего дня сталинградских боев остались строчки в воспоминаниях командарма 62 В.И. Чуйкова: *«Утром 2 февраля 1943 года мы с Гуровым прибыли на свой наблюдательный пункт, который находился в развалинах заводской конторы завода «Красный Октябрь». Тут же недалеко были наблюдательные пункты командиров дивизий Людникова, Соколова и Горишного. Последний удар 62-я армия наносила на заводы Тракторный, «Баррикады» и их поселки. В наступлении участвовали дивизии Горишного, Соколова, бригада Штриголя».*

После окончательной ликвидации окруженной группировки противника в районе г. Сталинграда 92-я бригада вышла из состава 62 А и поступила в подчинение заместителя командующего войсками Донского фронта генерал-лейтенанта Трубникова.

В числе прочих был награжден и замкомандира 4-го батальона 92-й морской бригады старший лейтенант Александр Борисович Скороходов, со знакомства с которым мы начали данное повествование.

Послевоенная встреча воинов бывшей 92-й морской бригады в 4-й гимназии г. Волгограда. Слева направо: бывший командир 1-го пулеметного взвода пулеметной роты 2-го ОСБ мл. лейтенант А.О. Хозяинов, политрук 2-го ОСБ В.С. Верхотуров, начальник разведки 92-й ОСБр капитан А.А. Рукавцов. Фото 1982 г.

же допросе он чистосердечно признался, что при попытках захватить дом на площади 9-го января Германия потеряла больше своих солдат, чем при завоевании Франции... Дом на площади 9 января — так называемый (теперь уже всемирно известный) дом сержанта Я. Павлова, стойкость героических защитников которого так и не смогла преодолеть хваленая немецкая армия.

Возвращаться в Германию пленные немцы начали с 1945 года. Вначале были отпущены инвалиды и больные. К 1950 году большинство солдат вермахта, не участвовавших в военных преступлениях, уехало домой. Последних выпустили к 1955 году.

После окончания боев 62-я армия вместе с 92-й бригадой была переведена в подчинение Донскому фронту под командование генерала К.К. Рокоссовского.

В марте части 92-й ОСБр под командованием полковника И.П. Елина эшелонами стали перебрасываться под Барвенково для переформирования. 26 и 27 марта на станции Лиски эшелоны бригады попали под бомбежку немецкой авиации. Более 500 человек было убито, более 1000 получили ранения и увечья.

Наибольшие потери понес 1-й батальон. Погибли командир и начальник штаба. После гибели командира его место занял старший лейтенант А.Б. Скороходов.

В апреле 1943 года на базе 92-й Краснознаменной и 13-й гвардейской морских бригад была создана 93-я гвардейская Харьковская дважды Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия, дошедшая от Курска до Праги.

О всех перипетиях этого долгого боевого пути 93-й гвардейской будет рассказано в следующей книге «От Курска до Праги», которая готовится к выпуску.

Историко-публицистическое издание

Вячеслав Викторович Шалагинов

92-я морская бригада в Сталинграде

Форзац. *Схема боев 92 ОСБр в сентябре 1942 г., составленная стариной II статьи из 4-го ОСБ 92-й морской бригады в сентябре 1971 г.*

Нахзац. *Они запомнят этот день на всю жизнь*

В авторской редакции

Корректор

Компьютерная верстка

Дизайн обложки

Л.Л. Андреева

В.В. Шалагинов

ООО «ТД Алгоритм»

ООО «ТД Алгоритм»
Тел./факс (495) 617-08-25

Сдано в набор 01.11.17. Подписано в печать 28.11. 2017 г.

Формат 60x84/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22

Тираж 300 экз. Заказ